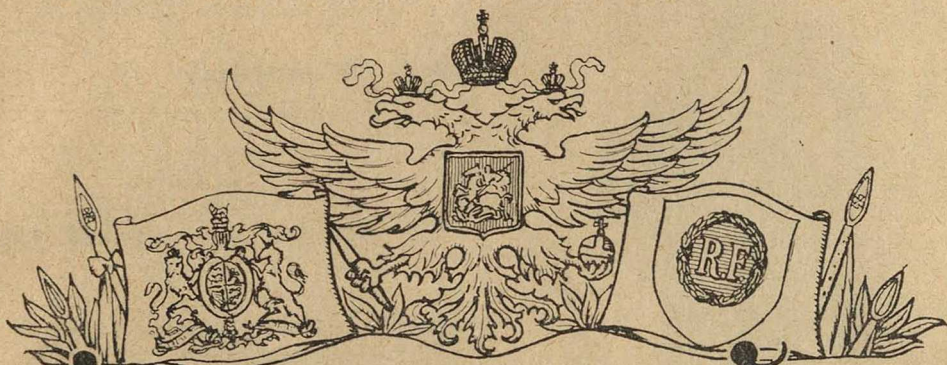

МІРОВАЯ ВОЙНА

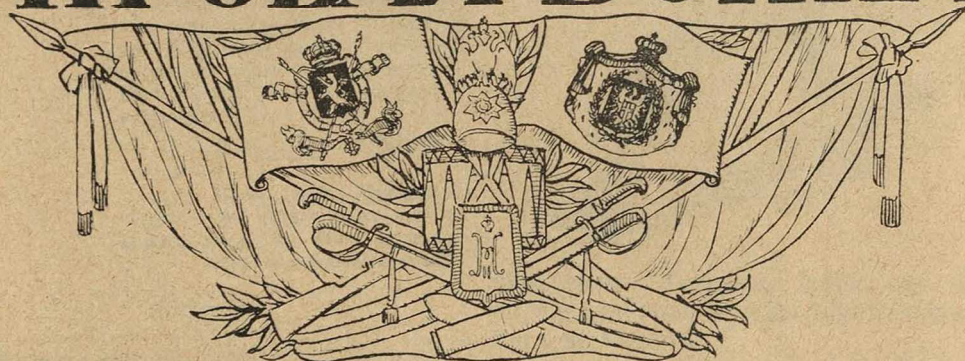
ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ.

МІРОВАЯ ВОЙНА

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ
и
ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ

Книга III.

ИЗДАНИЕ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Е. К. М. С. Н. И. Р. О. В. А.

НАУКОПОСРЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

МИРОВАЯ ВОЙНА

ВЪВЕДЕНІЕ
ВЪ НАУКУ

III томъ

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
МОСКВА.—1915.

Сенегальскій стрѣлокъ

Повѣсть В. Дубаса.

I.

Пѣвецъ Феллани изъ племени мандинго

«... Когда нѣсколько столѣтій тому назадъ португальцы замѣтили въ западной Африкѣ то уваженіе, съ какимъ негры относились къ нѣкоторымъ предметамъ,.... они очень удачно сравнили эти предметы съ хорошо извѣстными имъ самимъ амулетами и назвали ихъ Feitiso или чарами—словомъ, происходившимъ отъ латинскаго Factitius въ смыслѣ «магически искусный»...

Тэйлоръ.

«... О Моссе, сынъ Мотланка, обрати нынѣ свои очи на насъ и защити насъ, ты богъ нашъ»...
Изъ молитвъ кафровъ.

существомъ Феллани, когда онъ пробирался по знакомой тропинкѣ великаго лѣса въ Сокото.

Какъ ни спѣшилъ онъ засвѣтло добраться до родной деревни, духи ночи опередили его. Они владѣли уже загадочной тишью лѣсныхъ дебрей, эти вездѣсущіе могучіе духи, и изрѣдка перекликались другъ съ другомъ жуткими жуткими звуками. То стонъ, то хохотъ напоминали таинственные голоса духовъ, и остатокъ хмеля окончательно исчезъ изъ головы Феллани отъ сознанія невѣдомой опасности.

Онъ прибавилъ шагу, усиленно шепча молитву, висѣвшему у него на шеѣ фетишу—деревяжкѣ, изображавшей змѣю. Феллани хорошо зналъ, что фетишъ охранить его отъ невидимыхъ силъ—не разъ пѣвцу изъ Сокото приходилось убѣждаться въ чудодѣйственныхъ свой-

ФЕЛЛАНИ, молодой бардъ, принадлежавшій къ красивому черному племени мандинго въ восточной Сенегамбії (западно-африканской французской колоніи), не успѣлъ до заката солнца вернуться въ свое родное селеніе Сокото. Три дня воспѣвалъ онъ на торжествахъ сосѣдней деревни Монбутто славныя дѣянія великаго народа мандинго, подъ аккомпанементъ первобытныхъ кимваловъ.

Три дня лилось рѣкой пальмовое вино въ Монбутто по случаю брачнаго торжества князька селенія, и хмельные восторженные слушатели краснорѣчиваго пѣвца Феллани внимали ему подъ тѣнью раскидистаго дерева табба. Пиршественное опьянѣніе еще владѣло всѣмъ

ствахъ деревяжки-амулета. Развѣ не спасъ его этотъ фетишъ еще недавно отъ вѣрной гибели, когда онъ внезапно подвергся коварному нападенію вблизи одного враждебнаго селенія! Развѣ не цѣлебной силѣ амулета онъ обязанъ выздоровленіемъ, когда злой духъ болѣзни вселился въ него и не помогали даже волшебныя чары могущественнаго колдуна Сокото!

Молитва фетишу въ это жуткое ночное время была далеко не лишней—Феллани по временамъ даже ощущалъ близко отъ себя дыханіе духовъ.

Были минуты, когда его расширенные зрачки готовы были уловить скользящія мимо стволовъ адансоній причудливыя тѣни таинственныхъ существъ, точно подстерегавшихъ пѣвца. Учащено начинало биться тогда сердце Феллани, кровь отливала отъ головы, на которой волосы поднимались дыбомъ, и лихорадочная дрожь трясла все его тѣло. Онъ останавливался, чтобы перевести дыханіе, судорожно сжимая въ рукахъ фетишъ, и молился, молился чудотворному талисману всей своей душой.

Исчезали страшныя силуэты, утихали призрачныя голоса, и великій лѣсъ обнимала глубокая тишь.

Феллани ободрялся и продолжалъ путь, все время почти бѣгомъ.

Наконецъ, къ неописуемой его радости, онъ приблизился къ обширной полянѣ, на которой было расположено его родное селеніе, Сокото. Феллани вступилъ въ одну изъ хижинъ, въ которой уже спали его мать и братъ. Осторожно, чтобы не разбудить спавшихъ, онъ расположился на своей незамысловатой постели, состоявшей всего изъ охапки маисовой соломы, положенной на земляной полъ хижины.

Долго сонъ не шелъ къ нему—духъ сна, вѣроятно, блуждалъ еще гдѣ-то въ лѣсу.

Феллани отдался на волю своего богатаго воображенія и перебиралъ въ памяти образы только что пережитаго въ Монбутто.

«Хорошо властителю сосѣдней деревни,—думалось ему, при воспоминаніи о князѣ Монбутто,—сколько красивыхъ женъ можетъ онъ имѣть, сколько

запасовъ пальмоваго вина, какую обширную и роскошную хижину, устланную замысловатыми циновками! Но все это, конечно, ничто въ сравненіи съ сокровищемъ, которымъ обладаетъ властитель Монбутто—чуднымъ, волшебнымъ, синимъ мундиромъ и яркими, какъ огонь, красными панталонами. Справедливо гордится этимъ сокровищемъ князекъ, сознавая себя на много головъ выше всѣхъ своихъ почти обнаженныхъ подданныхъ».

Феллани такъ живо представилъ себѣ яркость красныхъ панталонъ и золотыхъ кружковъ, что острая зависть къ обладателю этихъ вещей охватила его существо.

Какъ только вождю Монбутто удалось получить такіе безцѣнные предметы?! Почему неизвѣстныя войны, отъ которыхъ онъ получилъ эти вещи, не забрели въ Сокото? Быть-можетъ, и Феллани удалось бы выманить подъ какимъ-либо предлогомъ прекрасную одежду и одѣться въ нее на удивленіе и зависть всего селенія...

— Впрочемъ,—не безъ гордости подумалъ онъ,—даже и безъ прекраснаго чужеземнаго одѣянія онъ, Феллани,—знаменитый бардъ, о немъ знаетъ не одно селеніе могучаго племени мандинго. Кто лучше его умѣетъ воспѣть дѣянія славнаго народа! Кто больше его помянетъ мудрыя изреченія племени, передающіяся изъ рода въ родъ!

Кто можетъ доставить больше его удовольствія слушателямъ своими сказаніями, пѣснями!.. Даже всесильный, знающій цѣну себѣ, деревенскій шаманъ уважаетъ Феллани и удостоиваетъ его интимными собесѣдованіями. Стоитъ ли говорить послѣ этого объ уваженіи обыкновенныхъ смертныхъ...

Справедливо гордится мать Феллани своимъ сыномъ, не даромъ она говоритъ: «Сынъ мой Феллани—лучшій пѣвецъ мандинго». Это мнѣніе очень цѣнитъ Феллани,—вѣдь онъ принадлежитъ къ племени мандинго, сыны котораго чрезвычайно уважаютъ и любятъ своихъ матерей.—Бей меня, если ты хочешь, но не ругай моей матери,—такъ принято говорить среди членовъ этого племени. Но образъ синяго мундира и красныхъ панталонъ продолжалъ носиться въ во-

ображеніи Феллани и, засыпая, «лучшій пѣвецъ мандинго», все еще видѣлъ эти прекрасныя вещи.

Наконецъ духъ сна вошелъ въ пѣвца, и онъ заснулъ.

II.

Жизнь въ селеніи Сокото.

«... Страна, гдѣ все, чѣмъ лишь она богата,—

Плоды и солнце,—служить вмѣсто злата —

Приволье, гдѣ жилище — каждый гротъ,

Все общій садъ,

Гдѣ всѣмъ доступенъ входъ,

Гдѣ щедрая на ласки мать-природа

Лелѣетъ жизнь наивнаго народа»...

Байронъ.

— Клянусь слезами моей матери, — говорилъ Гуреро, младшій братъ Феллани, своему старшему брату пѣвцу на слѣдующее утро, — ночью духъ мой былъ въ блаженной далекой странѣ и видѣлъ удивительныя вещи.

И онъ принялся подробно разсказывать брату о странствованіяхъ своего духа.

Всякій здравомыслящій туземецъ племени мандинго прекрасно знаетъ, что во время сна духъ человѣка уходитъ изъ его тѣла въ образѣ тѣни, животного или птицы, и въ короткое время можетъ переноситься на громадныя пространства.

Феллани снисходительно слушалъ младшаго брата, такъ какъ его духъ во время сна видалъ еще болѣе удивительныя вещи. Несмотря на ранній часъ, жаркое солнце жгло своимъ раскаленнымъ дыханіемъ, но братья чувствовали себя превосходно въ тѣни вѣтвистаго табба, росшаго возлѣ родной хижины со стѣнами изъ утоптанной глины, на которыхъ была положена тростниковая крыша.

Успѣвъ уже насытиться съ самаго утра маисовыми лепешками, бананами и сочными плодами ананасовъ, Феллани, одѣ непрерывный пи мѣрный разсказъ Гуреро, предался сладкой полудремѣ. Онъ

безсознательно ощущалъ всю полноту животной жизни, солнечной, радостной, беззаботной. Кругомъ міръ, залитый веселыми солнечными лучами, внушалъ чувство свѣтлаго покоя и безопасности — злые ночные духи укрывались въ темныхъ непроходимыхъ дебряхъ, не смѣя явиться передъ лицо сонма невидимыхъ добрыхъ дневныхъ духовъ, водившихъ радостные хороводы.

Хорошо въ Сокото... Кормилицы-пальмы раскинулись вѣрнымъ царствомъ вокругъ селенія, и плоды ихъ вкусны и питательны. Вотъ пальма думъ, приносящая много-много орѣховъ, сытныхъ, большихъ, причудливо вѣтвится своимъ стволомъ отъ самой земли. Вотъ хмельная, веселая стройная пальма мирити, дающая такое пріятное и крѣпкое вино. Тамъ зрѣютъ сочныя ананасы и авагатме, вкусные бананы и хлѣбные плоды.

Мало труда требуется для поддержанія жизни въ Сокото — все даетъ природа. Если и сѣютъ что-нибудь жители селенія, то это вызывается не столько необходимостью, сколько утонченностью вкуса.

Вся недолгая жизнь Феллани прошла въ родномъ Сокото. Въ дѣтствѣ онъ вмѣстѣ съ своими сверстниками предавался туземнымъ играмъ, ловилъ птицъ, взбирался на высокія деревья въ поискахъ рѣдкихъ яицъ.

Въ ранней юности обучался онъ метанію копья и другимъ воинскимъ упражненіямъ, и неоднократно участвовалъ въ побѣдоносныхъ походахъ своихъ родичей.

Отецъ его, имѣвшій пристрастіе къ пѣснѣ и сагѣ, пріучилъ его понемногу къ уважаемой всѣмъ народомъ мандинго профессіи пѣвца. Благодаря своей богатой фантазій и памяти, Феллани вскорѣ далеко оставилъ за собой другихъ пѣвцовъ и сталъ, по справедливости, гордостью Сокото. У Феллани уже нѣсколько лѣтъ нѣтъ отца; всѣмъ хозяйствомъ управляетъ мать — почтенная женщина, которую сыновья очень любятъ. Она умѣетъ готовить очень вкусныя лепешки изъ разнообразныхъ плодовъ и маиса и очень убѣдительно говорить о воспитаніи дѣтей въ духѣ нравственности племени мандинго. Не мало

поговорокъ родного племени хранить она въ своей душѣ, и очень ловко пользуется ими при горячемъ спорѣ. Туземцы Сокото чрезвычайно любятъ спорить, и только «человѣкъ, не знающій сколько семью семь», по ихъ выраженію, — т.-е. попросту глупый, — можетъ оставаться равнодушнымъ къ діалектическимъ тонкостямъ спора.

Феллани въ такого рода состязаніяхъ играетъ первую роль, и это тоже причина, на ряду съ его дарованіемъ пѣвца, почему онъ пользуется уваженіемъ своихъ родичей. Правда, рѣшаетъ споръ всегда шаманъ, человѣкъ, полный, по мнѣнію жителей Сокото, глубокихъ, сокровенныхъ знаній и къ тому же многоопытный. Ему извѣстно, такъ сказать, начало всѣхъ началъ, свойства и превращенія духовъ, лѣченіе изгнаніемъ духовъ и напусканіе болѣзни при помощи сложныхъ церемоній. Онъ, въ одно и то же время, метафизикъ, психологъ, чудесникъ и лѣкарь.

Многое изъ тайныхъ знаній колдуна извѣстно уже Феллани, и въ душѣ пѣвецъ не слишкомъ преклоняется передъ авторитетомъ шамана. По временамъ даже онъ готовъ стать въ оппозицію колдуну, и только благоразумные совѣты его матери и брата Гурреро, хотя и младшаго, но болѣе уравновѣшаннаго, дѣйствуютъ на него успокоительно.

Спокойное однообразіе жизни въ Сокото по временамъ нарушается походами на дальнія селенія, гдѣ предполагается богатая добыча, а иногда приходится отражать и внезапно появляющихся враждебныхъ пришельцевъ. Время отъ времени устраиваются въ окрестностяхъ Сокото его жителями облавы на буйволовъ, слоновъ и дикихъ звѣрей. Эти эпизоды служатъ богатымъ матеріаломъ для сагъ славнаго пѣвца Феллани.

Такъ течетъ жизнь въ Сокото, въ солнечной беззаботности дня, въ тревогахъ жуткой ночи, въ военныхъ и охотничьихъ подвигахъ.

Всякій мандинго сильно привязанъ къ родной землѣ и селенію, гдѣ онъ родился. Мечта его — умереть на мѣстѣ рожденія. Для мандинго нѣтъ тѣни

пріятнѣе тѣни дерева табба, нѣтъ воды вкуснѣе воды родного селенія, нѣтъ плодовъ сочнѣе плодовъ родной деревни.

III.

Синіе мундиры.

«... Этотъ человѣкъ такъ бѣденъ, что даже на половину не можетъ окрасить своего тѣла»...

(Изъ взглядовъ американскихъ дикарей на украшеніе и одежду).

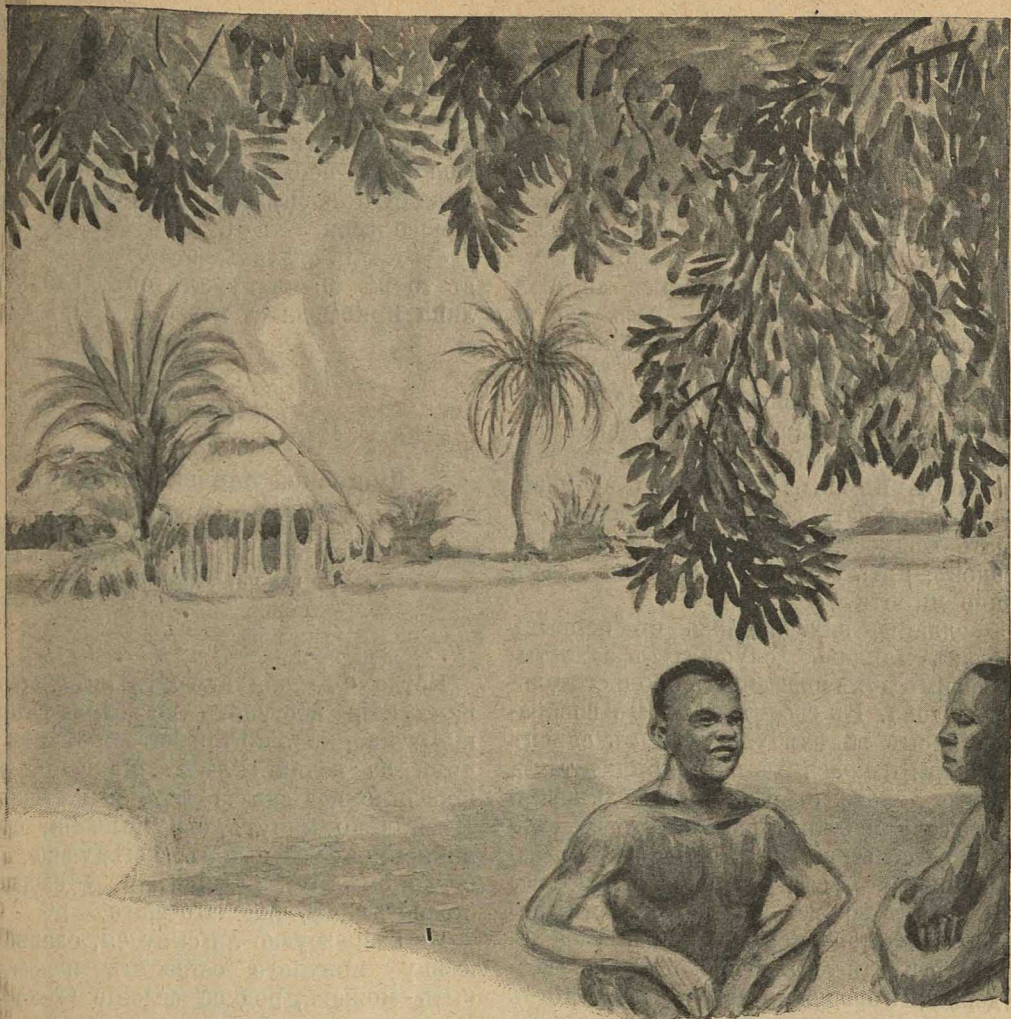
А. Гумбольдтъ.

Это было въ солнечное утро, какихъ такъ много въ Сокото, когда могучій богъ солнца шагаетъ по прозрачно голубому своему царству и заглядываетъ съ поднебесныхъ высотъ въ яркую зелень густыхъ лѣсовъ, играетъ съ свѣтлыми пятнами тѣней и обвивается причудливыми вѣнками отраженныхъ лѣанъ на поляхъ.

Феллани, по обыкновенію, лежалъ подъ деревомъ табба, обдумывая новую пѣсню въ честь великаго народа мандинго, какъ вдругъ его вниманіе внезапно было привлечено странными звуками. Съ каждой минутой звуки становились явственнѣе; уже многіе родичи Феллани начинали прислушиваться къ нимъ. Несомнѣнно, къ селенію Сокото приближались невѣдомые пришельцы — неизвѣстно, друзья или враги.

По тревожному знаку вождя, воины мандинго поспѣшно бросились къ хижинамъ, и черезъ нѣсколько минутъ въ полномъ вооруженіи построились въ боевой рядокъ, готовясь встрѣтить неожиданныхъ гостей.

Въ томительномъ ожиданіи прошло нѣкоторое время. Станные звуки какъ будто начинали стихать. И вдругъ, въ дальнемъ концѣ деревни показались ряды синихъ мундировъ и красныхъ панталонъ, и почти въ то же время воздухъ задрожалъ отъ радостныхъ звуковъ, вылетающихъ изъ блестящихъ большихъ и малыхъ трубъ. Большой барабанъ — идеаль мандинго — гремѣлъ въ тактъ марша, и заливались диковиннымъ свистомъ маленькія трубки. Зрѣлище, представившееся населенію Сокото, было такъ

Феллани сидѣлъ съ своимъ младшимъ братомъ подъ тѣнью вѣтвистаго табба и слушалъ его повѣсть о томъ, что видѣлъ его духъ въ ночныхъ видѣніяхъ.

волшебна, такъ диковинно, что всѣ мандинго застыли, слѣдя за развертывающейся передъ ними панорамой.

Изъ лѣса выходили все новые и новые ряды, а передніе уже приближались къ воинамъ Сокото. Когда разстояніе между туземцами и пришельцами стало совсѣмъ близкимъ, синіе мундиры остановились, и тутъ только мандинго увидѣли, что передъ ними такіе же черные люди, какъ и они. Правда, во главѣ пришельцевъ было немного бѣлыхъ, но они терялись въ массѣ черныхъ лицъ.

По знаку одного изъ бѣлыхъ, на мундирѣ котораго были золотые значки,

изъ рядовъ прибывшихъ вышелъ черный воинъ, который на языкѣ, понятномъ языку мандинго, обратился къ населенію Сокото съ небольшой, но выразительной рѣчью. По его словамъ, пришельцы—могучіе воины далекихъ бѣлыхъ людей и не сдѣлаютъ никакого зла жителямъ Сокото. Присутствующие здѣсь вожди—бѣлые общаются это.

Населеніе Сокото должно оказать прибывшимъ воинамъ гостепріимство въ теченіе нѣсколькихъ дней и будетъ за это щедро вознаграждено прекрасными красными матеріями и звонкопрозрачными стеклянными бусами. Тѣ изъ вой-

новъ Сокото, которые желаютъ получить синій мундиръ, красные панталоны и другія чудесныя вещи, могутъ присоединиться къ отряду пришельцевъ и сдѣлаться такими же возбуждающими всеобщую зависть воинами. Они будутъ шагать подъ звуки веселой музыки и немолчную трескотню барабановъ. Они увидятъ удивительныя большія селенія, построенныя бѣлыми людьми. Ихъ будутъ хорошо кормить, имъ дадутъ лучшее и болѣе крѣпкое вино, чѣмъ вино веселой пальмы мирити.

Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣнiе на воиновъ Сокото—нѣкоторые изъ нихъ готовы были хоть сейчасъ вступить въ ряды пришлыхъ воиновъ, чтобы получить прекрасныя вещи, слушать рѣдкостныя звуки трубъ и барабановъ, пить вино болѣе крѣпкое, чѣмъ вино мирити.

Феллани, находившійся въ первыхъ рядахъ мандинго, слушалъ съ захватывающимъ духъ вниманiемъ обольстительныя слова. Въ своемъ пылкомъ воображенiи онъ видѣлъ уже себя въ синемъ мундирѣ и красныхъ панталонахъ тамъ, гдѣ-то далеко отъ Сокото, въ диковинномъ селенiи бѣлыхъ. Любопытство, смѣшанное со страстью къ новизнѣ, къ невиданному, чудесному, охватывало все его существо все возрастающимъ порывомъ. Загорались яркимъ пламенемъ въ душѣ гдѣ-то тлѣвшiе огоньки безудержнаго бродяжничества, стремленiя въ даль туда, за великiй лѣсъ. А потомъ вѣдь можно вернуться въ Сокото, чтобы провести остатокъ дней и умереть въ родной деревнѣ. Сколько новыхъ пѣсень и сказанiй принесетъ онъ съ собой! Какой славой окружить онъ свое имя среди мандинго!..

Синiе мундиры, радушно принятыя жителями Сокото, начали располагаться въ деревнѣ. Женщины мандинго сносили имъ цѣлыя груды разнообразныхъ плодовъ, маисовыхъ лепешекъ, искусно выдолбленныя тыквы съ виномъ пальмы мирити. Въ честь пришельцевъ вождь селенiя устроилъ торжественное празднество, и Феллани воспѣвалъ въ своихъ пѣсняхъ подвиги мандинго. Бѣлые вожди, попивая вино, слушали его, время отъ времени обращаясь къ черному пе-

реводчику, и одобрительно качали головой.

Одобренiе бѣлыхъ, которыхъ Феллани, какъ и большинство его родичей, приходилось видѣть первый разъ въ жизни, еще болѣе воодушевляло славнаго барда мандинго и онъ готовъ былъ превзойти самого себя.

— Какiя странныя эти бѣлые люди,—въ то же время думалъ онъ, глядя на лица прибывшихъ вождей.

IV

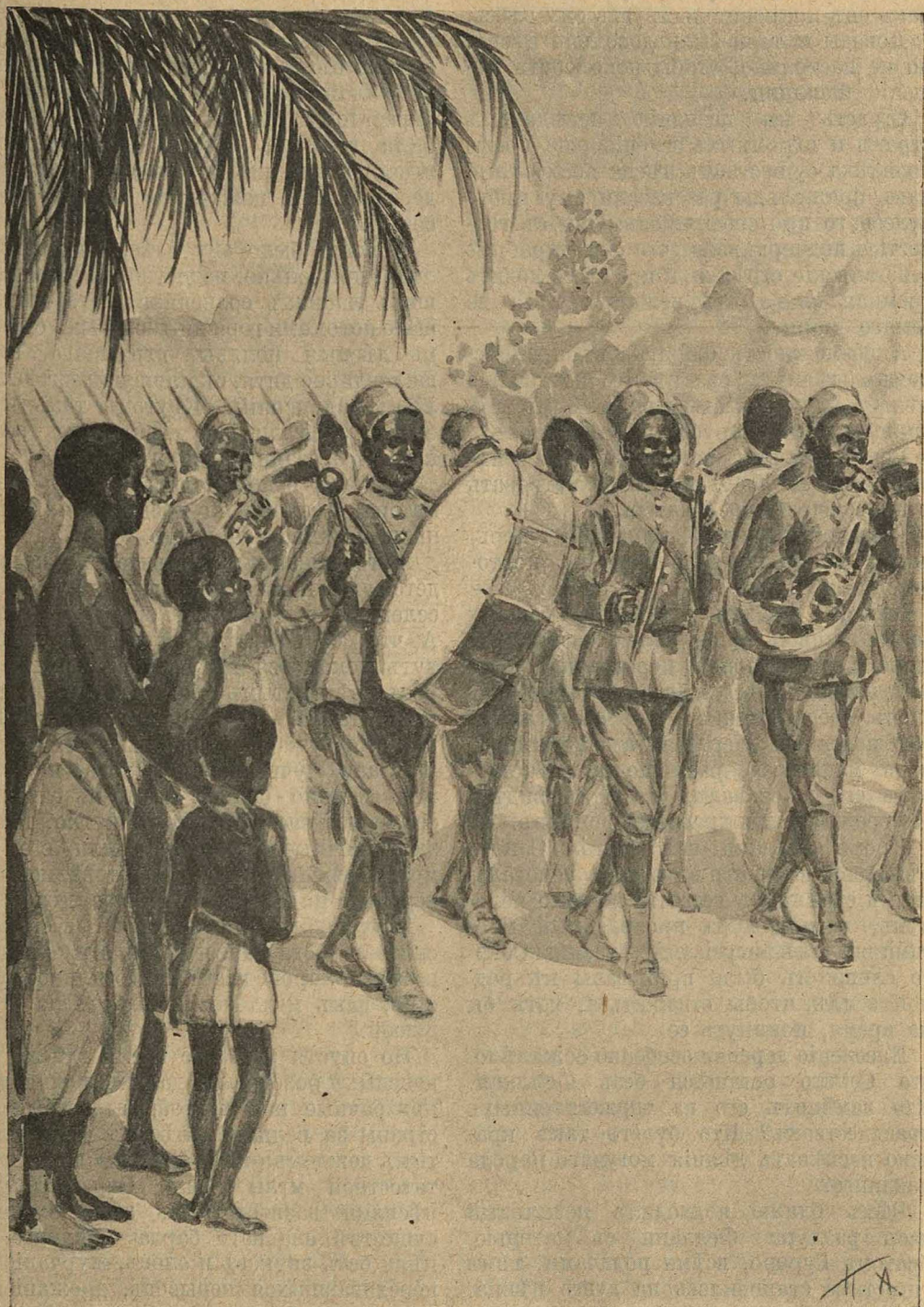
Душевная борьба Феллани.

«... Мандинго прежде всего мечтаетъ о томъ, чтобы умереть тамъ гдѣ онъ родился»...

Мунго Парк.

Когда Феллани открылъ матери свое намѣренiе поступить въ отрядъ пришлыхъ воиновъ и отправиться вмѣстѣ съ ними за великiй лѣсъ, признанiе это поразило почтенную черную женщину. Нѣсколько минутъ она молчала, ошеломленная, а потомъ негодуя, съ отгнѣнкомъ горечи, начала увѣщавать его не дѣлать опаснаго шага.

Не безразсудно ли сыну ея, славному пѣвцу мандинго оставлять навсегда, быть-можетъ, родное селенiе Сокото... И кости его не будутъ покоиться въ родной землѣ, подъ тѣнистымъ деревомъ табба. Всѣ предки его лежатъ здѣсь, и она, его любящая мать, съ такимъ старанiемъ вырастившая его, не увидитъ его въ свой предсмертный часъ. Да есть ли гдѣ-либо селенiе, которое могло бы сравняться съ Сокото? Есть ли страна, гдѣ были бы лучшiе плоды, лучшее вино, отраднѣе тѣнь дерева табба? Феллани любятъ всѣ и уважаютъ; быть-можетъ, послѣ смерти вождя его изберутъ даже князькомъ. Въ радости и веселии протечетъ его жизнь въ счастливомъ селенiи Сокото. А тамъ, въ далекой, невѣдомой странѣ, за великимъ лѣсомъ,—что ждетъ Феллани? Можетъ ли онъ быть увѣренъ, что его фетишъ-змѣя будетъ неизмѣнно покро-

Подъ звуки походного марша и грохотъ барабановъ весело шагали стрѣлки, поди́ывая въ тактъ музыкѣ,

вительствовать ему на чужбинѣ такъ, какъ онъ покровительствуетъ ему здѣсь.

Доводы матери были довольно вѣски, но не настолько, чтобы поколебать рѣшеніе Феллани.

Страсть къ познанію невѣдомыхъ странъ и огромныхъ селеній еще болѣе овладѣла существомъ пѣвца послѣ того, какъ пришельцы рассказали ему много чудеснаго про свою жизнь. Они съ гордостью подчеркивали, что они—храбрые сенегальскіе стрѣлки, и про нихъ ходитъ громкая слава отъ великаго лѣса до самаго моря.

А возможность блистать въ прекрасномъ одѣяніи, развѣ это не имѣло цѣны?! А наслаждаться радостными звуками мѣдныхъ трубъ и барабановъ!..

Вернуться въ Сокото онъ всегда успѣетъ. Будетъ Феллани присутствовать и при смерти своей матери.

Счастливый случай, выпавшій теперь, можетъ-быть, больше уже не повторится.

Пѣвецъ мандинго заявилъ бѣлому вождю синихъ мундировъ о своемъ рѣшеніи черезъ чернаго переводчика. Бѣлый начальникъ, узнавъ, вѣроятно, изъ словъ своего воина, что Феллани не обыкновенный смертный, а славный пѣвецъ мандинго, радушно привѣтствовалъ его и сказалъ, что радъ видѣть его среди своихъ храбрыхъ воиновъ.

Кромѣ Феллани, изъ селенія Сокото рѣшились вступить въ отрядъ сенегальскихъ стрѣлковъ всего нѣсколько чело-вѣкъ, несмотря на проявленный многими вначалѣ энтузіазмъ. Туземцы Соко-то слишкомъ были привязаны къ родной землѣ, чтобы отважиться, хотя бы на время, покинуть ее.

Населеніе деревни особенно сожалѣло что Сокото останется безъ Феллани. Кто замѣнитъ его на торжественныхъ празднествахъ? Кто будетъ такъ красиво воспѣвать дѣянія могучаго народа мандинго?

Чѣмъ ближе подходилъ печальный часъ разлуки Феллани съ матерью, братомъ Гуреро, всѣми родичами, тѣмъ тягостнѣе становилось на душѣ пѣвца. Онъ старался не смотрѣть на горестное лицо доброй матери, въ глазахъ брата ему чудился безмолвный упрекъ. Даже

шаманъ, учитель мудрости, съ сожа-лѣніемъ смотрѣлъ на своего способнаго ученика, быть-можетъ, даже своего пре-емника въ чудодѣйственныхъ занятіяхъ.

Феллани бродилъ по селенію, по окрестному лѣсу, гдѣ ему съ дѣтства была знакома каждая тропинка, каждая пальма мирити, каждое прекрасное дерево табба, каждая необъятная адан-сонія...

Хорошо было ему здѣсь съ раннихъ лѣтъ, привольно, радостно, въ опьяняю-щихъ ласкахъ солнечнаго бога, сыпав-шаго потоками горячихъзолотыхъ стрѣлъ въ лѣсныя поляны, игравшаго, какъ шаловливое дитя, съ пляшущими тѣнями лианъ, адансоній. Кругомъ такъ при-вычно звенѣли рои невидимыхъ насѣ-комыхъ и заливались птицы.

Феллани вспоминались мудрыя слова матери, и зловѣщія предчувствія начи-нали тѣснить его грудь.

А что, если ему, дѣйствительно, не при-дется ужъ никогда больше увидѣть родное селеніе Сокото, мать, брата, родичей? А что, если его тоскующія кости бу-дутъ покоиться въ далекой странѣ, не подъ вѣтвистымъ родственнымъ дере-вомъ табба? Отъ одного представле-нія этой ужасной возможности, сердце Феллани мучительно сжалось, и заще-милось больно-больно гдѣ-то въ глубинѣ его существа. Стало такъ жутко, точно злые ночные духи окружили его въ мракѣ лѣсныхъ чащъ и готовились совершить надъ нимъ ужасное дѣло.

Потускнѣли на время золотыя стрѣлы свѣтлаго бога дня, и не было уже видно веселаго хоровода тѣней. Тоскливое чув-ство, какъ мгла ночи, овладѣвала всей душой.

Но спустя недолгое время гдѣ-то, въ неясныхъ розоватыхъ даяхъ, поднялись призрачные неясные образы невѣдомой страны за великимъ лѣсомъ. Они золо-тымъ дождемъ омыли душу Феллани отъ тягостной мглы тоски. Они бодрыми пѣснями зазвенѣли въ защемленномъ существѣ славнаго барда мандинго и пѣли безъ звуковъ и словъ, журчаніемъ переливавшихся порывовъ, дрожаніемъ златотканной паутины изъ неуволимыхъ струнъ сердца, свѣтлой игрой вспыхивающихъ и загорающихся огоньковъ

мысли. Феллани рѣшилъ идти за своей мечтой.

У него стало легко на душѣ, и онъ вернулся въ родную хижину, чтобы провести остатокъ времени въ кругу своихъ близкихъ. Когда отрядъ сенегальскихъ стрѣлковъ, при звукахъ трубъ и барабановъ, покидалъ Сокото, славный пѣвецъ мандинго уходилъ съ нимъ. Онъ былъ уже одѣтъ въ синій мундиръ и красныя панталоны, и чувствовалъ себя благодаря этому на недостигаемой высотѣ.

Однако, когда въ послѣдній разъ онъ бросилъ взглядъ на плачущую мать, на брата Гуреро, славшаго ему грустный прощальный привѣтъ, онъ готовъ былъ заплакать!

— Прощай, добрая мать, прощай братъ!

V.

Феллани — сенегальскій стрѣлокъ.

... Гониметрический или лицевой уголь играетъ значительную роль при сужденіи о духовной одаренности расы.

Изъ антропологии.

Феллани быстро привыкъ къ новой для него походной жизни сенегальскихъ стрѣлковъ. Онъ вскорѣ постигъ военные приемы, тайны строя, чинопочитанія, дисциплины, научился обращаться съ ружьемъ и усвоилъ команду на языкѣ бѣлыхъ.

Когда отрядъ располагался на привалъ, пѣвецъ мандинго вступалъ въ продолжительныя бесѣды съ бывальми солдатами, принадлежавшими къ родственнымъ Феллани племенамъ, и потому языкъ ихъ былъ для него вполне понятенъ. Они рассказывали Феллани про свою боевую жизнь, про сраженія съ возмущавшимися племенами, про могущество бѣлыхъ вождей, особенно главнаго вождя, суроваго и безпощаднаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и справедливаго. Многіе солдаты склонны были предположить, что въ ихъ главномъ вождѣ, который назывался на языкѣ бѣлыхъ маіоромъ Гальтономъ, скрывался особый прозорливый чудесный духъ.

Они съ большой похвалой отзывались о молодомъ другѣ главнаго вождя—лейтенантѣ Морне, который былъ черезчуръ мягокъ съ подчиненными и не отличался большой воинственностью.

Уже много-много больше разъ, чѣмъ было у Феллани пальцевъ на ногахъ и рукахъ, пробѣгалъ по небу солнечный богъ съ того времени, какъ пѣвецъ мандинго покинулъ свое родное селеніе Сокото. Отрядъ все подвигался впередъ, черезъ лѣса, горы, рѣки. По временамъ, когда бамбуковыя заросли оставляли широкую, далеко тянущуюся аллею, стрѣлки, подъ звуки походнаго марша или грохотъ барабановъ, весело шагали и подпѣвали въ тактъ музыкѣ.

Феллани все еще не могъ налюбоваться собой въ яркомъ мундирѣ и панталонахъ, своимъ боевымъ снаряженіемъ.

Онъ бодро шелъ съ другими солдатами, обмѣниваясь короткими замѣчаніями, или напѣвая вполголоса одну изъ безчисленныхъ пѣсенъ мандинго, которыя хранилъ онъ въ своей памяти. Солдаты съ удовольствіемъ внимали пѣснѣ, подъ грохочущій аккомпанементъ радостныхъ маршей.

Время отъ времени, чтобы дать отдыхъ людямъ, командиръ отряда сенегальскихъ стрѣлковъ отдавалъ приказаніе остановиться на день - два въ удобномъ мѣстѣ.

Тогда разбивались палатки; часть солдатъ отправлялась на охоту за дичью, водившейся въ огромномъ количествѣ въ лѣсахъ, другіе разводили костры, ходили за водой.

Надъ поляной стоялъ веселый гулъ—солдаты возились, отдыхали; офицеры отдавали распоряженія или просто наблюдали за сутолокой своихъ людей.

Во время одного изъ такихъ приваловъ одинъ изъ офицеровъ отряда,—тотъ самый, о которомъ солдаты говорили Феллани, какъ о близкомъ другѣ командира и человѣкѣ мягкаго характера,—зная, что среди молодыхъ стрѣлковъ изъ Сокото находится извѣстный пѣвецъ мандинго, позвалъ его къ себѣ.

При помощи своего ординарца, служившаго переводчикомъ, онъ началъ разспрашивать Феллани объ его жизни и

пѣсняхъ. Пѣвецъ добросовѣстно, даже съ жаромъ, отвѣчалъ на предлагаемые вопросы и, повидимому, произвелъ на офицера самое благопріятное впечатлѣніе. Долго и пристально смотрѣлъ онъ на Феллани; бардъ мандинго не могъ выдержать этого глубокаго взгляда. Лейтенантъ приказалъ Феллани пойти съ нимъ въ палатку. Пѣвецъ мандинго послушно направился съ офицеромъ. По дорогѣ они встрѣтили командира. Феллани вытянулся и отдалъ честь. Суровый вождь улыбнулся и что-то вполголоса сказалъ на языкѣ бѣлыхъ своему молодому другу. Тотъ, въ свою очередь, что-то долго говорилъ, указывая все время глазами и руками на Феллани. Пѣвецъ зналъ, что о немъ идетъ рѣчь, но понять вождей онъ не могъ.

Когда Феллани вошелъ въ палатку лейтенанта, тотъ, порывшись въ своихъ вещахъ, вынулъ какіе-то странные блестящіе предметы и, повозившись нѣкоторое время надъ ними, подошелъ къ пѣвцу и приставилъ ихъ къ его лбу.

Феллани съ замирающимъ сердцемъ слѣдилъ за его движеніями.

Офицеръ посмотрѣлъ на приставленную къ головѣ пѣвца мандинго блестящую вещь и съ удивленіемъ, которое не укрылось отъ Феллани, что-то сказалъ стоящему тутъ же командиру.

Послѣдній внимательно посмотрѣлъ на лобъ Феллани, на всеѣго лицо, и многозначительно покачать головой. Вожди отпустили наконецъ, пѣвца мандинго, и онъ, не понимая того, что съ нимъ дѣлали, задумчиво направлялся къ шумѣвшимъ солдатамъ. Самые странные мысли приходили въ голову Феллани—не чародѣи ли бѣлые вожди? Не выпустили ли они въ него чудеснымъ образомъ злого духа, который вызоветъ въ немъ смертельную болѣзнь?

Но эти страшныя предположенія не вязались съ открытымъ лицомъ добраго молодого вождя, съ его мягкимъ голосомъ. Да и зачѣмъ бѣлымъ вождямъ нужно, чтобы пѣвецъ мандинго умеръ отъ злого духа?..

Феллани успокоился, сознавая всю безпочвенность своихъ подозрѣній.

Вскорѣ ему удалось поговорить съ ординарцемъ лейтенанта, понимавшимъ

языкъ бѣлыхъ; этотъ солдатъ присутствовалъ при тайственныхъ дѣйствіяхъ бѣлаго вождя. Къ своему удивленію, Феллани узналъ отъ ординарца, что лейтенантъ говорилъ командиру, что у пѣвца мандинго очень хорошая голова, точь въ точь, какъ у умнаго бѣлаго. Теперь Феллани понялъ назначеніе тайственного предмета офицера—эта вещь показывала, какая у пѣвца мандинго голова, какъ у чернаго или какъ у бѣлаго.

Феллани успокоился совершенно.

VI.

Маіоръ и его адъютантъ.

«... Тамъ, гдѣ мы удовлетворяемъ потребности нашей личности во внутренней дѣятельности, гдѣ даемъ ей свободно изжить себя, тамъ возникаетъ эстетическое удовольствіе, въ противоположныхъ случаяхъ неудовольствіе.

Литтлс.

«... Лишь свѣтлыми Прекраснаго вратами.
Въ міръ чудный знанія вступишь ты!..

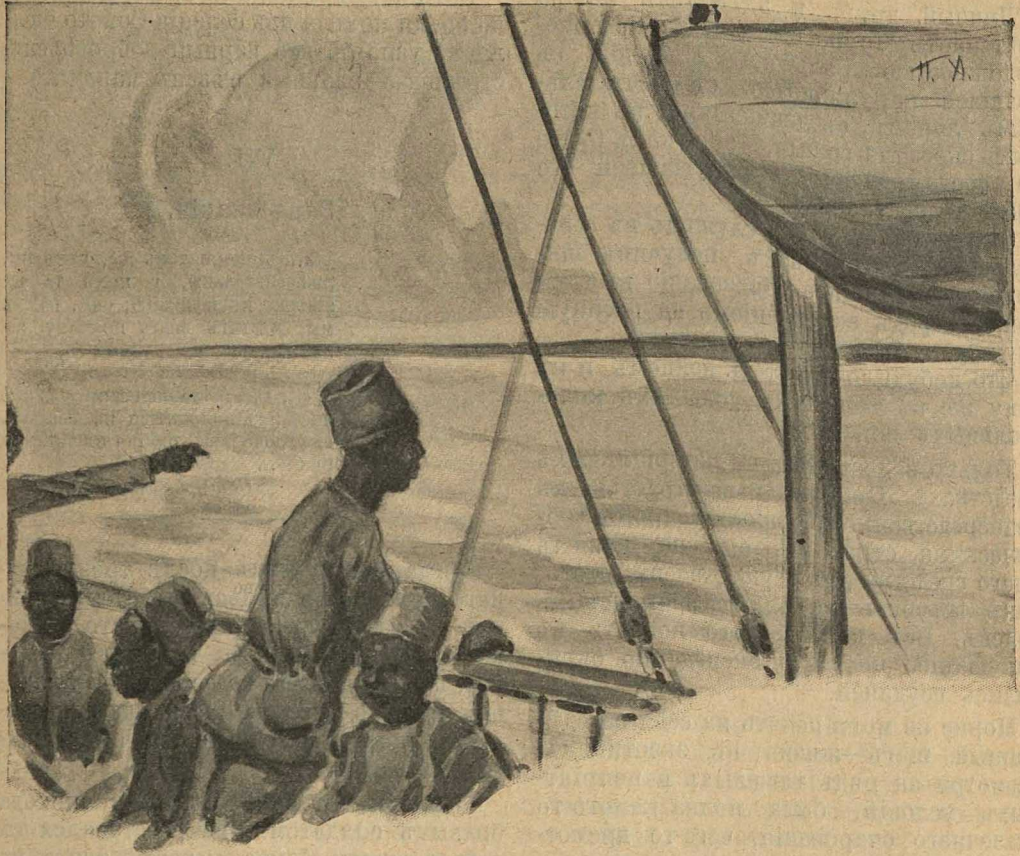
Шиллеръ.

Командиръ отряда сенегальскихъ стрѣлковъ, въ который вступилъ славный пѣвецъ мандинго, былъ выдавшій виды боевой офицеръ иностраннаго легіона—маіоръ Гальтонъ.

Уже нѣсколько лѣтъ командовалъ онъ батальономъ сенегальскихъ стрѣлковъ, постоянное мѣстопробываніе которыхъ было въ нѣсколькихъ дняхъ перехода отъ города Тимбукту. Онъ слылъ у высшаго начальства за отличнаго организатора и инструктора французскихъ черныхъ батальоновъ.

Время отъ времени, ему приходилось, по предписанію правительства, усмирять возставшія племена западно-африканской французской колоніи и по пути онъ всегда старался пополнять свой отрядъ сенегальцами мирныхъ селеній.

Среднихъ лѣтъ, небольшого роста, крѣпкаго, мускулистаго тѣлосложенія, съ сильно загорѣвшимъ подъ тропи-

Уже нѣсколько дней Феллани находился на борту судна и все не могъ привыкнуть къ новой жизни.

ческимъ солнцемъ лицомъ, съ выразительными глазами человѣка стальной воли,—маіоръ Гальтонъ умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе, граничащее со страхомъ, подчиненнымъ чернымъ стрѣлкамъ.—Солдаты цѣнили его, но вмѣстѣ съ тѣмъ и боялись.

Маіоръ старался сохранить при всякихъ обстоятельствахъ безстрастное выраженіе лица—онъ считалъ это непосредственно относящимся къ его профессіи офицера-командира.

Но за кажущимся безстрастіемъ скрывалась кипучая пылкая натура, во временахъ, такъ или иначе, проявлявшая свою сущность.

Мирная, беззаботная жизнь въ метрополи не могла удовлетворить его, таившаго въ своей душѣ какое-то острое

стремленіе вдаль, въ невѣдомое, въ жгуче-сладостную атмосферу постоянныхъ опасностей, въ непрерывную игру между жизнью и смертью. Скептикъ и пессимистъ по натурѣ и вслѣдствіе неблагоприятно сложившихся обстоятельствъ жизни въ молодости, онъ не придавалъ особой цѣнности своему существованію, стараясь, по возможности, изжить себя въ глубокихъ и острыхъ переживаніяхъ, во всѣхъ, такъ сказать, психическихъ возможностяхъ.

Жизнь въ постоянныхъ походахъ по тропическимъ лѣсамъ, въ борьбѣ съ туземцами, съ тысячами самыхъ непредвидѣнныхъ приключеній, была полна того аромата, который для Гальтона былъ до извѣстной степени эстетическимъ смысломъ его существованія.

Личный другъ и адъютантъ майора лейтенантъ Морне былъ почти противоположною Гальтона. Молодой, съ изящной наружностью, съ мечтательнымъ лицомъ, съ движеніями, въ которыхъ сквозила грація, Морне какъ будто не соответствовалъ окружавшей его военной обстановкѣ.

Онъ не больше года служилъ въ сенегальскихъ батальонахъ, получивъ широкое всестороннее образованіе въ Сорбоннѣ передъ вступленіемъ на военную службу.

Что побудило его стать воинномъ, и къ кому же въ тяжелыхъ условіяхъ колониальныхъ войскъ?

Только недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ. Побуждаемый страстью къ непосредственному ознакомленію съ тропическими странами, онъ не нашелъ иного средства для осуществленія этого, какъ вступить въ ряды африканскихъ войскъ. Всѣ попытки его попасть въ какую-либо научную экспедицію окончились неудачей.

Морне не могъ пенять на себя за сдѣланный шагъ—жизнь въ экзотикахъ, несмотря на рядъ тяжелыхъ и непріятныхъ условій, была полна какого-то сказочнаго очарованія, чего-то дремотно-грезового.

Эта жизнь была такъ безконечно далека отъ фланированія по парижскимъ бульварамъ, безмысленнаго сидѣнія въ кафе, ребяческаго флирта, искусственной злободневности, заполняющей пустоту ума.

Даже въ бібліотекахъ, съ суровымъ молчаніемъ шкафовъ и людей, въ этихъ кладовыхъ человѣческаго ума, чувствовалось Морне, что это прежде всего—кладовыя, а не живыя священныя рощи человѣческаго духа.

Гдѣ жъ онѣ, эти блаженные рощи, гдѣ еще горятъ живымъ пламенемъ Красота и Истина, гдѣ на вѣковѣчномъ алтарѣ дымится живое воспріятіе Мира? Единственный отвѣтъ для Морне былъ таковъ: Природа, тысячу разъ Природа, съ тысячелѣтними симфоніями южныхъ лѣсовъ, съ загаочною вѣчностью желтоликихъ пустынь, съ неписанной балладой всего Живого Мира...

Вотъ какой человѣкъ заинтересовался во время похода изъ селенія Сокото Феллани, узнавъ, что черный доброволецъ—стрѣлокъ—славный пѣвецъ мандинго.

VII.

Заря знанія.

«... Дикари такъ же, какъ мы, любознательны, у нихъ та же жажда къ познанію; они, какъ и мы, «хотятъ знать причину явленій»... ————— Ланге.

«... Она (утренняя заря сушась) внезапно появляется на востокъ, она, дочь неба, одѣтая въ свѣтлыя ризы»... —————

Санскритскія Рикведы.

Когда, болѣе чѣмъ послѣ трехмѣсячнаго похода, сенегальскіе стрѣлки пришли на мѣсто своего постоянного мѣсто-пребыванія, бывшаго туземнаго селенія, передѣланнаго на европейскій ладъ, они вполне заслужили послѣ понесенныхъ трудовъ и опасностей продолжительнаго отдыха.

Феллани, ставшій за время похода бравымъ солдатомъ, не разставался съ лейтенантомъ Морне, который взялъ къ себѣ въ ординарцы талантливаго пѣвца мандинго.

Морне старался, по возможности, удовлетворить той неистощимой любознательности, которую всюду проявлялъ Феллани. Онъ понемногу началъ знакомить своего чернаго ученика съ чтеніемъ, письмомъ, счетомъ, и самъ поражался быстро достигаемыми результатами. Феллани шелъ стремительно впередъ къ уразумѣнію грамоты.

Морне началъ мало-по-малу отучать своего питомца отъ вѣры въ вездѣсущность многоликаго міра духовъ — этой первобытной науки дикарей. Онъ раскрывалъ, въ доступныхъ пониманію Феллани образахъ, міръ вещей и явленій, какъ они понимаются бѣлыми людьми—и удивленію пѣвца мандинго не было границъ.

Съ каждымъ днемъ чувствовалъ Феллани, что онъ растетъ духовно, что онъ начинаетъ смутно прозрѣвать.

Какъ будто непроницаемая темная завѣса, обвившая его внутреннее существо, начинала мѣстами просвѣчивать, и предразсвѣтная дрогнувшая тѣма понемногу уступала мѣсто робкому еще и слабому свѣту знанія.

Этотъ проблескъ свѣта проникалъ въ богато одаренную душу Феллани, и смутно ощущаемая могучая сила его становилась понемногу отчетливѣе.

Надъ необъятнымъ куполомъ бездною мысли уже метались розовыми серпами радостные вѣстники знанія, свободного, какъ вѣтеръ, свѣтлаго, какъ солнце, человѣческаго знанія...

То, что совершалось внутри Феллани, тѣ ощущенія, которыя несли ему первыя открытія передъ нимъ страницы науки, были похожи на чувства бѣлаго человѣка, испытываемыя имъ на разсвѣтѣ.

Феллани узнавалъ все новыя и новыя вещи, дивясь знаніямъ бѣлыхъ людей. Онъ уже отчетливо проводилъ границу между одушевленнымъ и неодушевленнымъ міромъ, зналъ въ красочныхъ образахъ связь и зависимость вещей и явленій. Понемногу онъ усваивалъ языкъ бѣлыхъ, который, какъ оказывалось, былъ однимъ изъ многихъ языковъ европейцевъ—тѣхъ людей, которые жили за далекимъ моремъ, въ огромныхъ селеніяхъ изъ каменныхъ, большихъ жилищъ.

Земля бѣлыхъ—Европа—была полна чудесъ, и среди бѣлыхъ племенъ лучшее и благороднѣйшее жило въ прекрасной странѣ, называвшейся Франціей, и на языкѣ этихъ бѣлыхъ Феллани уже говорилъ, читалъ, писалъ...

Пѣвецъ мандинго узналъ, что сенегальскіе стрѣлки, въ ряды которыхъ онъ вступилъ, были колоніальнымъ войскомъ великаго бѣлаго народа—французовъ. Черные стрѣлки должны были защищать Францію отъ ея враговъ въ царствѣ черныхъ. Сознаніе этой важной задачи, повѣренной сенегальскимъ стрѣлкамъ, преисполняло чувствомъ гордости сердце Феллани—приходилось служить людямъ, которые были такъ чудесны своими знаніями, своей силой, могуществомъ. Понемногу пѣвецъ мандинго про-
никался все болѣе и болѣе любовью къ

этой сказочной Франціи, которая первая зажгла костеръ свободной мудрости, по словамъ лейтенанта Морне. Привязанность Феллани къ своему учителю, усиливавшаяся съ каждымъ днемъ, переносилась и на ту страну, которую тотъ считалъ своей родиной, на страну, въ которой много такихъ, какъ лейтенантъ, добрыхъ мудрыхъ бѣлыхъ людей.

VIII.

Мировая катастрофа.

«... Куда идешь ты въ ночь, гдѣ
вѣчности дыханіе?
Ты лжешь ищешь тамъ, гдѣ трастни-
ковый сводъ...
Куда, звѣзда прекрасная, идешь
ты въ часъ молчанія,
Купаясь жемчугомъ въ глубокихъ
пѣдрахъ воды?...»

А. Мюссе.

«... Да не постигнетъ Францію
родную гозоръ...»

Пѣснь о Роландѣ.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Въ одинъ изъ вечеровъ Морне жадно вдыхалъ послѣ жаркаго дня пахучую прохладу африканской ночи, тихо-торжественной, тропической ночи.

«Хорошо здѣсь», думалось Морне. Жизнь въ тропикахъ была полна какого-то иного, чѣмъ въ Европѣ, смысла. Мечтанія Морне были прерваны тихо подошедшимъ къ нему Гальтономъ.

— Неисправимый мечтатель,—благодарно сказалъ онъ, положивъ руку на плечо своего молодого друга, — предаетесь, по обыкновенію, своему романтическому спорту...

Морне молчалъ.

— Когда же вы станете настоящимъ боевымъ офицеромъ славныхъ сенегальскихъ стрѣлковъ?—улыбаясь продолжалъ Гальтонъ:—Нашъ вѣкъ вѣдь не вѣкъ Гюго или Мюссе. Природа, конечно, прекрасна, въ особенности здѣсь, согласенъ съ вами, мой другъ, но жизнь имѣетъ болѣе заманчивыя стороны.

Морне горячо протестовалъ и, незамѣтно для себя, какъ это часто случалось, они увлеклись споромъ.

Друзья не замѣтили какъ къ нимъ подошелъ ординарецъ и, не смѣя прервать разговора офицеровъ, молча вытянулся.

Гальтонъ первый его замѣтилъ.

— Съ новостями?—коротко обратился онъ къ солдату.

Тотъ молча вручилъ пакетъ.

Офицеры вошли въ комнату. Гальтонъ быстро поднесъ бумагу къ свѣту.

— Телеграмма изъ штаба сенегальскихъ войскъ,—сказалъ онъ,—опять какое-нибудь возмущеніе туземцевъ.

По мѣрѣ чтенія телеграммы лицо Гальтона измѣнялось. Прочтя, онъ протянулъ ее Морне.

— Мировая катастрофа,—только могъ онъ сказать въ волненіи.

Ошеломляющую, ужасную новость заключала телеграмма: «Германія объявила войну Россіи; во Франціи объявлена всеобщая мобилизація; германскія войска вторглись въ Бельгію. Главный штабъ предписываетъ быть готовымъ къ посадкѣ на корабли сенегальскихъ войскъ. 1-ый сенегальскій стрѣлковый полкъ, подъ командой Гальтона, долженъ немедленно, въ полномъ боевомъ снаряженіи, прибыть въ портъ С.-Луи. Приказъ штаба сенегальскихъ войскъ».

Морне почувствовалъ, что жизнь его сдѣлала совершенно неожиданно какое-то головоломное *salto mortale*. Въ то же время онъ ощутилъ въ своей груди, въ которой, казалось, не было мѣста національному шовинизму, какое-то, на первый взглядъ, непонятное воодушевленіе. Что-то затрепетало въ немъ, и душа рвалась туда, за море, въ отчизну, въ дорогую Францію—носительницу великихъ порывовъ человечества...

Гальтонъ молчалъ, но въ его преобразившемся существѣ чувствовалось горячее, преданное сердце сына Франціи. Жизнь ихъ внезапно распалась на двѣ половины: одну—до этого великаго момента, другую—послѣ него.

Куда-то пропали споры о жизни. Слово теперь не находилось, зато пылало въ какомъ-то огромномъ пожарѣ мыслей и чувствъ все существо.

Гальтонъ молча протянулъ руку своему молодому другу, которую тотъ горячо пожалъ.

— Завтра отправляемся въ походъ,—послѣ небольшого раздумья сказалъ Гальтонъ.

IX.

Родная земля.

«... Прости! Родимый берегъ мой
Въ лазури тонетъ волнъ,
Бушуетъ вѣтръ, реветъ прибой;
Крикъ чайки грусти полнъ.
Въ пучинѣ солнце гаситъ свѣтъ;
За нимъ намъ вслѣдъ ити;
Обоимъ вамъ я шлю привѣтъ!
Мой край родной, прости!..»

Байронъ.

«... Я смѣюсь надъ той наивностью, съ какою я много разъ ходилъ сюда единственно въ поискахъ воображаемаго счастья...»

Руссо.

Вѣсть о великой катастрофѣ, потрясшей далекую чудесную Европу, поразила Феллани, преобразившагося въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ дѣльнаго сержанта сенегальскихъ стрѣлковъ.

Бывшій пѣвецъ мандинго за это время, благодаря своимъ необычнымъ способностямъ и старанію, подъ руководствомъ Морне, обратился почти въ культурнаго человѣка.

Хотя Феллани и не видѣлъ воочию многихъ сторонъ европейской цивилизаціи, однако онъ имѣлъ о нихъ приблизительное представленіе. Онъ также усвоилъ, насколько это было въ силахъ для его ума, политическую жизнь такъ называемыхъ культурныхъ націй. По временамъ ему очень хотѣлось побывать въ этой диковинной Европѣ, гдѣ была такая масса причудливыхъ вещей и явленій. Но еще большее желаніе было у него посѣтить Сокото, которое давно-давно ему не приходилось видѣть, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ покинулъ родное селеніе вмѣстѣ съ отрядомъ Гальтона.

Несмотря на много новыхъ яркихъ впечатлѣній, несмотря на развившійся, подъ вліяніемъ ученія, умъ, думы пѣвца мандинго часто обращались въ ту сторону, за великій лѣсъ, гдѣ должно было находиться Сокото.

Что подблываютъ его добрая мать и славный братъ?

Въ неудержимомъ штыковомъ ударѣ боевые сенегальскіе стрѣлки бросились на непріятеля и заняли вражескіе окопы.

Вѣроятно, такъ же, а можетъ - быть и больше, тоскуютъ по немъ, и ждутъ не дождутся, когда, наконецъ, лучший пѣвецъ мандинго возвратится въ родное Сокото.

Только изъ далека можно было понять, какія глубокія связи сплетали Феллани съ родными и селеніемъ, гдѣ онъ родился, выросъ и жилъ.

Приказъ о немедленномъ выступленіи въ походъ въ С. Луи, для посадки сенегальскихъ стрѣлковъ на транспорты и перевозки во Францію, разстроилъ всѣ планы Феллани.

Онъ уже собирался отпроситься въ продолжительный отпускъ для посѣщенія родного селенія, уже рисовалъ въ своемъ пылкомъ воображеніи картины радостной встрѣчи, преклоненія родичей передъ его высокимъ, по мнѣнію Феллани, положеніемъ въ рядахъ сенегальскихъ войскъ. Онъ уже готовилъ много-много подарковъ матери, брату Гуреро, родичамъ.

Въ одинъ мигъ разсѣялись всѣ мечты о близкомъ свиданіи, и больно стало Феллани, какъ никогда еще не было. Быть-можетъ, навсегда покинетъ онъ родную землю, родную—онъ чувствовалъ это всѣмъ своимъ существомъ, несмотря на то, что Сокото лежало за великимъ лѣсомъ. Но климатъ, люди, растенія, животныя—все было почти то же, что и въ земляхъ племени мандинго. Здѣсь не такъ трудно было перенести разлуку съ родиной, когда даже дуновение теплаго вѣтра было точь въ точь такъ же мягко и ласково какъ и въ Сокото.

А тамъ, въ невѣдомой далекой странѣ, гдѣ, быть-можетъ, въ вѣчномъ упокоеніи придется лечь его костямъ, будетъ такъ холодно, такъ неудобно...

Родная земля... Она была такъ дорога ему, такъ близка, какъ самое любимое живое существо.

Да развѣ она не была живой? Развѣ горячее дыханіе вѣтровъ, говорливый шелестъ деревьевъ и шаловливый лепетъ травъ не говорили о своеобразіи этой столь родной и знакомой Феллани жизни земли?!

Развѣ не баюкали пѣвца мандинго въ дремотныхъ тенетахъ солнечной ласки

пѣвучіе неясные говоры жаркой земли, когда онъ ни о чемъ не думалъ, не хотѣлъ думать, а въ душѣ было такъ свѣтло, такъ празднично, такъ хорошо...

Какъ перистыя, веселыя высокія облачка на ясной лазури дневного неба, скользили тогда въ душѣ Феллани легкія неуловимыя видѣнія, появлялись внезапно, соединялись на минуту въ кружевные хороводы и исчезали, тонули въ свѣтлыхъ призрачныхъ даяхъ.

Подъ пиршественный гулъ безконечныхъ голосовъ земли, весело было Феллани и легко переносилась разлука съ роднымъ селеніемъ Сокото.

Непріятное, щемящее предчувствіе вкрадывалось въ душу пѣвца мандинго. Никогда больше онъ не увидитъ африканскихъ лѣсовъ, привычныхъ, безлѣсныхъ далей, озеръ. Никогда больше не ощутитъ горячаго привѣта вѣтра, пахучихъ растеній, радостнаго перезвона птицъ. Никогда не придется побывать ему въ родномъ Сокото, увидеть мать...

Какъ хотѣлось ему въ эти томительные часы тоски прижать къ своей груди эту добрую старую женщину, которая съ такимъ стараніемъ взрастила его, такъ гордилась имъ.

Какъ будетъ горевать она о пропавшемъ навсегда лучшемъ пѣвцѣ мандинго, о любимомъ сынѣ. На порогѣ родной хижины сидитъ, она быть-можетъ, и долго, долго будетъ сидѣть въ тщетномъ ожиданіи возвращенія сына, — Феллани не вернется, никогда ужъ не вернется въ родное Сокото.

«Гдѣ мой Феллани, гдѣ мой сынъ?»...

Какъ ни старался пѣвецъ Мандинго отогнать отъ себя непріятныя мысли, онъ долго еще владѣли его душой.

Когда послѣ быстрого похода съ сенегальскими стрѣлками Феллани сѣлъ на огромное, невиданное никогда имъ въ жизни судно, любопытство пересилило тягостное чувство разлуки съ родной землей.

Острая тоска вспыхнула еще разъ въ душѣ Феллани, когда судно отдалялось отъ берега. Въ прозрачной дали уже начинали синѣть силуэты африканскаго берега.

Пѣвцу мандинго показалось тогда, что его оторвали отъ чего-то роднаго, страшно близкаго.

Уже исчезла голубая дымка берега, а Феллани все еще смотрѣлъ неподвижнымъ взглядомъ въ ту сторону, гдѣ осталась, быть-можетъ, навсегда родная земля.

Дорогая земля...

X.

Во Францію.

«... Современный человѣкъ, не смотря на всю культуру, имѣетъ печальное сходство съ домашнимъ животнымъ»...

К. Ланге.

Какое странное и жуткое для пѣвца мандинго это безбрежное унылое темносинее море. Уже нѣсколько дней Феллани находится на борту судна и все не можетъ привыкнуть къ морской жизни. Можетъ ли замѣнить жалкая парусина тѣнистое раскидистое дерево тѣхъ береговъ, отъ которыхъ онъ находился далеко, не говоря о чудномъ родномъ деревѣ табба? Можетъ ли итти въ сравненіе однообразный шумъ волнъ, ударяющихъ о судно, съ многозвучностью фѣсныхъ чащъ жаркой родины?!

Напрасно мудрый учитель и другъ Феллани Морне старается выяснитъ непонятныя для пѣвца мандинго красоты морского пейзажа. Морне, хотя на время, хочетъ забыть о грядущихъ ужасахъ войны, и еще нѣсколько дней своей жизни посвятить столь любимому имъ созерцанію природы. Напрасно указываетъ онъ Феллани на нѣжные оттѣнки синихъ цвѣтовъ воды, на причудливую игру золотыхъ солнечныхъ пятенъ въ морѣ, на убаюкивающій ритмъ морского дыханія—волнъ. Какъ хороша бѣлоснѣжная тропа, оставляемая винтомъ судна. Она уходитъ далеко къ горизонту, сверкая на солнцѣ, какъ чешуя баснословной змѣи.

Одно лишь нравится Феллани—стай летучихъ рыбокъ, подымающихся время отъ времени на свѣтъ золотого дня, и рѣзвые дельфины, сопровождающие судно. Онъ слѣдитъ за ними съ удовольствіемъ.

Вотъ, наконецъ, показалась земля—пароходъ входилъ въ Гибралтарскій проливъ.

Морне передалъ интересную для Феллани исторію Геркулесовыхъ столбовъ, указавъ на политическое значеніе этого мѣста въ разыгравшейся войнѣ.

Едва успѣли пройти проливъ, какъ густой бѣлый туманъ съ Атлантики окружилъ плотнымъ покровомъ судно, и окружающая вода стала молочной. Сирена издавала пронзительные звуки—опасно столкновеніе пароходовъ въ такое время. Понемногу туманъ разсѣивался, и пріятно было Феллани снова увидѣть силуэты земли. Нѣкоторое время судно держалось берега, а потомъ снова вышло въ безбрежный просторъ моря.

Чѣмъ ближе было къ диковинной Франціи, тѣмъ беспокойнѣе чувствовалъ себя Феллани. Скоро-скоро увидить онъ удивительныя вещи, о которыхъ такъ много рассказывалъ его славный учитель. Какъ хорошо было бы ѣхать въ эту страну въ обыкновенное время; тогда оставалась бы надежда вернуться въ Сокото и рассказать родичамъ о чудесахъ земли бѣлыхъ людей. Какой славой окружилъ бы Феллани свое имя среди великаго племени мандинго. Никто еще изъ этого племени не бывалъ въ Европѣ, а онъ, Феллани, былъ бы первымъ счастливцемъ, побывавшимъ въ чужеземной далекой странѣ.

Но теперь, въ это невѣрное, боевое время, когда, быть-можетъ, не суждено уже пѣвцу мандинго вернуться въ Сокото, когда его кости черезъ короткое время будутъ покоиться въ чужой холодной землѣ,—слѣдуетъ ли ему радоваться скорому прибытію въ отчизну бѣлаго друга и учителя?!

Морне не могъ не замѣтить тревоги Феллани и старался ободрить его всѣми доступными средствами. Онъ расписывалъ яркими красками заманчивыя картины, ожидавшія пѣвца мандинго, и понемногу успокоилъ Феллани. Черный стрѣлокъ увлекся этими образами и все нетерпѣливѣе ожидалъ прибытія во Францію.

Наконецъ показались они, эти давно-жданные берега Франціи. На суднѣ поднялось движеніе; всѣ высыпали на палубу, слѣдя за синеватой дымкой земли, становившейся все отчетливѣе.

Началась спѣшная укладка вещей.

Несмотря на то, что въ пути суда, казалось, отставали другъ отъ друга, теперь, въ виду береговъ Франціи, они всё сблизились и вмѣстѣ подходили къ землѣ.

Галтонъ отдалъ распоряженіе быть въ полной походной формѣ съ оружіемъ, чтобы сойти на берегъ, и эти по городу боевыми колоннами.

Сенегальскіе стрѣлки своимъ воинственнымъ видомъ должны были произвести сильное впечатлѣніе на не видавшихъ ихъ никогда французовъ.

Огромный портъ Марселя, съ массой самыхъ разнообразныхъ судовъ, поглотилъ на время африканскіе корабли, но вскорѣ они выдѣлились изъ группы судовъ и начали подходить къ самой набережной.

Сенегальскіе стрѣлки начали сходить на землю. Громъ привѣтствій огромной толпы задрожалъ въ воздухѣ.

Тысячи платковъ извивались надъ моремъ людскихъ головъ, а колоссальные трехцвѣтные флаги развѣвались, казалось, отъ самаго низа до верха многоэтажныхъ домовъ.

Подъ звуки бодрой, какъ морской вѣтеръ, восторженной, какъ порывъ юности, марсельезы, стройно шли африканскіе стрѣлки по улицамъ города.

ХІ.

Культура.

Человѣкъ — человѣку волкъ.

Латинская поговорка.

Нѣсколько дней провели сенегальскіе стрѣлки въ этомъ большомъ, оживленномъ городѣ.

Феллани, подъ руководствомъ Морне, познакомился наскоро со всѣми сторонами городской европейской жизни, съ блестящей показной стороной ея культуры.

Пѣвца мандинго поразило движеніе господствовавшее въ городѣ. Все ежеминутно мѣнялось, появлялось и исчезало.

Люди спѣшили куда-то съ лихорадочной поспѣшностью и суетливостью. Звонили, мелькали безчисленные трамваи. Пропоспѣли, какъ вѣтеръ, авто-

мобили, сотрясая воздухъ пронзительными звуками сиренъ.

«Неужели они всё такъ заняты, что не имѣютъ ни минуты свободнаго времени?» думалось ему.

И почему-то эта стремительность движенія, эта всеобщая суетливость, эта постоянная спѣшка не поправились ему.

Но было много удивительнаго, чудеснаго въ большомъ городѣ бѣлыхъ, особенно по вечерамъ. Сверкали ослѣпительныя электрическія солнца, вспыхивали временами огоньки синихъ молній на проволокахъ, при прохожденіи трамваевъ.

Феллани стало понятно теперь, почему его бѣлый учитель говорилъ, что молнія—раба европейца.

А въ огромныхъ зеркальных витринахъ было выставлено множество самыхъ удивительныхъ, невѣдомыхъ вещей. Все это отражалось, сверкало, переливалось тысячею огней въ невидимыхъ зеркалахъ, и дѣйствительно было въ этомъ что-то сказочное.

Въ роскошныхъ кафе сидѣло и болтало множество людей за свѣжими выпусками газетъ. Проходили въ пышныхъ туалетахъ женщины, рассыпая обольстительныя улыбки.

Феллани растерянно держался около Морне въ этой чуждой ему элегантно толпѣ, поминутно оглядываясь, поражаясь, сдерживаясь отъ произвольныхъ восклицаній.

— Все это, мой другъ,—говорилъ ему Морне,—внѣшняя, незначительная сторона того, что называется культурой. Ею удовлетворяется большинство людей, но всё они, какъ у васъ мандинго говорятъ, не знаютъ, сколько девять разъ девять.

Феллани пришлось побывать въ большихъ библіотекахъ, гдѣ хранилось много книгъ. Онъ удивлялся безчисленному ихъ количеству. Сколько мудрости было скрыто въ сонмѣ книгъ, этой удивительной прекрасной мудрости бѣлыхъ людей!

Былъ Феллани и въ музеяхъ, гдѣ находилось такое множество чудесныхъ вещей—настоящее царство яркихъ красокъ и живого мрамора. По временамъ пѣвцу мандинго казалось, что онъ не

можетъ отличить мертвѣго отъ живого, такъ велико было искусство художниковъ.

Видѣлъ Феллани живыя движущіяся тѣни кинематографа, и восторгу его не было конца.

Новыхъ сильныхъ впечатлѣній была такая масса, что мозгъ Феллани почти отказывался воспринять ихъ въ такое короткое время. Получился какой-то диковинный пестрый яркій фонъ, на которомъ мелькали съ головокружительной стремительностью обрывки всевозможныхъ образовъ. Но чувствовалось въ этомъ хаосѣ культурныхъ цѣнностей что-то огромное, могучее...

Утомленный Феллани дѣлился своими впечатлѣніями съ Морне, выражая свое удивленіе творчеству бѣлыхъ людей.

Только въ одномъ, несмотря на всѣ разъясненія Морне, онъ былъ полонъ недоумѣнія—почему бѣлые, при всей своей мудрости, могуществѣ, красотѣ, стремятся все-таки къ истребленію другъ друга? Почему ихъ взглядъ на массовое убійство почти такой же, какъ у самыхъ первобытныхъ дикарей?

Напрасны были политическія, экономическія, соціальныя разъясненія Морне,—Феллани оставался при своемъ.

Если своей мудростью бѣлые сумѣли заковать въ проволоку грозную молнію, почему они не могли устроить такъ, что бы всѣмъ мирно и безопасно жилось? У нихъ такая масса всевозможныхъ прекрасныхъ вещей, съ которыми такъ хорошо жить. Если племена мандинго ведутъ по временамъ борьбу въ родной землѣ, то это потому, что они бѣдны—у нихъ нѣтъ многихъ красивыхъ или необходимыхъ предметовъ, которые они такъ любятъ; имъ нужна добыча.

Но бѣлые?..

Феллани чувствовалъ всей свѣжестью своего дѣвственнаго даровитаго существа, что въ этой сказочной культурѣ, которую создали европейцы, было что-то неладное, что-то ненужное и вредное. Онъ не могъ ясно выразить своихъ чувствъ и мыслей, тѣмъ не менѣе, очевидность какой-то странной фальши, скрытой въ этой культурѣ, чего-то страшно искусственнаго была для него вполне ощутима. При всемъ блескѣ и грандіоз-

ности созданій бѣлаго человѣка, онъ самъ, этотъ человѣкъ, точно потерялъ цѣльность своего облика, онъ распылился, расчленился на части. Вѣроятно, славный учитель Феллани представлялъ рѣдкое исключеніе.

Стремительность культурной жизни непріятно поражала Феллани, быть-можетъ, вслѣдствіе своей непонятности. Въ то же время было непріятно пѣвцу мандинго несоотвѣтствіе слова съ дѣйствіемъ и мыслью культурнаго человѣка.

Феллани по временамъ даже казалось, что культурность бѣлаго человѣка измѣряется степенью его фальши, лицемерія—чѣмъ больше искуснаго лицемерія, чѣмъ больше расходится мысль и дѣло человѣка, тѣмъ онъ культурнѣе.

Нѣтъ, Феллани, вѣроятно, никогда не сумѣетъ быть культурнымъ человекомъ, если бы даже ему пришлось долго жить среди бѣлыхъ—его природѣ противна фальшь, онъ или молчитъ, или говоритъ и поступаетъ такъ, какъ думаетъ.

ХІІ.

Ж и з н ь.

«... Смотрите какъ дивно сверкаетъ вокругъ насъ свѣтъ! Слышите вы, слышите? Воздухъ напоенъ благоуханіемъ свѣжихъ вѣтвей! Прекрасная земля, очагъ свѣта и жизни, очагъ счастья и красоты»...

Ибсенъ.

Свѣтлое солнечное утро встало надъ боевой равниной, изрѣзанной траншеями, съ притаившимися смертоносными стальными чудовищами. Канонада на время смолкла. Въ окопахъ сенегальскихъ стрѣлковъ господствовала тишина. Морне, въ сопровожденіи Феллани, быть-можетъ, уже въ десятый разъ осмотрѣлъ все ли въ порядкѣ въ траншеѣ, занимаемой его людьми. Черные стрѣлки дѣловито и заботливо возились съ оружіемъ, перебрасывались тихими замѣчаніями.

Морне на минуту выглянулъ изъ окопа.

Прекрасное утро обвilo золотистой паутиной лѣтній, чуть замѣтнымъ нале-

томъ ранней осени полевой пейзажъ. Безоблачное небо сверкало хрустальной прозрачностью, а солнце, дивное великое солнце, въ сіяющемъ ореолѣ потокѣ утреннихъ лучей, было полно радостной жизни.

Никогда такъ страстно, такъ глубоко не хотѣлось Морне жить, какъ въ эти минуты, въ виду близкой гибели.

Жить, жить, чтобы только видѣть прекрасное солнце, кристальную синеву неба, золото полей, чтобы только вдыхать порывистымъ захлебывающимся дыханіемъ бодрящій свѣжепахучій воздухъ, и ощущать себя живымъ, здоровымъ.

Жизнь, молодое здоровье звучало въ его душѣ, какъ гениальная музыкальная соната, какъ чарующая, невѣроятная неповторяющаяся сказка, однажды рассказанная загадочной природой и исчезающая въ хаосѣ небытія.

Ощущать въ себѣ жизнь, имѣть способность дышать, двигаться, говорить, думать, мечтать—какое огромное благо!

Къ удивленію Феллани, его славный учитель началъ размахивать руками и дѣлать самыя необычныя движенія.

— Хорошо имѣть руки, ноги, глаза, Феллани, — пояснилъ онъ своему питомцу, — хорошо пользоваться ими, прекрасна жизнь. — Ты не знаешь, дорогой пѣвецъ изъ Сокото, какъ мнѣ страшно хочется жить.

— Хорошо теперь въ Сокото, — грустно сказалъ Феллани. Пылкое воображеніе уже перенесло его въ солнечную далекую родину. Яркій, веселый, какъ всегда, день. Женщины Сокото заняты по хозяйству, а мужчины лежатъ въ тѣни дерева табба, попивая пальмовое вино мирити, ѣдятъ ананасы и авагате. Кто-нибудь рассказываетъ о славныхъ дѣяніяхъ мандинго, и пальмы родныя окружаютъ ихъ дружной толпой. Почему тамъ нѣтъ Феллани? Почему онъ тамъ никогда ужъ не будетъ?

Въ это время появился Гальтонъ. Онъ шагаль по открытому мѣсту, какъ ни въ чемъ не бывало, зорко осматривая окопы своего полка и дѣлалъ замѣчанія офицерамъ.

На короткое время задержался онъ у траншеи своего друга Морне. Отъ вни-

мательнаго взгляда его не укрылась неподнятость душевнаго состоянія Морне.

— Что съ вами, мой другъ? — ласково обратился къ нему Гальтонъ.

Молодой человекъ излилъ свою душу, говорилъ о страсти, чудной страсти къ жизни, вспыхнувшей въ немъ.

— Представьте себѣ, — согласился съ нимъ Гальтонъ, — я, несмотря на свой кажущійся скептицизмъ и пессимизмъ, теперь тоже точно помолодѣлъ отъ загорѣвшейся въ груди романтики жизни. — Это, говорятъ, обычное явленіе передъ лицомъ смерти. Ахъ, эта смерть... Какое бессмысленное, глупое, мерзкое, презрѣнное явленіе. Вы правы — только чтобы видѣть это жизнерадостное солнце стоять, какъ юнцы говорятъ, жить. Но мы, быть-можетъ, будемъ еще жить долго, — утѣшилъ онъ своего друга.

— А ты, Феллани, — сказалъ онъ весело черному пѣвцу, — готовься сегодня къ штыковой атакѣ...

— Ça ira! — неожиданно закончилъ онъ, глядя передъ собой, и быстро пошелъ дальше.

Въ это время уже гремѣла жестокая канонада.

XIII.

На полѣ смерти.

«... О солнце, солнце.. Зачѣмъ ты меня обмануло»...

Мережковский.

Сплошной ревъ орудій усиливался съ каждой минутой. Если бы было время прислушаться, можно бы было различить сочетанія зловѣщихъ, острыхъ, грохочущихъ звуковъ въ этомъ адскомъ, безумномъ концертѣ, въ этой вакханаліи мечущагося металла, въ этихъ мгновенныхъ ураганахъ разрывающихся снарядовъ.

Бѣлыя облака разрывовъ шрапнели страшно медленно распыливались бѣлоснѣжными хлопьями. Столбами черного дыма взрывались къ безоблачному небу разрывавшіеся въ огромномъ количествѣ бризантные снаряды. Ѳтимъ грознымъ, оглушительнымъ взрывамъ аккомпанировалъ трескъ ружей — какъ будто ломались сухія вѣтки въ лѣсу,

Отчеливо барабанили пулеметы — эти ужасные барабанщики смерти.

Но людей нигдѣ не было видно. Они спрятались глубоко въ окопахъ.

Кажущаяся безлюдность боевой равнины еще болѣе усиливала жуть сраженія. И только въ высокомъ небѣ, какъ стая коршуновъ, парили и исчезали

за грохотомъ орудій въ траншеяхъ ничего почти не было слышно. Канонада, какъ будто начинала стихать.

Въ это время пришелъ приказъ стрѣлкамъ атаковать ближайшій непріятельскій окопъ.

Сенегальцы быстро высыпали изъ траншеи, и съ боевыми кликами родныхъ аф-

Съ лихорадочной поспѣшностью Феллани схватилъ неподвижное тѣло любимого учителя и отнесъ его къ своимъ.

аэропланы, зорко слѣдя за невидимыми на землѣ движеніями противника. Сенегальскіе стрѣлки впервые принимали участіе въ этомъ сраженіи металла. Оглушенные сплошными взрывами снарядовъ, они механически стрѣляли по невидимому врагу.

Феллани, находившійся неразлучно съ Морне, пытался подѣлиться своими впечатлѣніями съ бѣлымъ учителемъ, но

риканскихъ племенъ ринулись, съ ружьями наперевѣсь, впередъ. Едва половина ихъ успѣла добѣжать до окоповъ врага—другая легла, вымолоченная ужасными косилками смерти—пулеметами.

Въ неудержимомъ штыковомъ ударѣ боевые сенегальскіе стрѣлки перекололи непріятеля и заняли вражескіе окопы, хотя и съ огромными потерями. Кровь лилась по мирнымъ полямъ.

Феллани, легко раненый въ голову задерживая рукой сочившуюся кровь, искалъ глазами своего покровителя.

Но Морне нигдѣ не было видно. Феллани все время былъ около него, и, вѣроятно, въ боевомъ ударѣ не замѣтилъ, какъ отсталъ отъ своего учителя. Безпокойно началъ онъ искать Морне въ занятой траншеѣ. Но поиски его остались безрезультатны. Въ это время по занятымъ окопамъ, враги открыли ожесточенный огонь, земля, казалось, изрыгала металлъ, огонь, дымъ. Все вокругъ клубилось, стонало, охало, грохотало, превращалось въ какой-то чудовищный хаосъ.

Но въ этомъ аду мысли Феллани были всецѣло поглощены образомъ дорогого учителя.

Послѣ небольшого раздумья, онъ рѣшилъ, не медля ни минуты, искать на мѣстѣ перебѣжки стрѣлковъ Морне—быть-можетъ, еще время спасти любимого покровителя. Лишь бы принести офицера въ окопъ, а тамъ какъ-нибудь можно будетъ его спасти.

Несмотря на уговоры товарищей, Феллани выскочилъ изъ окопа и одинъ побѣжалъ по полю, по тому самому мѣсту, по которому, какъ ему казалось, прошли сенегальцы.

Его обсыпали мгновенно бѣлоснѣжные хлопья шрапнельныхъ разрывовъ и окутали черные столбы дыма бризантныхъ снарядовъ, но онъ не обращалъ вниманія на адскую пляску металла на этомъ огромномъ полѣ смерти.

Онъ искалъ своими зоркими глазами знакомое лицо среди страшной жатвы смерти и все не находилъ.

Потерявъ всякую надежду, Феллани готовъ былъ уже повернуть назадъ, когда его взглядъ упалъ на неподвижно распростертое тѣло такъ хорошо знакомаго ему офицера. Съ лихорадочной поспѣшностью Феллани схватилъ это неподвижное тѣло и бросился къ своимъ.

Пѣвецъ мандинго находился на краю окопа, когда что-то сильно ударило его въ грудь, и онъ упалъ. Но черезъ минуту онъ опять былъ на ногахъ и при помощи товарищей опустилъ Морне на землю въ окопѣ. Въ то же время Феллани по-

чувствовалъ вдругъ страшную слабость, въ глазахъ потемнѣло, зашатались люди, окопы, и онъ упалъ.

Когда Феллани очнулся черезъ нѣкоторое время, онъ увидѣлъ, что онъ лежитъ въ томъ же окопѣ, около неподвижнаго Морне. Но бѣлый учитель не былъ мертвъ—пѣвецъ мандинго уловилъ стоны, изрѣдка испускаемые офицеромъ.

Близко-близко придвинулся Феллани къ лицу Морне, къ этому смертельно блѣдному лицу, залитому кровью, съ потухающимъ-безсознательнымъ взглядомъ глазъ.

Черному стрѣлку стало ясно, что долго прожить его славный учитель, и больно-больно сжалось его сердце при мысли о вѣчной разлукѣ. Въ эти минуты Феллани почувствовалъ, какъ безконечно дорогъ былъ ему этотъ распростертый, весь въ крови человекъ, какими невидимыми узами жизнь связала ихъ вмѣстѣ. Дитя Африки, онъ не смогъ сдержать своихъ порывовъ и, глухо рыдая, припалъ къ груди Морне.

На минуту къ умиравшему какъ будто вернулось сознание, и онъ узналъ вѣрнаго, чернаго друга.

— Феллани, это ты?—успѣли прошептать его губы, и онъ снова впалъ въ безпамятство.

— Какой яркій день, какое прозрачное небо...—были послѣднія слова Морне въ предсмертномъ бреду.

XIV.

Послѣдній день Феллани.

... Въ послѣдній разъ въ отчаяніи
аѣмомъ
Ты содрогнись надъ участію без-
цѣльной
Всего, что рокъ въ могуществѣ
слѣпомъ
Обрекъ на смерть и гибель без-
раздѣльно»...

Леонарди.

Тяжело раненый Феллани лежалъ въ бѣлой палатѣ госпиталя, гдѣ быстро, неслышно двигались одѣтые во все бѣлое люди.

Онъ не помнилъ, какъ очутился здѣсь, сколько времени прошло со дня послѣд-

ного боя. Тупая боль во всемъ тѣлѣ заставляла крѣпко сжимать зубы, чтобы не кричать. Къ нему подошло нѣсколько человѣкъ и молча остановилось у изголовья. Среди подошедшихъ Феллани узналъ своего командира Гальтона.

Съ глубокимъ сочувствіемъ смотрѣлъ на него обычно суровый офицеръ, обмѣниваясь тихими замѣчаніями съ стоявшимъ около него человѣкомъ въ бѣломъ. Повидимому, Феллани угадалъ по безнадежному выраженію доктора, что ему недолго остается жить.

— Феллани, ты славный сенегальскій стрѣлокъ,—обратился къ нему командиръ.—Жаль, что нѣтъ здѣсь твоего учителя—какъ онъ былъ бы радъ убѣдиться въ самоотверженности своего ученика.

При воспоминаніи о Морне, лицо Феллани болѣзненно передернулось.

Гальтонъ спохватился,—онъ сдѣлалъ неловкость.

— Но ты выздоровѣешь, пѣвецъ мандинго,—продолжалъ онъ ободряющимъ голосомъ и получишь высшую награду, къ которой я тебя представилъ—крестъ почетнаго легіона.

— Нѣтъ, я скоро умру,—рѣшительно и твердо сказала Феллани,—я это знаю. И только объ одномъ прошу—отвезите, если не теперь, то потомъ, мое тѣло въ Сокото, гдѣ ждутъ меня мать, братъ Гуреро, родичи. Подъ тѣнистымъ деревомъ табба мнѣ хорошо будетъ лежать.—И онъ замолчалъ.

Гальтонъ съ грустью смотрѣлъ на подергивающееся судорогами выразительное, красивое лицо славнаго пѣвца Мандинго, а потомъ, пожавъ неподвижную руку стрѣлка, тихо ушелъ.

Въ полузатемненномъ сознаніи Феллани носились яркіе обрывки всевозможныхъ образовъ, но всѣ они ступали передъ картинами солнечной жизни въ Сокото.

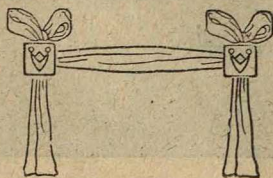
Эти картины развертывались вереницей, одна лучше другой. То онъ видѣлъ себя мальчикомъ, бѣгающимъ со сверстниками, то юношей, воиномъ, пѣвцомъ.

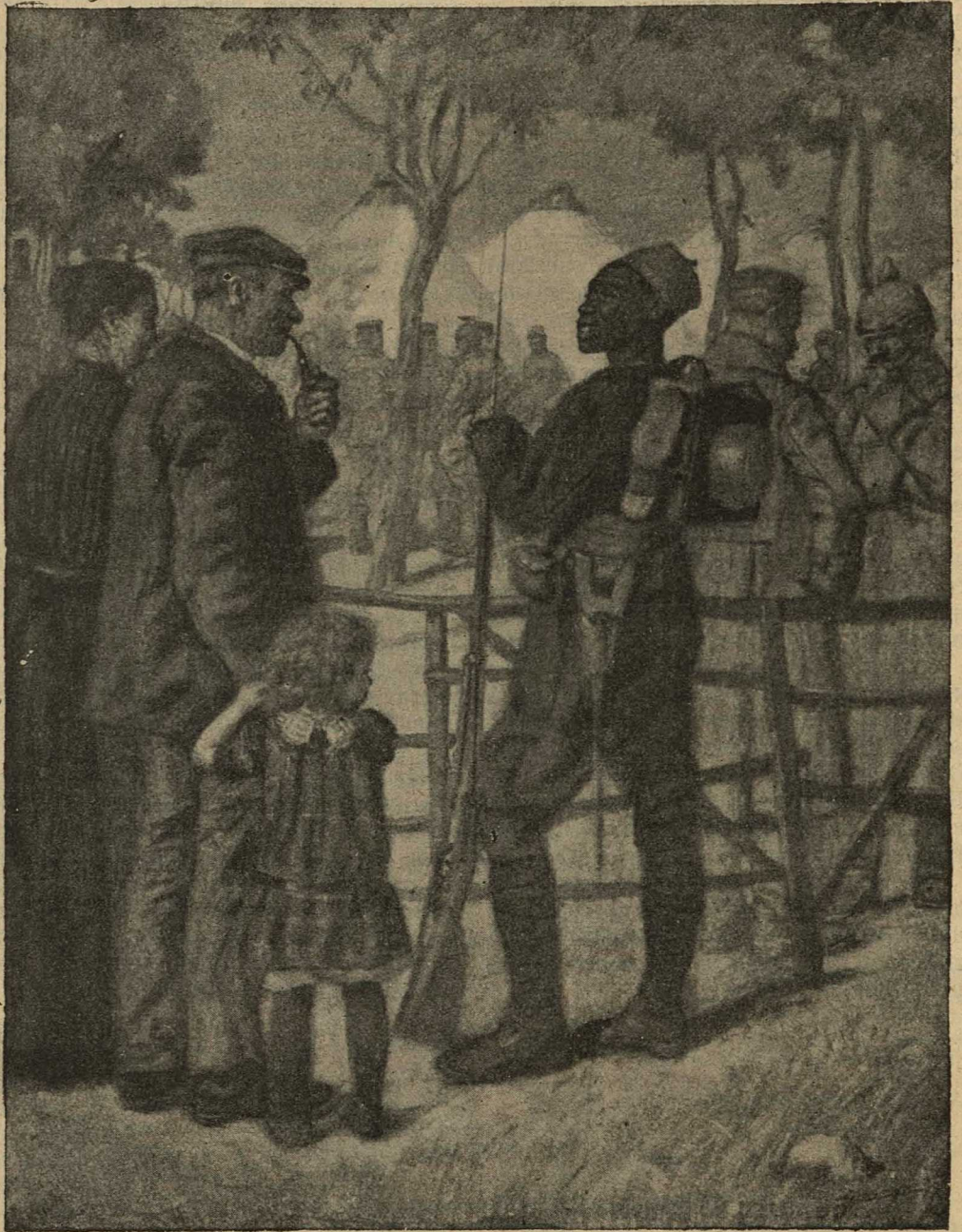
Образы матери и брата Гуреро отчетливо всплывали среди многихъ другихъ картинъ. Мать, по обыкновенію, сидитъ на порогѣ хижины за хозяйственной работой, братъ исправляетъ тенета.

А вокругъ Феллани все время звенитъ великій лѣсъ, такой близкій и родной. Все время раскачиваются горделивые кроны пальмъ, и алѣютъ красные лѣсные цвѣты..

Спустя мѣсяцъ послѣ кровопролитнаго сраженія на Мариѣ, въ которомъ принимали участіе сенегальскіе стрѣлки, поля смерти приняли снова мирный видъ. Лишь около Барси, на обширной равнинѣ, поле усыпалось колыхавшимися, какъ ковыль, трехцвѣтными флажками, подъ которыми успокоились навсегда павшіе французы, схороненные прямо въ землѣ.

На многихъ могилахъ виднѣлись кресты съ фуражками убитыхъ, а на нѣкоторыхъ положены были какіе-то странные для европейца предметы, похожіе на дудки и барабаны—это были могилы сенегальскихъ стрѣлковъ. Въ одной изъ нихъ покоился вѣчнымъ сномъ благородный Феллани, славный пѣвецъ мандинго изъ селенія Сокото.

Сенегельскіе стрѣлки во Франціи.

Отрывки изъ дневника резервиста, участника Европейской войны.

Каждая эпоха имѣла своихъ историковъ, а эти послѣдніе черпали свой матеріалъ изъ первоначальныхъ источниковъ, т.-е. отъ самихъ свидѣтелей происходившихъ событій или изъ воспоминаній, которыя они оставили.

Въ настоящее время мы переживаемъ историческій моментъ, который, несомнѣнно, составитъ эпоху въ жизни нашей возрождающейся отчизны во взаимоотношеніяхъ нашихъ съ восточнымъ братомъ, съ которымъ, благодаря извѣчнымъ интригамъ бранденбургскихъ курфюрстовъ, мы никакъ не могли до сихъ поръ поладить. Во имя принципа «divide et impera» — бранденбургскіе курфюрсты въ первую голову, а за ними почти весь германскій народъ, враждебно настроенный по отношенію ко всему славянскому, постоянно стремились посягать на несогласіе между отдѣльными славянскими народами. Отсюда проистекать рядъ жесточайшихъ войнъ, на которыхъ зарабатывали... нѣмцы.

Да!

Зарабатывали на военныхъ поставкахъ, зарабатывали на оружіи, которое всѣ охотно покупали у нихъ, и, наконецъ, на посредничествѣ, за которое они охотно брались.

А между тѣмъ глубоко скрытая въ германскихъ сердцахъ идея завладѣнія

славянствомъ подъ девизомъ: «drang nach Osten» побуждала ихъ къ составленію все болѣе усовершенствованныхъ проектовъ, изъ коихъ самымъ грознымъ былъ проектъ покоренія Россійскаго Государства путемъ колонизаціи. Покореніе — безъ единого выстрѣла! Къ счастью, благодаря стеченію обстоятельствъ, это намѣреніе не было приведено въ исполненіе, такъ какъ балканская смута и намѣреніе Австріи покорить Сербію послужили поводомъ ни больше ни меньше, какъ къ европейской войнѣ.

Нахальство Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ возмутило, наконецъ, Россію и сорвало съ ея глазъ розовую пелену, сквозь которую это могущественное государство смотрѣло на своего ближайшаго сосѣда. И вотъ на защиту меньшого брата выступилъ колоссъ, и вся Европа задрожала отъ его шаговъ. Воспользовавшись моментомъ, выступили также и другія державы, чтобы сообща сокрушить грознаго грабителя, который постоянно только и смотрѣлъ, какъ бы напасть на котораго-нибудь изъ своихъ сосѣдей и сорвать съ него, сколько и что возможно.

И вотъ, во имя защиты Европы, — нѣтъ, всего свѣта! — отъ тяжкаго гнета постоянного вооруженія, во имя свободы наро-

довъ, кромѣ Россіи взяли за оружіе: Франція, Англія и Бельгія, провоцированная безчестнымъ поведеніемъ нѣмцевъ. Вскорѣ пожаръ войны охватилъ одиннадцать государствъ, и милліоны людей съ оружіемъ въ рукахъ выступили на поле брани.

Грохотъ орудій потрясъ воздухъ отъ береговъ Атлантическаго океана до Нѣмана, и отъ Средиземнаго моря до Балтійскаго.

Раздѣляя стремленіе Россіи къ уничтоженію общаго врага, народъ польскій доказалъ уже, что всей душой отдался этому дѣлу. Воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго удвоило воодушевленіе народа. Многочисленные кадры нашей молодежи поступили добровольцами въ войско. Образовались дружины санитаровъ и санитарокъ, госпитали и лазареты, а обывательскіе комитеты занялись судьбою семействъ, призванныхъ на войну, которые почти въ количествѣ милліона пошли въ бой съ ненавистнымъ врагомъ. Соединить въ одно цѣлое три разорванныя части! Можно ли было размышлять хоть одно мгновеніе, нужно ли пожертвовать жизнью для такого дѣла?

Именно это настроеніе нашего общества нарисовалъ я въ рядѣ картинокъ, описалъ происходившія до сихъ поръ битвы, геройскіе подвиги нашихъ воиновъ, все въ точности воспроизведено изъ рассказовъ участниковъ и изъ писемъ, присылаемыхъ роднымъ резервистами съ поля брани.

Это настроеніе, равно какъ и подвиги отдѣльныхъ лицъ, какъ мнѣ кажется, послужатъ въ будущемъ любопытнымъ указаніемъ для тѣхъ, которые захотятъ ближе познакомиться съ историческимъ моментомъ, который всѣ мы сейчасъ переживаемъ.

Битва подъ Варшавой.

— Когда я, раненый обломкомъ шрапнели въ бедро, лежалъ въ лазаретѣ, мнѣ пришлось услышать интересный рассказъ, переданный намъ однимъ изъ посѣщавшихъ насъ гостей, который я здѣсь и помѣщаю.

11-е октября 1914 года навсегда останется памятнымъ днемъ для жителей

Прушкова, благодаря историческимъ событіямъ, которые произошли въ этотъ день въ предѣлахъ этого скромнаго селенія, лежащаго близъ Варшавы.

Съ утра изъ устъ въ уста начала переходить тревожная вѣсть.

— Пруссаки идутъ!

Среди населенія поднялась страшная суматоха.

Люди хватили что попало изъ нужныхъ вещей и сбѣжали на станцію.

Только бы поскорѣ! На поѣздъ и въ Варшаву!

Еще до полудня всѣ дома опустѣли.

Кто только могъ, бѣжалъ въ паническомъ страхѣ. Призракъ Калиша и прусскихъ жестокостей неотступно стоялъ передъ глазами людей.

Только нѣсколько человѣкъ интеллигенціи и бѣдняки, которымъ всюду одинаково плохо, остались на мѣстѣ.

— Идутъ? — говорили они съ горькой усмѣшкой на губахъ, — ну, такъ и пусть идутъ! Намъ и такъ плохо! Развѣ можетъ быть еще хуже!

Между тѣмъ изъ сосѣднихъ деревень и мѣстечекъ начали стекаться бѣжавшіе жители съ домашнимъ скарбомъ и скотиной.

Они бродили по улицамъ Прушкова, и переходя отъ одного двора къ другому, останавливались, говоря:

— Пруссаки идутъ!

Панический страхъ въ городѣ все увеличивался.

Въ 2 часа пополудни черезъ прущковскую станцію проѣхалъ поѣздъ, весь продырявленный пулями, а въ 4 часа 20 минутъ въ Прушковъ вошли передовые нѣмецкіе развѣзды: черезъ лигозую аллею прямо въ селеніе и со стороны Брвинова черезъ полотно на станцію.

На станціи нѣмцы испортили телеграфъ и телефонъ, а возлѣ Еленовскаго лѣса устали артиллерию, обращенную въ сторону Уграты.

Въ понедѣльникъ нервное напряженіе среди прущковскаго населенія нѣсколько ослабло. Нѣмцы дѣлали покупки въ лавкахъ, спокойно разговаривали съ жителями, увѣряли, что всѣ рассказы о якобы чинимыхъ ими насиліяхъ надъ мирнымъ населеніемъ являются продуктомъ фантазіи злыхъ людей, что

Видя, что кругомъ нѣтъ никого, я подкрался къ знамени и, сорвавъ его съ древка, спряталъ его подъ платьемъ.

нѣмецъ никогда не запятнаеть рукъ грабежомъ частнаго имущества и только благодаря вполне понятнымъ причинамъ долженъ карать за проступки и злоупотребленія отдѣльныхъ личностей, но что въ предѣлахъ Царства Польскаго подобные случаи бывають очень рѣдко и т. д.

Благодаря всѣмъ этимъ увѣреніямъ, успокоеніе среди населенія возрастало съ каждой минутой.

Только страхъ передъ близкой битвой возбуждалъ ужасъ въ сердцахъ людей и не даромъ, такъ какъ по положенію разставленныхъ орудій можно было видѣть, что снаряды должны пролетать надъ Прушковомъ.

— Съ нашей стороны, — твердили пруссаки, — вамъ ни въ коемъ случаѣ не будетъ причинено никакого вреда.

Во вторникъ, около 11 часовъ утра начался «разговоръ» между прусскими и русскими орудіями.

Первый выстрѣлъ былъ данъ со стороны пруссаковъ.

Послѣ этого битва съ каждой минутой все усиливалась.

Грохотъ орудій, свистъ зарядовъ, трескъ разрывающихся снарядовъ и гранатъ слились въ одну грозную оргію.

Въ сумерки орудія смолкли, но зато ружейная перестрѣлка достигла необычайной силы.

Это русскіе вытѣсняли пруссаковъ изъ Авелинскаго парка.

Вся ночь прошла среди такой перестрѣлки.

Въ среду утромъ присланныя изъ Еленова два отряда нѣмецкой пѣхоты разошлись по Прушкову по всѣмъ направлениямъ и начали уводить изъ домовъ, а также и задерживать на улицѣ мужчинъ, якобы для того, чтобы отвести ихъ къ плацъ-коменданту, который долженъ дать имъ нѣкоторыя инструкціи, касающіяся ихъ поведенія въ ближайшіе дни.

Собранные такимъ образомъ сто пятьдесятъ человѣкъ разныхъ сословій, окруженные кордономъ войска, были отведены въ Еленовъ.

Въ Еленовѣ стоялъ штабъ прусской дивизіи.

Тутъ, для наблюденія за арестованными было назначено десять человѣкъ

солдатъ съ унтеръ-офицеромъ во главѣ, и вся партія отправлена въ деревню Кани, находящуюся въ трехъ верстахъ отъ Еленова.

Я былъ среди арестованныхъ.

Съ нами вмѣстѣ были арестованы сорокъ евреевъ, главнымъ образомъ, ремесленники, рабочіе и мѣшчане изъ Прушкова, разныхъ возрастовъ и положеній.

Поэтому я не могъ сразу понять, зачѣмъ насъ задержали.

Эту загадку разрѣшилъ мнѣ при входѣ въ деревню Кани одинъ нѣмецкій полковой докторъ, отправлявшійся изъ Отрембусовъ, деревни, лежащей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кани, вмѣстѣ съ санитарнымъ отрядомъ на боевую линію.

Съ нашей позиціи было прекрасно видно поле битвы. Расположеніе нѣмецкой арміи подъ Еленовомъ и подъ Прушковомъ было видно, какъ на ладони. Убийственный огонь русской артиллеріи прямо заливалъ прусскія позиціи потокомъ снарядовъ, гранатъ и картечи. Прусскій санитарный отрядъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія подойти къ самой боевой линіи, не рискуя попасть подъ страшные выстрѣлы нашей артиллеріи.

И вотъ, я узналъ отъ доктора, случайно оставившагося возлѣ меня и вступившаго со мной въ разговоръ, что насъ арестовали затѣмъ, чтобы отправить въ Пруссію съ цѣлью обмѣнить насъ послѣ войны на нѣмецкихъ подданныхъ, сосланныхъ въ настоящій моментъ въ глубину Россіи.

Это разъясненіе оказало рѣшающее вліяніе на мои планы на будущее. Я рѣшилъ при первомъ же удобномъ случаѣ убѣждать отъ нѣмцевъ.

Поразмысливъ надъ этимъ проектомъ, я счелъ необходимымъ прежде всего изучить нашихъ «ангеловъ-хранителей» въ каскахъ. Двое изъ нихъ были уроженцами Берлина, одинъ былъ изъ Силезіи, одинъ вестфалецъ, трое познанцевъ, а остальные саксонцы.

Унтеръ - офицеръ — берлинецъ — настоящій гакатистъ¹⁾, происходящій,

(¹ Сторонникъ овѣмеченія польскихъ провинцій Пруссіи.

повидимому, по прямой линіи отъ тевтонскихъ кнехтовъ, такъ же настойчиво дожималъ и своихъ подчиненныхъ, какъ и всѣхъ насъ. Вестфалецъ и силезецъ относились къ нему прямо враждебно, а остальная часть команды пренебрежительно смотрѣла на придирки меченосца.

Въ спорахъ, нѣсколько разъ возникшихъ между мной и унтеръ-офицеромъ, я каждый разъ разбивалъ его наголову. Это раздражало его, и онъ старался показать всю глубину своей мнимой образованности, а я не позволялъ ему поймать себя на какой-либо слабости, что не представляло для меня никакого труда, такъ какъ уровень его знаній не превышалъ курса обыкновенной средней школы, а разсужденія основывались только на чтеніи газетъ.

Въ концѣ-концовъ, эти споры вызвали въ немъ нѣкоторое уваженіе ко мнѣ. Въ его обращеніи со мной вскорѣ начало чувствоваться, что онъ выдѣляетъ меня изъ среды всѣхъ арестованныхъ, что выражалось хотя бы въ учрежденномъ надо мной особомъ контролѣ. «Извѣстный польскій журналистъ» былъ изолированъ отъ остальныхъ товарищей по несчастью и отданъ подъ специальную опеку унтеръ - офицера. Благодаря этому, когда остальные скитались и мерзли по сараямъ и въ полѣ, я ночевалъ съ нимъ въ избѣ.

А между тѣмъ бой подъ Прушковомъ все усиливался. Русскіе снаряды сметали цѣлые ряды враговъ, разбивали ящики съ амуницией, разрушали орудія.

Спасаясь отъ стремительности русскаго огня, пруссаки отступили на приготовленную еще раньше позицію подъ Канями.

Потокъ картечи, гранатъ и шрапнелей обрушился въ нашу сторону.

Насъ повели дальше.

Послѣ двухчасового перехода мы пришли въ Отрембуси.

Здѣсь находились главные силы корпуса, оперирующаго противъ Варшавы. Намъ было приказано расположиться на ночлегъ на другомъ концѣ деревни, т.е. въ тылу позицій.

Двое прусскихъ солдатъ, одинъ вестфалецъ и одинъ силезецъ, обнаруживали

ко мнѣ большое расположеніе. Въ секретѣ отъ унтеръ - офицера, котораго оба ненавидѣли, эти добрые люди приносили мнѣ хлѣбъ, молоко и фрукты. Это были небольшія даянія, но нужно было цѣнить сердце, диктовавшее имъ сочувствіе къ моему положенію.

Ночевать мнѣ пришлось съ унтеръ-офицеромъ въ избѣ, покинутой хозяевами, на соломѣ, принесенной изъ риги, гдѣ крестьяне еще не успѣли смолотить хлѣбъ. Нѣмцы все время употребляли такую немолоченную крестьянскую рожь въ качествѣ подстилки для людей и лошадей.

На слѣдующее утро наше вниманіе было привлечено грохотомъ стоящихъ поблизости прусскихъ орудій.

Прежде чѣмъ отправиться въ ту или иную сторону, нужно было хоть чѣмъ-нибудь подкѣпиться. Я испекъ себѣ нѣсколько картошекъ и вышелъ изъ избы, чтобы посмотрѣть на поле битвы.

Артиллерійскія позиціи видѣлись за Еленовымъ, а сквозь подзорную трубу, любезно одолженную мнѣ унтеръ - офицеромъ, стоя на горѣ, я разглядѣлъ издали, между Еленовымъ и Прушковомъ рядъ прусскихъ окоповъ, дымившихся въ эту минуту отъ ружейныхъ выстрѣловъ.

Ружейный бой!

Значить, наша армія старается обойти пруссаковъ!

— Дай имъ Богъ счастья!—прошепталъ я отъ всего сердца.

И вдругъ вблизи раздался продолжительный свистъ, а за нимъ трескъ и грохотъ, точно кто-то сразу выстрѣлилъ изъ пяти орудій.

Это надъ самымъ нашимъ лагеремъ разорвалась заблудившаяся шрапнель.

— Назадъ! Назадъ! — завопили нѣмцы, прячась въ ближайшія избы.

— Господинъ полякъ! Господинъ журналистъ, назадъ! — закричалъ мнѣ унтеръ-офицеръ, отчаянно размахивая руками.

Я шель не слѣша съ своего наблюдательнаго пункта и смотрѣлъ на перепуганныхъ швабовъ.

— Успокойтесь! Успокойтесь! — проговорилъ я, приближаясь къ нимъ. — Солдатъ долженъ быть болѣе хладнокровнымъ и владѣть своими нервами.

Въ этотъ моментъ къ намъ подскакалъ курьеръ.

— Гдѣ унтеръ-офицеръ? — воскликнулъ онъ.

Унтеръ-офицеръ вышелъ къ нему.

Курьеръ, нагнувшись въ сѣдлѣ, шепнулъ ему нѣсколько словъ, послѣ чего онъ серьезно кивнулъ головой и крикнулъ, обращаясь къ намъ:

— Впередъ! — Идемъ дальше!

Солдаты окружили насъ кольцомъ и мы снова тронулись въ путь.

Черезъ Млоховскіе лѣса дорога была очень трудная. Болота и рвы, вслѣдствіе послѣднихъ дождей, были полны воды, а вдобавокъ намъ приходилось каждую минуту уступать дорогу многочисленнымъ обозамъ съ амуницией и провіантомъ направлявшимся на боевую линію.

Я думалъ было здѣсь привести въ исполненіе мой планъ бѣгства, но тутъ же сообразилъ, что меня бы здѣсь скоро поймали, и тогда меня могла бы постичь еще худшая участь. Я рѣшилъ ждать лучшаго случая.

Между тѣмъ мы вышли изъ лѣсу.

Послѣ неимоверно тяжелаго перехода мы добрались, наконецъ, до деревни Кады.

— Здѣсь мы отдохнемъ и завтра утромъ отправимся въ Гродзискъ, — сказалъ мнѣ сизецъ.

Остальную часть дня я занимался тѣмъ, что пекъ себѣ картофель, грѣлся у огня и знакомился съ мѣстностью.

Я долженъ замѣтить, что подъ Отрембусами и по дорогѣ къ деревнѣ Кады мы всюду встѣчали слѣды битвъ, происходившихъ раньше между прусскими форпостами и нашими войсками.

Нѣмцы тщательно собирали отнятыя у нашихъ солдатъ ружья, ломали штыки и приклады. Сумки, шапки и мундиры они разбрасывали вокругъ, разорвавъ ихъ предварительно на куски, имитируя погромъ.

Я моментально понялъ безчестную систему пруссаковъ. Желаніе мести за преступное поведеніе и за это вѣроломство овладѣло мною съ такой силой, что я рѣшилъ при каждомъ удобномъ случаѣ платить имъ различными продѣлками, на какія только способенъ лѣвикъ.

Тогда же подъ Отрембусами я замѣтилъ въ кустахъ, росшихъ возлѣ стоявшаго въ сторонѣ отъ другихъ забора, прислоненное къ вѣткѣ знамя. Видя, что кругомъ нѣтъ никого, а солдаты, стерегущіе знамя, находится, повидимому, въ избѣ, я съ трудомъ сорвалъ знамя и, спрятавъ его подъ платьемъ, прокрался между заборомъ и сараемъ и вернулся къ своей партіи.

Потомъ, въ Кадахъ, будучи приглашенъ унтеръ-офицеромъ въ избу ночевать, я сломалъ пружину его штыка, который онъ неосторожно оставилъ въ избѣ вмѣстѣ съ поясомъ и ножнами.

Хорошо себя почувствуетъ, каналья, когда ему придется пустить въ дѣло этотъ штыкъ!

Между тѣмъ наступила ночь.

Мы улеглись на соломѣ въ углу избы.

Я подложилъ себѣ подъ голову четверку свеклы, которую накрылъ соломою, но унтеръ-офицеръ любезно предложилъ мнѣ свою шинель вмѣсто подушки.

Мы долго разговаривали съ нимъ. Когда, обходя нашъ лагерь, въ избу вошелъ дежурный вестфалецъ, унтеръ-офицеръ сдѣлалъ ему выговоръ за какія-то неисправности въ несеніи службы; вестфалецъ довольно рѣзко огрызнулся на замѣчаніе.

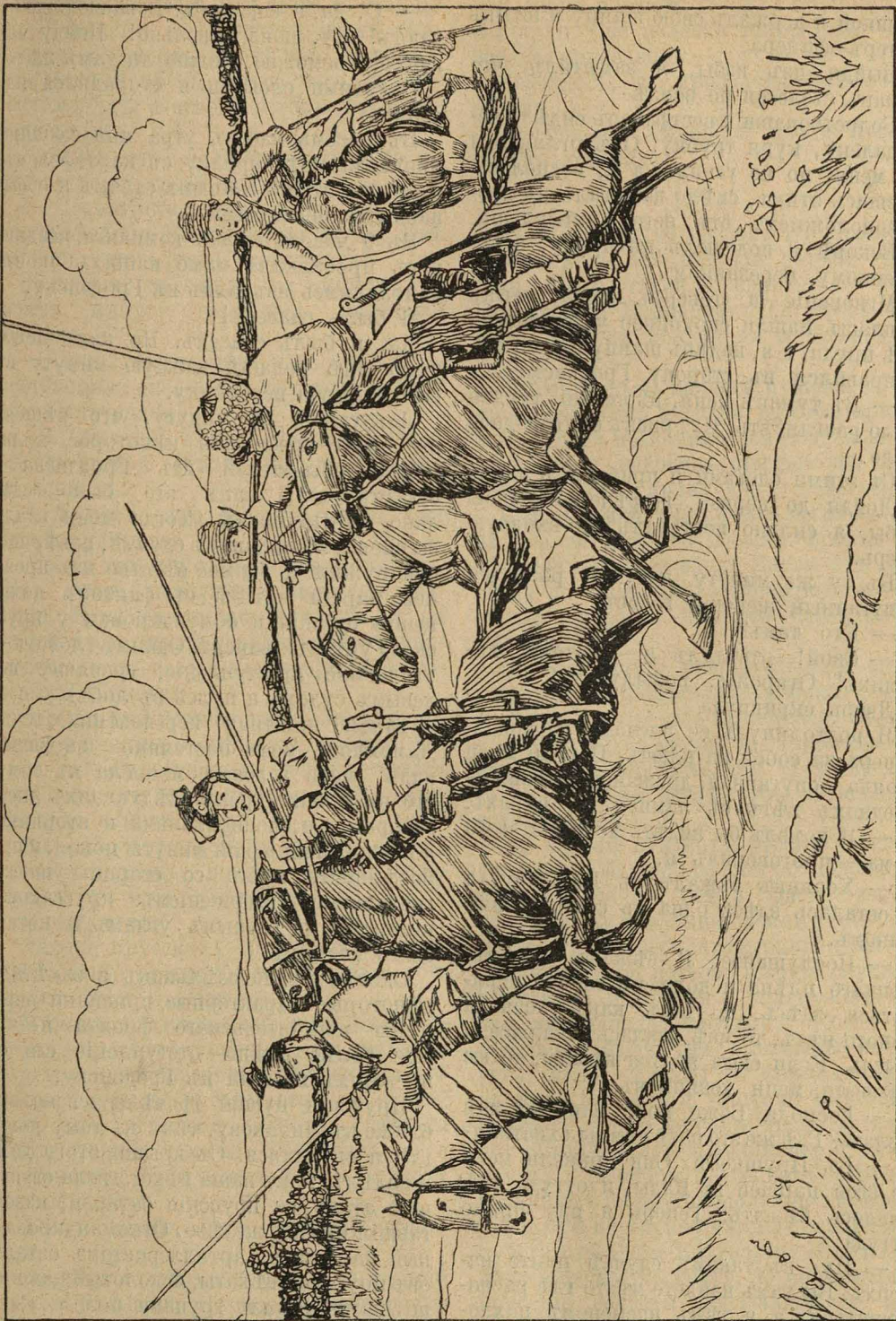
Унтеръ-офицеръ вскочилъ съ подстилки.

— Я васъ тутъ всѣхъ возьму подъ уздцы! — воскликнулъ онъ. — Вы распустились, точно старый кнутъ! Забыли, что это война и что легко получить пулю въ лобъ. Вонъ!! Такъ и знайте, что сегодня ночью я самъ произведу провѣрку часовыхъ. Пусть только я найду кого-нибудь спящимъ!

Вестфалецъ вышелъ изъ избы.

Только спустя часъ унтеръ-офицеръ, наконецъ, успокоился; снялъ поясъ, снялъ каску, «гевѣръ», т.-е. ружье, поставилъ въ уголъ и, расположившись рядомъ со мной, вскорѣ заснулъ.

Я рѣшилъ воспользоваться случаемъ. Вынувъ штыкъ изъ его ноженъ, я быстро накинулъ на себя его плащъ, который былъ у меня подъ головой, надѣлъ на голову каску и, взявъ его ружье, вышелъ потихоньку изъ избы. Подъ

Казачи уже настигли двухъ уланъ, когда вдругъ издали замѣтили большой отрядъ прусской кавалеріи.

мышкой я держалъ свою шляпу и штыкъ унтеръ-офицера.

Выйдя изъ избы, я замѣтилъ, что туманъ стелется по землѣ.

Бодрствовавшій вестфалецъ сидѣлъ неподалеку, куря трубку. Онъ оглянулся на меня, но не узналъ, а я, воспользо-вавшись этимъ, смѣло зашагалъ въ противоположномъ отъ него направленіи.

Вскорѣ я подошелъ къ пруду, окаймленному березнякомъ.

Мгновеніе—и «теверъ», каска, штыкъ и плащъ нашли спокойное усѣжище на днѣ пруда, а я, надѣвъ шляпу на голову, направился въ сторону Гродзиска.

— Въ туманѣ меня, вѣроятно, трудно было разглядѣть. Ну, рискъ благородное дѣло.

Съ этими словами я прибавилъ шагу.

Дойдя до первой, встрѣченной мною избы, я сильно постучалъ въ входную дверь.

Въ ту же минуту изнутри раздался испуганный женскій голосъ.

— Кто тамъ?

— Свой!—отвѣтилъ я.—Полякъ, католикъ! Откройте, пожалуйста!

Дверь скрипнула

Я подтолкнулъ ее плечомъ и, войдя, заперъ за собой на ключъ. Передо мной стояла испуганная, дрожащая женщина среднихъ лѣтъ съ лампой въ рукахъ.

— Я хотѣлъ бы видѣть хозяина этого дома?—проговорилъ я.

— Хозяинъ бѣжалъ въ Варшаву, а я осталась здѣсь одна съ семилѣтнимъ сыномъ.

— Послушайте. Я бѣжалъ изъ нѣмецкаго плѣна и долженъ теперь спрятаться здѣсь. А такъ какъ хозяина самого нѣтъ, то мнѣ явилась прекрасная мысль. Если сюда явятся нѣмцы, то вы назовете меня хозяиномъ.

— Господи Боже мой! Что же мнѣ дѣлать? Гдѣ же это васъ нѣмцы схватили?

— Въ Прушковѣ. Они привели меня со всей партіей въ Кады, и оттуда мнѣ удалось бѣжать. Теперь я иду прямо сюда.

— Ну, въ такомъ случаѣ идите наверхъ. Вы тамъ найдете мѣсто гдѣ расположиться, а я тѣмъ временемъ похлопочу объ ужинѣ. Вѣдь вы, вѣроятно, голодны?

— О, да, и еще какъ. Ъсть шельмы не даютъ! Ну, пока довольно! Пойду наверхъ, посмотрю, можно ли тамъ жить!

Съ этими словами я отправился наверхъ.

Въ восемь часовъ утра моя хозяйка принесла мнѣ тарелку съ картофелемъ, густо политымъ свинымъ саломъ и обсыпаннымъ шкварками.

Въ 9 часовъ цѣлая компанія всадниковъ проскакала мимо нашихъ оконъ, направляясь изъ Кады къ Гродзиску.

Я былъ спасенъ!

Да, я былъ спасенъ. Но какъ легко было мнѣ попасть каждую минуту въ еще худшую передѣлку.

Допустимъ на минуту, что рѣшено бы было арестовать нѣкоторое количество обывателей изъ Гродзиска и окрестностей, какъ это было сдѣлано въ Прушковѣ. Тогда меня взяли бы снова, но въ такомъ случаѣ, навѣрное, обнаружилось бы мое бѣгство изъ прежней партіи вмѣстѣ съ фактомъ похищенія оружія и обмундировки у прускаго унтеръ-офицера. Однимъ словомъ—уголовное преступленіе, грозящее полевымъ судомъ и пулей въ лобъ!

Такая пріятная перспектива, точно Дамокловъ мечъ постоянно висѣвшая надъ моей головой, привела къ тому, что въ теченіе трехъ слѣдующихъ дней, воскресенья, понедѣльника и вторника, я не зналъ ни одной минуты покоя, и при малѣйшемъ шумѣ со стороны шоссе грозившемъ вторженіемъ пруссаковъ, прятался по разнымъ угламъ и потайнымъ мѣстамъ.

Однако въ понедѣльникъ я замѣтилъ нѣкоторые характерные признаки перемѣны непріятельскаго фронта и—что еще болѣе важно—отступленіе его съ прежнихъ позицій къ Гродзиску.

Прускія пушки гремѣли въскольکو ближе къ Миланову, чѣмъ къ тому дому, гдѣ я спрятался. Съ крыши этого дома я видѣлъ, какъ наша пѣхота вела страшную атаку на прусскія батареи, извергавшія огонь и желѣзо. Откомандированный на помощь артиллеристамъ батальонъ прусской пѣхоты, исколотый нашими штыками, усѣялъ трупами поле и лѣсъ, а батареи стали добычей нашихъ геройскихъ войскъ.

Въ тотъ же самый день сгорѣла станція въ Гродзисѣ, сожженная руками нѣмцевъ, взорвавшихъ, кромѣ того, и желѣзнодорожный мостъ, послѣ чего кавалеристами были сожжены вагоны, стоявшіе на станціи.

Увидѣвъ это, я быстро сбѣжалъ по лѣстницѣ къ своей хозяйкѣ:

— Посмотрите, пожалуйста, не снята ли телефонная проволока на шоссе. Мнѣ кажется, что нѣмцы отступаютъ!

Женщина выбѣжала на дорогу, но черезъ минуту вернулась разочарованная:

— Проволока виситъ, какъ висѣла!— проговорила она.—Что ужъ тутъ думать объ отступленіи!

Ей, бѣдной, нѣмцы казались такой несокрушимой силой, которую ничто не сломить.

— А вотъ сами увидите, какъ они будутъ удирать!

Говоря это, я и самъ не предполагалъ, какъ скоро исполнится мое предсказаніе. Едва спустились сумерки, а на гродзискомъ шоссе грохотъ колесъ многочисленныхъ возовъ уже прервалъ мгновенную тишину.

Отрывистый грохотъ перевозимыхъ пушекъ и ящиковъ смѣнялся шумомъ сотенъ возовъ, отнятыхъ у окрестныхъ жителей. Это продолжалось безъ перерыва до самого утра.

На разсвѣтъ воздухъ дрогнулъ отъ грохота пушекъ, поставленныхъ неподалеку отъ моего убѣжища.

Я выглянулъ.

Четыре прусскихъ орудія гремѣли въ ольшаникѣ, производя такой шумъ, точно ихъ было двадцать.

И какъ раздраженная женщина, которая къ концу устроеннаго ею скандала стремится использовать весь запасъ самыхъ грубыхъ ругательствъ и брани, такъ эта неполная батарея спѣшила какъ можно скорѣе выбросить весь оставшійся у нея запасъ бомбъ, гранатъ и шрапнелей.

Въ 7 часовъ утра батарея замолкла.

Лошади галопомъ помчали ее въ сторону Гродзиска, а воцарившаяся послѣ такого страшнаго шума тишина, казалось, предвѣщала грозныя событія.

Я снова послалъ хозяйку посмотрѣть, снята ли уже полевая телефонная проволока пруссаковъ.

Оказалось, что проволока была перерѣзана.

Отступление нѣмецкой арміи было вполне доказано.

* * *

Въ то время, когда подъ Прушковомъ происходила эта могучая борьба, русская армія тѣснила непріятеля подъ Пясечной и Виляновомъ съ одной стороны, и подъ Рокитномъ и Блоней съ другой.

Кромѣ борьбы нашихъ пушекъ съ непріятельскими, русская пѣхота принуждена была подкапываться подъ позиціи врага, пока, наконецъ, при помощи штыковой атаки не принудила его отступить.

Вышеупомянутый фронтъ былъ только частью гигантскаго боевого фронта армій, тянувшихся вдоль Вислы отъ Варшавы до Сандомира. Непосредственной цѣлью операцій нѣмцевъ было взятіе Варшавы.

Правое крыло непріятельской арміи состояло изъ австрійскаго войска, центръ и лѣвое крыло—изъ нѣмецкаго. Съ юга отъ Казимержа нѣмцы предприняли переправу на пароммахъ. Это мѣсто предварительно было изслѣдовано нѣмецкими аэропланами.

На одного изъ нихъ русскіе солдаты устроили засаду и, когда послѣдній приблизился къ землѣ, двое драгунъ мѣткими выстрѣлами подбили его. Аэропланъ упалъ весь подорванный.

Невзирая на потери, нѣмцы спустили нѣсколько паромовъ и, нагрузивъ ихъ людьми, начали переправу. Когда два батальона были уже высажены на берегъ, наши солдаты съ криками «ура» ударили на нихъ и уложили ихъ всѣхъ на мѣстѣ. Въ то же самое время артиллерія потопила переправлявшихся на пароммахъ и разсѣяла пруссаковъ, сгруппированныхъ на противоположномъ берегу.

Вторую переправу нѣмцы предприняли съ юга отъ Гуръ Кальваріи. Имъ позволили перекинуть мостъ, но когда первые прусскіе солдаты показались на правомъ берегу, наши войска засыпали ихъ шрапнелями, которыя дочиста сметали

въ Вислу всѣхъ нѣмцевъ, переправлявшихся черезъ мостъ.

Волны Вислы покрасѣли отъ крови и понесли нѣмецкіе трупы далеко... въ Данцигъ!

Выбитыя изъ-подъ Варшавскихъ позицій, прусскія силы отступали пядь за пядью. Изъ деревень и мѣстечекъ ихъ приходилось вытѣснять штыками. Вслѣдствіе этого и получилось такое разрушеніе домовъ и жилищъ, вслѣдствіе этого и велись такіе упорные бои, и осталось столько труповъ людей и животныхъ. Пясечно, Прушковъ, Рокитно, Блоне, Гродзискъ и даже дальше вплоть до Ловича, съ одной стороны, и Равы—съ другой всѣ поля изрыты и усеяны тысячами могилъ!

Убѣдившись, что прусская армія отступила къ Гродзиску, я вышелъ изъ своего уѣжища и направился въ сторону Прушкова. Сначала я хотѣлъ отыскать дорогу, ведущую на Миланувекъ и Бровиновъ, но вскорѣ я оставилъ это намѣреніе, боясь попасться въ руки какимъ-нибудь запоздалымъ отрядамъ арьергарда. Тогда я свернулъ въ Млоховскіе лѣса и направился черезъ нихъ прямо въ Отрембусы.

Пусто!

Всюду пусто!

Только груды оружія, касокъ и патронныхъ сумокъ, цѣлыя пачки зарядовъ, поломанныя телѣги и пустые ящики указывали на поспѣшность отступленія врага.

Обрадованный, я пошелъ прямо черезъ лѣсъ, чтобы сократить себѣ путь. Вдругъ съ ближайшей поляны до меня донесся шумъ многочисленныхъ голосовъ.

Я выглянулъ, и мурашки пробѣжали по моему тѣлу.

Я набрелъ на бивуакъ нѣмецкихъ войскъ. Было ихъ, вѣроятно, около трехъ полковъ. Одна пѣхота.

Я углубился въ чащу лѣса, заросшаго въ этомъ мѣстѣ орѣшникомъ, и, забирая наискось, направился къ опушкѣ лѣса. Подойдя къ краю, я выглянулъ въ поле... Ко мнѣ что есть духу мчался отрядъ кавалеріи. Я присѣлъ на корточки подъ кустомъ и замеръ.

Но когда отрядъ подѣхалъ ко мнѣ ближе, я вскочилъ на ноги и побѣжалъ къ нему.

Это были казаки.

Я съ радостью привѣтствовалъ ихъ.

— Гдѣ нѣмцы?—спросилъ меня есаулъ.

— Тамъ!—закричалъ я, указывая на лѣсъ.—Но ихъ тамъ очень много.

Казаки, какъ вихрь, понеслись въ указанную мною сторону.

Вскорѣ многочисленные ружейные выстрѣлы дали знать, что молодцы уже заработали во-сю.

Я снова двинулся въ путь и уже подъ Вильгельмовомъ встрѣтилъ нашу пѣхоту, направлявшуюся въ сторону выстрѣловъ.

— На общаго врага,—Богъ вамъ на помощь!—воскликнулъ я, снимая шапку.

Возлѣ самага Вильгельмовскаго лѣса я увидѣлъ массу людей и лошадей. Здѣсь, повидимому, расположилось на бивуакъ большое количество нашего войска. Они остановились, очевидно, для того, чтобы пообѣдать, такъ какъ въ сторонѣ отъ дороги дымила, точно самоваръ, русская полевая кухня.

Тогда я почувствовалъ себя, наконецъ, въ безопасности.

Послѣ вытѣсненія врага изъ окрестностей Варшавы, возвратившееся въ свои жилища населеніе занялось опредѣленіемъ причиненныхъ войной поврежденій въ ихъ хозяйствѣ. Черезъ Іерусалимскіе и Вольскіе рогатки потянулись цѣлыя вереницы телѣгъ и телѣжекъ, увозившихъ убогій скарбъ жителей мѣстечекъ и окрестныхъ деревень.

Первые слѣды разрушенія можно встрѣтить на разстояніи приблизительно 12 верстъ отъ Варшавы.

Въ Жбиковкѣ возлѣ Прушкова всѣ дома, расположенные на дорогѣ, ведущей въ Прушковъ, болѣе или менѣе повреждены. Во многихъ жилищахъ пули испортили мебель. Желѣзнодорожныя мастерскія частью разрушены.

Въ близлежащемъ Жбиковѣ больше всего пострадали костелы, какъ старый, такъ и новый, недавно построенный.

Жилища бѣглецовъ лишились стеколъ въ окнахъ, а на нѣкоторыхъ изъ нихъ по сей день видны огромныя дыры отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Въ Прушковѣ больше всего пострадала южная часть города.

Подъ березами видѣлась могила,—а на ней ранецъ, сумка и фуражка.

Такая же судьба постигла и цѣлый рядъ домовъ со стороны Еленова.

Прушковская электрическая станція и желѣзнодорожный вокзалъ также сильно повреждены. Кромѣ того, въ Прушковѣ имѣется цѣлый рядъ домовъ болѣе или менѣе разрушенныхъ.

Но не только пушечные выстрѣлы причинили убытки жителямъ Прушкова. Прускіе солдаты ревностно помогали пушкамъ въ дѣлѣ разрушенія. Почти нѣтъ жилища, которое бы не подверглось грабежу. Грабили не только пищевые продукты, но также и бѣлье, платье, а въ особенности цѣнные предметы, какъ украшенія, столовое серебро и т. д. Правда, расхищали имущество не только прусскіе солдаты, но, послѣ ихъ ухода, и мѣстные воры.

Только за Прушковомъ начинаются послѣдствія отступленія нѣмецкихъ войскъ, которыя прежде всего отразились на желѣзнодорожномъ пути. Мосты взорваны, во многихъ мѣстахъ скрѣпленія рельсъ и на стрѣлкахъ были, повидимому, заложены пироксилиновые заряды, такъ какъ полотно испорчено и рельсы вывернуты.

За Брениновомъ взорванъ большой мостъ. Возлѣ самой станціи съ лѣвой стороны виднѣются земляныя насыпи непріятельскихъ батарей. Туннель возлѣ Миланова взорванъ на воздухъ. Станція въ Гродзискѣ разрушена, мосты взорваны, полотно испорчено, но само мѣстечко точно чудомъ уцѣлѣло.

Всюду, гдѣ ступала нога прусскаго солдата, видны пепелища, трупы и развалины. Пясечно, Мысядло, Новая-Ивична и десятки другихъ деревень уничтожены.

Но и пруссакамъ у насъ совсѣмъ не почастливилось. Доказательствомъ этого служили цѣлыя ватаги нѣмецкихъ солдатъ, бродившихъ по лѣсу, сотни воевъ, отставшихъ отъ обозовъ, ручного оружія и пушекъ и десятки автомобилей, вооруженныхъ митральезами.

Въ одномъ мѣстѣ близъ дороги видна могила, гдѣ похоронены нѣмецкіе офицеры. Убѣгая, прусскія войска разрыли могилу, вырвали крестъ и разбросали могильный холмъ.

— Мы стояли подъ Блоней, — рассказывалъ намъ раненый осколками гра-

наты въ бокъ и предплечье, молодой, смуглый есаулъ съ длинными, заливчатыми подкрученными усами.

— Батареи были поставлены подъ прекрасной защитой специально устроенныхъ съ этой цѣлью окоповъ, сотни отборныхъ молодцовъ трепетали жаждой боя, но приказа еще не было, надо еще было ждать, что принесетъ судьба.

Приказано было лежать тихо и не показываться никому. Это мы умѣемъ!

Не знаю, зналъ ли кто-нибудь на разстояніи двухъ верстъ, что мы спрятаны такъ близко и въ такомъ количествѣ.

Развѣдчиковъ посылать не было надобности, такъ какъ полевой телефонъ извѣщалъ насъ съ передовыхъ позицій, что нѣмцы приближаются, между тѣмъ, какъ наши войска, слѣдуя заранѣе составленному плану, отступали, чтобы завлечь врага подъ огонь изъ близлежащихъ фортовъ.

Наконецъ грохотъ орудій, сначала далекій, а потомъ все болѣе и болѣе близкій, извѣстилъ насъ о приближающихся непріятельскихъ полчищахъ; въ то же самое время по телефону пришелъ приказъ на слѣдующее утро выступить изъ занимаемыхъ нами позицій, оставивъ въ качествѣ заслона для батарей двѣ сотни товарищей.

Мы покинули окопы довольные, такъ какъ знали, что теперь намъ удастся погулять по-своему!

Свобода и просторъ для казака то же самое, что для рыбы вода, — безъ нихъ онъ гибнетъ, и только съ ними можетъ жить.

Меня съ патрулемъ откомандировали въ Блони, приказавъ дожидаться тамъ нѣмцевъ и только послѣ вступленія ихъ въ городъ дать знать полковнику.

14 октября при вѣсти о приближающихся непріятельскихъ войскахъ началось бѣгство сотенъ семействъ, даже изъ отдаленныхъ окрестностей, какъ Пясечно Груецъ, Тарчинъ и др., уже занятыхъ нѣмцами. Люди бѣжали вмѣстѣ съ пожитками впередъ, куда глаза глядятъ, лишь бы только подальше отъ несчастя.

Это зрѣлище вызвало въ Блони неописываемую панику. Далекій грохотъ орудій усиливалъ ее съ каждой минутой.

Въ первый моментъ жители просто обезумѣли; громадность несчастья, которое шло на ихъ городъ, не позволяла имъ быть разсудительными и разобраться въ своемъ положеніи. Бросились въ бѣгство всѣ, кто только могъ.

Утро не предвѣщало ничего худого. Только около полудня на шоссе возлѣ города показалось семь прусскихъ уланъ.

Мы притаились съ боку дороги, и когда непріятель подошелъ къ намъ вплотную, мы дали по немъ залпъ.

Четверо пруссаковъ упало съ лошадей, трое же повернулись на мѣстѣ и почмались къ своимъ. Мы бросились за ними. Преслѣдованіе продолжалось недолго. Еще одинъ швабъ нырнулъ подъ лошадь, остальныхъ двухъ мы уже почти совсѣмъ настигли, какъ вдругъ, издали мы замѣтили большой отрядъ прусской кавалеріи, во весь опоръ мчавшійся къ намъ.

Нужно было немедленно спастись.

Обросивъ съ лошади одного изъ оставшихся двухъ швабовъ, я схватилъ за голову другого улана, и мы повлекли его за собой.

Это обстоятельство затрудняло бѣшеную погоню прусской кавалеріи, такъ какъ видя одного изъ своихъ въ нашихъ рукахъ, они не хотѣли стрѣлять, а предпочитали догнать насъ, окружить и сразиться въ рукопашную.

Но гдѣ же пруссаку догнать казака? Мы направились къ нашимъ потайнымъ батареямъ.

Нѣмцы—за нами.

Мы домчались до прикрытія, а наши молодцы такъ и засыпали ихъ градомъ картечи. Сбились уланы, смѣшались, а тѣмъ временемъ двѣ сотни нашихъ съ криками и свистомъ бросились на обезумѣвшихъ отъ ужаса швабовъ.

Они отчаянно защищались, пока мы не перекололи ихъ всѣхъ, оставивъ нашего плѣнника и еще одного лейтенанта. Потомъ, захвативъ орудія, мы вернулись вмѣстѣ съ плѣнниками къ нашимъ главнымъ силамъ.

Отъ жителей Блони, которые оставались въ городѣ во время этого нашествія нѣмцевъ, мы узнали подробности хозяйничанья врага въ этомъ маленькомъ мѣстечкѣ.

Въ 2 часа послѣдніи шесть улановъ прусской гвардіи остановились передъ канцеляріей войта гмины Пассъ. Въ три часа пополудни въ городъ вступили прежде всего два эскадрона кавалеріи, а потомъ въ теченіе всей ночи непрерывно прибывали всѣ рода оружія до штаба включительно. Войско размѣстилось въ опустѣвшихъ жилищахъ, а лошадей и обозъ помѣстили въ сосѣднихъ имѣніяхъ: Радонице, Фащице и Беневице.

Комендантъ города, майоръ Цоллеръ, издалъ слѣдующее распоряженіе:

«Немедленно открыть всѣ лавки, отдать огнестрѣльное оружіе, снять со всѣхъ учреждений знаки и государственные гербы и безпрекословно исполнять всѣ требованія его подчиненныхъ, какъ при доставкѣ фуража, такъ и провизіи, съ вечера погасить огни и прекратить уличное движеніе. За неисполненіе этихъ приказаній виновныхъ ожидаетъ смертная казнь!»

Въ первый день юнкера-гакатисты платили наличными, считая марку за 50 коп., на другой день выдавали квитанціи, а потомъ платили только прикладами, либо дуломъ револьвера.

Они крали, грабили, жгли мебель, книги, — словомъ уничтожали все, что только попадало имъ на глаза, въ особенности въ домахъ, гдѣ не оказывалось хозяевъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что на 9-й день «осады», когда они «удирали» отъ насъ въ свой «фатерландъ», то оставили городъ совершенно лишеннымъ пищевыхъ продуктовъ и домашнихъ вещей.

Во время этой девятидневной осады выпадали такіе дни, когда въ продолженіе 17 часовъ неустанно продолжалась стрѣльба изъ пушекъ картечью и ружей, со всѣхъ сторонъ лопались шрапнели, свистѣли пули, — словомъ былъ настоящей адъ.

На восьмой день комендантъ Цоллеръ уѣхалъ куда-то въ тылъ арміи, а его мѣсто занялъ майоръ баронъ фонъ-Девитцъ, нельзя не признать, нѣмецъ прекрасно воспитанный, вѣжливый и разсудительный: онъ никому не грозилъ револьверомъ, обо всемъ только просилъ и за все благодарилъ.

Тотчасъ по вступленіи на свой постъ, онъ заявилъ жителямъ, что такъ какъ русскіе подвозятъ осадныя орудія, онъ совѣтуетъ жителямъ сегодняшнюю ночь и весь слѣдующій день провести въ потребахъ, въ противномъ случаѣ онъ не ручается за ихъ жизнь и имущество.

«Слѣдую приказанію» мы провели въ потребахъ цѣлыхъ два дня и двѣ ночи, но вмѣсто «осадныхъ орудій» мы увидѣли во вторникъ утромъ убѣгающихъ швабовъ, которые въ эту ночь разграбили остатки имущества жителей Блони.

Насъ стариковъ хорошо провели, но это оказалось лишнимъ, такъ какъ уже въ 9 часовъ утра 20 октября въ нашемъ городѣ появились русскіе патрули, а черезъ 2 часа вошло многочисленное войско.

Изъ городскихъ зданій прежде всего сгорѣлъ старый магистратъ, построенный еще въ XIII вѣкѣ, и только два дома на шоссе, ведущемъ къ Сохачеву, но зато разрушенныхъ шрапнелями и пробитыхъ ружейными пулями было больше ста.

За городомъ сожжена почти до гласыма благоустроенная деревня Вавжишевъ (22 владѣнія) и фольварки Осекъ и Рохолики; остальные деревеньки и помѣщичьи усадьбы разорены совершенно, т.-е. лишены лошадей, коровъ, куръ, гусей и растительности. Есть деревеньки, въ которыхъ абсолютно ничего не оставлено бѣднымъ крестьянамъ. Жалость беретъ, когда войдешь въ такую избу и встрѣчаешь цѣлую семью, горько плачущую при одной мысли о томъ, какъ имъ удастся прозимовать здѣсь и чѣмъ они накормятъ дѣтей.

Словомъ, всюду глазамъ вашимъ представляется мрачная тяжелая картина разрушенія и горя.

Жизнь въ Блони совершенно замерла; лавки разрушены, товары расхищены или испорчены, окна вырублены топорами, телеграфные и фонарные столбы вывернуты, заборы поломаны, а улицы города и рынокъ застланы соломою и конскимъ навозомъ. Жители не знаютъ, что имъ дѣлать и за что прежде всего взяться.

Изъ происшествій девятидневной «осады Блони» слѣдуетъ отмѣтить двухъ убитыхъ евреевъ и одного поденщика хри-

стіанина, а кромѣ того, раненыхъ шрапнелью и ружейными пулями восемь человѣкъ.

Назначенная гминнымъ управленіемъ Пассъ временная коммиссія по опредѣленію убытковъ, понесенныхъ жителями той же гмины, опредѣлила общую сумму убытковъ въ четверть съ лишнимъ милліона рублей.

* * *

А вотъ—проявленіе прусской культуры, фактъ, взятый изъ жизни, о которомъ громко въ тысячахъ варіацій рассказываютъ многочисленные свидѣтели и подробно говорятъ газеты.

Всѣ отрицательныя качества вырождающагося сонма меченосцевъ слѣдуетъ тщательно записывать, чтобы человѣчество легче могло понять, что такого чудовища нельзя выносить въ своей средѣ.

Слушайте!..

Это было подѣ Блонею, въ польской деревнѣ, на берегу Утраты.

Въ одной изъ наиболѣе зажиточныхъ хатъ красавица шестнадцатилѣтняя дѣвушка, точно руководимая страпнымъ предчувствіемъ, была все время болѣе встревожена, чѣмъ всѣ остальные. Какое-то безумное отчаяніе ни на одну минуту не покидало ее. Не помогали ни объясненія сосѣдей, что вѣдь «нѣмцы не съѣдятъ тебя», ни просьбы, ни угрозы домашнихъ.

Дѣвушка отъ ужаса положительно становилась «невмѣняемой», съ рыданіями прижимаясь каждую минуту къ груди матери, цѣплялась за руки отца.

И вотъ, послѣ трехъ-четырехъ дней неустанной пушечной канонады, отъ которой, не преувеличивая, дрожали избы, послѣ того, какъ въ сторону Варшавы прошли десятки тысячъ войскъ, однажды, послѣ полудня дверь съ трескомъ открылась и въ комнату нашего крестьянина, точно къ себѣ домой, вошли четверо нѣмецкихъ солдатъ. Всѣ перепугались. Солдаты быстро осмотрѣлись и разлеглись, гдѣ кому вздумалось, впадаясь въ то же время глазами въ окончательно перепуганную красавицу-дѣвушку.

Великий бой въ Польшѣ. Массовое отступленіе германцевъ.

Но прошло четверть часа, и началась въ той или другой формѣ реквизиція.

Давали, что было приказано. Брали, что хотѣли.

Извѣстное дѣло—нѣмецкіе порядки.

Наступилъ вечеръ.

Вечеръ, о которомъ постоянно повторяетъ мать несчастной дѣвушки, «зачѣмъ только я дожидала до него».

Послѣ провѣрки солдаты возвращаются въ избу и прямо приступаютъ къ дѣвушкамъ, приказывая ей идти вмѣстѣ съ ними къ господамъ офицерамъ.

Дѣвушка въ крикъ.

Бросается на землю, цѣпляется за ноги матери.

Рослые, точно дубы, солдаты начинаютъ дергать дѣвушку, тащить ее за собой.

Отецъ бросается на помощь дочери. Его бьютъ кулаками въ грудь. Тогда мужикъ схватывается въ углу топоръ и бросается на разбойниковъ. Послѣдніе выпускаютъ изъ лапъ дѣвушку и прячутся въ сосѣдней комнатѣ.

Почувствовавъ себя свободной, дѣвушка вскакиваетъ съ земли и, точно вихрь, вылетаетъ изъ хаты.

Она бѣжитъ, мчится наобумъ, въ темнотѣ. Добѣжавъ до воды, дѣвушка бросается въ нее, перебѣгаетъ рѣку въ бродъ по шею въ водѣ и исчезаетъ во мракѣ на другомъ берегу.

Черезъ два часа, снова перебѣжавъ въ бродъ рѣку, она появляется передъ родительской хатой. Появляется вся мокрая, съ ногъ до головы окостенѣвшая, съ безумнымъ взглядомъ, безмолвная, никого не узнающая, больше похожая на привидѣніе, чѣмъ на человѣка, на тѣнь той, которая два часа тому назадъ была восторгомъ всей деревеньки, гордостью и зѣницей ока до самозабвенія любящихъ ее родителей.

Тотчасъ уложили это безумное привидѣніе въ постель. Начали ободрять, утѣшать, согрѣвать. Но привидѣніе оставалось все такимъ же, какимъ оно было въ первую минуту своего появленія.

На другой день—то же самое.

Въ слѣдующіе дни—то же самое.

И все время съ окаменѣвшихъ устъ не слышится ни одного звука, не за-

мѣтно ни одного проблеска мысли, ни одного движенія души.

Пригласили ксендза для спасенія несчастной и утѣшенія ее словомъ Божиимъ, святымъ крестомъ.

Привели доктора. Испробовали всевозможныя средства. Ничего не помогло.

Видно, темныя, страшныя безумныя силы навсегда взяли подъ свою демоническую власть душу несчастнаго человѣческаго существа...

Правда, она живетъ, и кто знаетъ, можетъ-быть, на горе себѣ и родителямъ, вызывая жалость окружающихъ, а иногда и насмѣшки чужихъ, будетъ жить такъ долгіе годы.

Страшное несчастье!

Живой трупъ въ домѣ и только. Прежняя, такъ еще всѣмъ близкая, прекрасная, добрая, любимая всѣми, любящая свѣтъ и людей Ягуса, превратилась въ страшный призракъ.

Что же!

Будетъ одной, хотя и безкровной, но живой жертвой больше на всеожитающемъ алтарѣ, воздвигнутой изъ развалинъ руками цѣлаго народа святыни. Этой жертвой стала ты, польская дѣвушка!

Изъ-подъ Блони, выбивъ нѣмцевъ съ позицій, наша армія двинулась по ихъ слѣдамъ по направленію къ Ракитно.

Здѣсь, сильно укрѣпившись въ мѣстечкѣ, нѣмцы окружили окопами свои позиціи на кладбищѣ и, поставивъ на башнѣхъ башнѣхъ костела митральезы, приготовились къ ожесточенной защитѣ.

Ночью казаки обошли крыломъ врага и, не довольствуясь этимъ, рѣшили окружить его съ тылу, чтобы отрѣзать ему путь къ отступленію.

Сначала противникъ не замѣтилъ этого движенія и съ ожесточеніемъ направлялъ огонь на русскую пѣхоту.

Въ подземельяхъ костела спрятались нѣкоторые жители Ракитно вмѣстѣ со своимъ ксендзомъ, жилище котораго нѣмцы сожгли и почти совершенно уничтожили.

Благодаря такому расположенію прусскихъ войскъ, костель избѣжалъ бомбардировки, но зато кладбище, разрушенное пушечными выстрѣлами, заблѣло отъ человѣческихъ костей, вырванныхъ

Отступление германцев из-под Варшавы. Германский войска переходить под огнем русской артиллерии через Вислу.

изъ могилъ тѣхъ, кто много лѣтъ спалъ здѣсь вѣчнымъ сномъ.

Тщетно, однако, старалась кавалерія прусская, состоящая изъ уланъ, гусаръ и драгунъ, противостоять неумолимой атакѣ русскихъ войскъ. Тщетно, пересиливая свое отвращеніе къ штыковой атакѣ, прусская пѣхота нѣсколько разъ пыталась перейти къ ней, организуя мучія контръ-атаки.

Центральный огонь нашей артиллеріи, храбрость пѣхоты и безумная, прямо сказочная, отвага казаковъ и драгунъ разсѣивали прусскіе муравейники, заливали окопы и разбивали цѣлыя полки конницы.

Вдругъ со стороны Гродзиска на всѣхъ лошади примчался къ нападающимъ задыхающійся курьеръ. Нѣсколько поистинѣ магическихъ словъ и лавина тѣхъ, которые заявляютъ, что не боятся никого, кромѣ Бога, тревожно зашевелилась, заколебалась и, наконецъ, подалась назадъ...

Длинной чередой потянулись обратно тевтонскія полчища; выдвинутый съ передовыхъ позицій аррьергардъ до самой ночи маскировалъ отступленіе побѣжденныхъ легіоновъ; пруссаки поняли, что они обойдены и что они должны на прячъ всѣ силы, чтобы не быть окончательно разбитыми. Утромъ въ Ракитно вступили наши солдаты.

* * *

Въ Гурѣ Кальваріи я былъ еще передъ войной. Это было въ іюлѣ. Мы восхищались прекрасныи окрестностями съ видѣющимся на возвышеніи старымъ костеломъ, окрестностями, достойными кисти художника. Эготъ видъ можно было бы изобразить на картинѣ, которая была бы не хуже многихъ мотивовъ съ береговъ Рейна, которыми такъ восторгаются нѣмецкіе художники.

Теперь эта картина измѣнила свой прежній характеръ.

Вдоль всей горы бѣлѣтъ или золотится въ лучахъ солнца кольцо концен-трическихъ или мѣстами змѣеобразно идущихъ окоповъ, а надъ городомъ точно пронеслась гроза, ибо...

Но прислушаемся къ голосу фактовъ, случившихся въ первой половинѣ, и

даже въ теченіе двухъ третей октября 1914 года въ самомъ городѣ.

Послѣ вступленія своего въ городъ нѣмцы хозяйничали въ Кальваріи больше недѣли. Они приказали мѣстнымъ пекарямъ испечь для нихъ неимоверное количество хлѣба, отобрали у жителей всѣхъ куръ, гусей, индюковъ, утокъ и голубей, скотъ, лошадей, коровъ, воловъ, крупу, муку и овощи и запасы зерна изъ всѣхъ окрестностей; въ складахъ Краснаго Креста они растащили бѣлье, теплыя сорочки, медикаменты, словомъ, забрали все, что только имѣло какую-нибудь цѣнность.

— Мужчинъ угоняли на земляныя работы, — со слезами на глазахъ рассказывали намъ жители, — за которыя платили издѣвательствами, а за непослушаніе грозили пулей въ лобъ. Какъ мы пережили эту зиму, Богъ знаетъ!

Кальварійскіе купцы нѣмецкаго происхожденія торговали, пока въ городѣ господствовали нѣмецкія войска. Когда же эти послѣдніе отступили, они заперли лавки на замки и выѣхали въ Варшаву.

Подъ Гурой Кальваріей пруссаки устроили себѣ необыкновенно выгодную позицію. Они укрѣпили берегъ Вислы, лѣса и горы, однимъ словомъ, устроили великолѣпную цѣпь фортовъ съ колючей проволокой, засѣками и т. д.

Нѣмецкій солдатъ трудолюбивъ, предпримчивъ и расчетливъ.

Жизнь свою онъ цѣнитъ, не изъ трусости, а созная, что трудное предпріятіе требуетъ большихъ силъ, а потому гибель его не принесетъ пользы ни ему, ни всему дѣлу.

Благодаря этому война для нѣмца нисколько не является рыцарскимъ турниромъ, а наоборотъ, представляется труднымъ, рискованнымъ предпріятіемъ, которое именно благодаря своему большому риску должно принести и большую прибыль. Итакъ, дѣло идетъ о наибольшей прибыли и наименьшей дозѣ этого страшнаго риска, т. е. о томъ, чтобы наилучшимъ образомъ заставить на дорогу при наименьшихъ затратахъ (отсюда терпимость нѣмцевъ къ грабежамъ, практикующимся въ настоящую войну), о наилучшихъ окопахъ (ситуація, обду-

манная заранѣе на долгое время), о насилахъ, чинимыхъ надъ мирнымъ населеніемъ, и о контрибуціяхъ, налагаемыхъ на города за несовершенныя вины, все это военные доходы, которыми нѣмцы пользуются, гдѣ только можно.

Итакъ, засѣвъ въ сооруженныхъ ими самими окопахъ, нѣмцы старались не тратить времени даромъ. Они опустошили окрестности.

Между тѣмъ 14 октября 1914 года русскія войска перешли по построенному ими понтонному мосту на лѣвый берегъ Вислы и укрѣпились на немъ съ помощью окоповъ. И вотъ съ утра началась битва.

Насъ послали застрѣльщиками.

Очутившись въ холмистой мѣстности, я пользовался каждымъ изгибомъ почвы, чтобы спрятаться отъ непріятельскихъ пуль, а самому какъ можно чувствительнѣе донимать его, тѣмъ болѣе, что моя позиція была напротивъ батареи тяжелыхъ орудій, защищаемыхъ только кучкой пѣхоты, сидѣвшей въ окопахъ въ необыкновенно неудобной для стрѣляющаго позѣ.

И дѣйствительно, при такихъ условіяхъ пули врага приносили намъ очень мало вреда, а поляки, находившіеся въ моей ротѣ, были такъ ревностны, что первые добѣжали до прусскаго окопа, а черезъ полчаса батарея была въ нашихъ рукахъ.

Но эта поспѣшность оказалась намъ не въ пользу. Градъ пуль съ сосѣднихъ, занятыхъ нѣмцами окоповъ, обрушился на нашу позицію. Прежде чѣмъ мы успѣли спрятаться въ выкопанныхъ нами самими рвахъ, мы потеряли почти полроты.

Но орудія были отбиты! Коренной зубъ нѣмцевъ вырванъ!

Это происшествіе сдѣлало насъ сразу центромъ вниманія всей битвы. Наши полководцы замѣтили, что намъ удалось свершить, и двинулись намъ на помощь. Нѣмцы съ ожесточеніемъ устремились на насъ съ штыками въ рукахъ.

Битва закипѣла на склонѣ горы. Съ величайшей поспѣшностью доставленные на нашу позицію четыре пулемета начали осыпать толпу людей, боевая суматоха закипѣла съ новой силой.

Кавказскіе полки обнаружили небывалую храбрость, окопъ за окопомъ переходилъ въ наши руки...

Наконецъ ночь прервала жестокою борьбу.

Еще тутъ и тамъ грянуль выстрѣлъ, тутъ и тамъ страшный крикъ убиваемаго разорвалъ воздухъ, поднялся минутный шумъ,—и наконецъ все умолкло.

Утро слѣдующаго дня встрѣтило насъ готовыми къ новому сраженію, но оказалось, что непріятель подъ защитой ночи покинулъ городъ.

* * *

Раненый въ бедро осколкомъ шрапнели я остался въ окопѣ, незамѣченный нашими. Санитары хотѣли уложить меня на носилки, но я поблагодарилъ ихъ, говоря, что сумѣю устроиться самъ. Дѣйствительно, благодаря биноклю, который какимъ-то образомъ спустился внизъ по ремню и оказался раздробленнымъ попавшимъ въ меня осколкомъ шрапнели, рана моя оказалась настолько легкой, что послѣ перевязки я могъ смѣло позаботиться самъ о себѣ.

Я двинулся по направленію къ Пясецно. По дорогѣ мнѣ постоянно попадались цѣлыя массы окоповъ. По нимъ можно было прочесть всю исторію нашествія нѣмцевъ. Окопы вдоль, окопы поперекъ... Тамъ для стрѣлковъ въ лежачемъ положеніи, выше—для стоящихъ на колѣняхъ, еще выше—для стоящихъ. Настоящій амфитеатръ.

Еще далѣе на окопахъ съ одной и съ другой стороны насыпи.

Я вошелъ въ лѣсъ. Снова окопы, шапки, ранцы, оружіе, масса неиспользованныхъ зарядовъ и гильзъ, русскихъ и нѣмецкихъ, вѣтки, оторванные шрапнелями и гранатами, изуродованные деревья...

А тамъ бѣлѣетъ свѣжая могила.

На ней бѣлый березовый крестъ... На холмикѣ ранецъ, сумка и фуражка.

Изъ ранца выглядываетъ клочокъ бумаги...

Письмо.

Я взялъ его въ руки.

Одна страничка почтовой бумаги написана женскимъ почеркомъ. Милое, нѣжное письмецо. Писала его... пови-

димому, совсѣмъ еще молоденькая дѣвушка своему возлюбленному.

«Дорогой Янекъ!

Мнѣ стало такъ грустно послѣ твоего отъѣзда. Не могу найти себѣ мѣста. Я жалѣю, что не согласилась ускорить нашу свадьбу. Но я не хотѣла тебя связывать.

Можетъ-быть, думала я, мы не скоро увидимся? Можетъ-быть, ты встрѣтишь другую женщину, которая тебѣ понравится? Но теперь я желѣю объ этомъ. Духовными очами вижу я моего героя, какъ онъ борется противъ врага всего міра, молюсь за тебя и думаю, что Господь Богъ не захочетъ разбить наше счастье. Надѣюсь, что ты вернешься здоровымъ и невредимымъ, вѣдь нѣтъ причины, почему бы тебѣ дѣйствительно не вернуться.

Будь здоровъ и возвращайся какъ можно скорѣе, дорогой мой, чтобы утѣшить тоскующую по тебѣ и навѣки принадлежащую тебѣ Зохау.

Я сложилъ письмо и закопалъ его въ той же могилѣ съ березовымъ крестомъ.

Пусть тепломъ своихъ словъ оно согрѣваетъ холодное тѣло Янка!

О, и за это письмо кайзеръ Вильгельмъ отдастъ отчетъ въ будущемъ, и за тѣ слезы, которыя при вѣсти о смерти возлюбленнаго будетъ проливать неутѣшная Зоха.

Пройдя могилу Янка, я вышелъ на широкую поляну. Мѣстность удивительно красивая! На полянѣ свѣжо зелѣнѣютъ озими, дальше—смѣшанный лѣсъ съ золотистыми листьями березъ и дубовъ на фонѣ бѣлой коры и темной зелени елокъ и сосенъ, направо — холмъ, а на холмѣ остатки разрушеннаго снарядами окопа.

За холмомъ виднѣется лѣсная дорога съ глубокими колеями отъ пушекъ. Съ боку дороги среди травы блеснуло что-то сѣрое.

Я подошелъ, чтобы посмотрѣть, что это такое?

Трупъ нѣмецкаго солдата лежалъ въ небрежной позѣ. Вѣки глазъ крѣпко закрыты, на искривленныхъ губахъ застыла судорога внутренней боли. Не видно никакой раны. Нигдѣ ни капли крови. Лице здоровое, загорѣлое, совер-

шенно не производитъ впечатлѣнія, что это трупъ, и кажется, что человѣкъ этотъ спитъ и сейчасъ встанетъ и пойдетъ своей дорогой.

Заинтересовавшись, куда могъ быть раненъ этотъ несчастный, наружность котораго показывала, что онъ принадлежалъ къ высшему обществу, я разстегнулъ крючки его куртки.

Изъ бокового кармана торчалъ золотой корешокъ какой-то книжки. Я взялъ его въ руки и потянулъ къ себѣ. Изъ книжки высыпалась пачка писемъ и открытокъ.

Заглавіе книги гласило, что это молитвенникъ и сборникъ духовныхъ пѣсенъ для солдатъ-евангеликовъ.

Одна изъ открытокъ была написана женской рукой. Были и другія, но эта обратила на себя мое вниманіе, потому что на ней была французская марка и фотографія Реймскаго собора. Открытка была помѣчена 6 октября 1914 г., адресъ гласилъ:

Унтеръ-офицеру Эрнесту Шульцу.

Остальные письма и открытки имѣли тотъ же адресъ. Повидимому, передо мной лежалъ трупъ самого Эрнеста Шульца.

Содержаніе открытки было слѣдующее:

«Мой дорогой герой!

Когда же окончится эта отвратительная война? Мы здѣсь ежедневно читаемъ о вашихъ побѣдахъ и я горжусь, что ты, дорогой мой, находишься въ числѣ побѣдителей.

Розы въ нашемъ саду все еще цвѣтутъ и нашъ кустъ—помнишь?—весь усыпанъ этими дивными цвѣтами. Каждый день я выхожу утромъ въ садъ и пѣлую цвѣты «на нашемъ» кустѣ. Потомъ я дѣлаю большой букетъ и отношу его домой, чтобы этими цвѣтами окружить твой портретъ, дорогой мой Эрнестъ! Но помнишь ли ты обо мнѣ?

Кончайте же поскорѣе войну, я выѣду встрѣчать васъ. Ахъ, какой это будетъ триумфъ! Цѣлую тебя сотни разъ

Твоя Эли.

Бѣдная Эли! Ее ожидаетъ триумфъ смерти вмѣсто возвращенія Эрнеста.

И это письмо тяжелымъ камнемъ ляжетъ на твоей совѣсти, кайзеръ Виль-

гельмъ! Счастье этой солнечной пары разбито при помощи фабрики Крушна, которую такъ поддерживали Гогенцоллерны!

* * *

Съ тяжелой душой добрался я до Пясечно. Здѣсь я встрѣтилъ санитаръ изъ летучаго отряда и съ его помощью отыскалъ повозку, которая довезла меня до Варшавы.

* * *

Прошло нѣсколько дней послѣ безпорядочнаго отступленія побѣжденной нѣмецкой арміи. Неожиданно на дорогахъ начались разбойничьи нападенія.

То тутъ, то тамъ задерживались подозрѣнные въ разбояхъ бандиты. Несмотря на передѣваніе, въ нихъ тотчасъ узнавали нѣмецкихъ мародеровъ, оставшихъ отъ своихъ частей.

Противъ нихъ была организована экспедиція, цѣлю которой было задержать всѣхъ этихъ разбойниковъ.

* * *

Лѣсная поляна.

Небольшой казачій разъѣздъ осторожно шелъ по краю лѣса.

Изъ глубины доносился стукъ нѣсколькихъ топоровъ, ударявшихся о стволы вѣковыхъ деревьевъ.

Десятникъ разъѣзда сдѣлалъ знакъ, и въ ту же самую минуту отрядъ рассыпался по сторонамъ, образуя цѣпь, черезъ которую не могъ бы прорваться даже заяцъ, не то что человѣкъ. Казаки замерли въ молчаніи, а звукъ топоровъ съ каждой минутой раздавался все ближе.

Наконецъ между деревьями замелькали фигуры нѣсколькихъ мужчинъ, одѣтыхъ въ сѣрые шинели съ цвѣтными круглыми шапками на головахъ.

Занятые тяжелой работой, эти люди не замѣтили приближавшагося къ нимъ разъѣзда.

Вдругъ раздался свистъ, и лавина казаковъ обрушилась на занятыхъ своей работой людей.

— Казаки! Казаки!—закричали пруссаки.

— Урра!—громовыми голосами отвѣтили нападающіе и, точно буря, обрушились на нѣмцевъ.

Лѣсъ заволновался. Черезъ мгновеніе связанные нѣмцы шли, окруженные казаками, весело разговаривавшими между собой.

— Мы прусскіе солдаты,—объяснили нѣмцы своимъ побѣдителямъ.

— Вы не солдаты, а бандиты,—заявили казачіедесятники.

Плѣнники мрачно опустили головы...

* * *

Свершилось! Оттѣсненные отъ Варшавы, нѣмцы свернули фронтъ и цѣлыми колоннами начали отступать на юго-западъ.

Наша армія ожесточенно тѣснила ихъ, а когда пѣхота наступала на нихъ съ тылу, кавалерія такъ далеко обходила ихъ, что сильные казачіе отряды совершенно соприкасались съ прусскими авангардами. Опасаясь быть окруженнымъ, штабъ XVII корпуса, ускоряя отступление, бросилъ раненыхъ, часть обоза и амуниціи и, заслоняясь австрійскими отрядами, полуразбитый добрался, наконецъ, до Новорадомска.

Вполнѣ очевидно, что стремленіе нѣмецкихъ войскъ на польскомъ фронтѣ заключалось теперь въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе и по возможности цѣлыми очутиться на нѣмецкой землѣ и снова попробовать, широко пользуясь сѣтью желѣзныхъ дорогъ, быстро сконцентрировать въ какомъ-нибудь мѣстѣ большую армію и съ новыми силами ударить на русское войско.

По направленію къ Влощеву отступалъ сильно пострадавшій XX нѣмецкій корпусъ, на западъ отъ него—ландверный корпусъ, на востокъ—резервный гвардейскій. По направленію же къ Новорадомску отступалъ еще и XI нѣмецкій корпусъ.

5-го ноября на всемъ фронтѣ Торь—Краковъ австрійско-нѣмецкая армія отступила подъ напоромъ нашихъ войскъ.

Нервы.

Эпизодъ изъ морской войны.

□ □ □

1.

Томительное бездѣйствіе.

СЪВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ штормъ, вмѣстѣ съ приливомъ, гналъ морскую воду въ устьѣ рѣки Эмсъ¹⁾. Къ сѣверу, надъ моремъ клочья темныхъ дождевыхъ тучъ неслись по такому же темному небу, а къ востоку горизонтъ застилала пелена бурога дыма, который поднимался изъ трубъ городка Эмдена, скрытаго за линіей пустынныхъ дюнь. Мачты станцій беспроволочнаго телеграфа черными силуэтами выдѣлялись на этомъ буромъ фонѣ.

На рѣкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она образуетъ излучину, стоялъ большой четырехтрубный крейсеръ, похожій въ эту погоду на туманный призракъ корабля, до такой степени сѣрая окраска его надводныхъ частей сливалась съ сѣрымъ небомъ и водой.

На капитанскомъ мостикѣ вахтенный лейтенантъ въ клеенчатой одеждѣ безостановочно шагалъ взадъ и впередъ, зорко всматриваясь въ сѣрую линію горизонта впереди. Его загорѣлое, обвѣтренное лицо казалось блѣднымъ и измученнымъ, щеки ввалились, въ прищуренныхъ глазахъ затаилась тревога. Онъ шагалъ взадъ и впередъ, ни на минуту не отрывая взора отъ горизонта.

Инженеръ-механикъ въ синей формѣ, съ золотыми нашивками на обшлагахъ, поднялся на мостикъ и подошелъ къ лейтенанту. Они поздоровались дружескимъ кивкомъ головы помимо официального пріѣтствія руки, приложенной къ козырьку.

¹⁾ Рѣка Эмсъ впадаетъ въ Сѣверное море въ сѣверо-западномъ углу Германіи, гдѣ Германія граничитъ съ Голландіей. Островъ Боркумъ дѣлитъ устье Эмсы на два широкихъ рукава.

— Что новаго, Билефельдъ? — спросилъ инженеръ. Это былъ мужчина плотнаго сложенія, съ глазами на выкатѣ, ястребинымъ носомъ, выступавшимъ на подобіе птичьяго клюва, и щетинистыми съ просѣдью усами, которые онъ безпрестанно крутилъ двумя пальцами.

— Мы снимемся съ якоря, какъ только капитанъ вернется, — усталымъ голосомъ отвѣтилъ лейтенантъ.

— Вотъ какъ?.. — отозвался инженеръ послѣ небольшой паузы. — Ну да, можетъ-быть, оно и лучше... Стоять здѣсь тоже не весело. Я не могу спать... не могу читать... ничего не могу дѣлать. Даже Ницше, и того не въ состояніи читать...

— Спать? — повторилъ лейтенантъ. — Я ужъ нѣсколько недѣль не сплю. Днемъ и ночью, лежу ли я на койкѣ или стою на вахтѣ, вѣчно мнѣ мерещатся проклятые истребители, подкрадывающіеся подъ покровомъ тумана. Въ концѣ концовъ, я уже самъ не знаю, мерещатся ли они мнѣ или я ихъ вижу на самомъ дѣлѣ... Но еще хуже то...

Онъ рѣзко оборвалъ и умолкъ.

— А что говоритъ станція Боркумъ? — опять спросилъ инженеръ послѣ краткаго молчанія.

— Что непріятельскія суда ушли въ открытое море. Не могли остаться на своемъ сторожевомъ посту въ эту погоду. — Стало-быть теперь путь свободенъ? Есть шансъ проскользнуть?

— Да... Можетъ быть.

— Вы боитесь? Чего?

— Всего... въ этой мышеловкѣ! Ужъ хоть бы скорѣе въ путь!

Матросъ подошелъ и отрапортовалъ:

— Командиръ ѣдетъ, ваше благополучіе. Сейчасъ будетъ тутъ.

Инженеръ исчезъ. Лейтенантъ Билефельдъ подошелъ къ периламъ мостика

Снаряд пробил въ бровѣ башни огромную дыру, и подводная лодка пошла ко дну.

и посмотрѣлъ внизъ. По сѣрымъ волнамъ рѣки въ тучѣ брызгъ и пѣны къ крейсеру быстро приближалась моторная лодка.

Пронзительно прозвучалъ свистокъ боцмана, и, минутою спустя, капитанъ возшелъ на мостикъ, отряхиваясь, какъ мокрый пудель, и вытирая носовымъ платкомъ свою рыжеватую бородку.

Глаза у него были холодные и жесткіе — глаза человѣка, который рѣшилъ идти на проломъ. Синеватые губы представляли одну прямую тонкую линію. Говорилъ онъ коротко и рѣзко.

— Распорядитесь поднять правый якорь. Скажите господину инженеру, что я желаю поговорить съ нимъ.

Съ этими словами онъ прошелъ въ рубку и наклонился тамъ надъ картой. Лейтенантъ свистнулъ въ свой свистокъ и отдалъ приказаніе. Минутою спустя закричѣлъ шпиль, вытягивая тяжелую якорную цѣпь.

Инженеръ стоялъ въ рубкѣ, докладывая что-то капитану. Они говорили тихо, и до слуха лейтенанта долетали только отдѣльные слова: «Уголь... уголь... оборотовъ... уголь». Капитанъ кивнулъ головой.

— Сдѣлайте все, что можно, — коротко сказалъ онъ.

— Мы попробуемъ проскользнуть? — спросилъ инженеръ. Онъ попрежнему непрерывно крутилъ свои шестинистые усы, а глаза на выкатѣ тревожно мигали, напоминая глаза испуганной птицы.

Капитанъ угрюмо усмѣхнулся.

— Мы попытаемся соединиться съ эскадрой, пока есть возможность это сдѣлать. Таковъ приказъ. Мы сію минуту снимаемъ съ якоря.

И, не прибавивъ больше ни слова, онъ снова вышелъ на мостикъ. Судовый трубачъ вытянулся во фронтъ, ожидая приказаній.

— Привести крейсеръ въ боевой порядокъ! — скомандовалъ капитанъ.

Звонкіе, сурово-веселые мѣдные звуки, подхваченные и повторенные на всемъ суднѣ, покрыли вой бури въ снастяхъ, и безлюдныя палубы сразу ожили. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ всюду мелькали фигуры людей, торопливо исче-

завшихъ въ блиндированныхъ башенкахъ, боевыхъ марсахъ и обсервационныхъ вышкахъ или выстраивавшихся надъ открытыми минными пушками.

II.

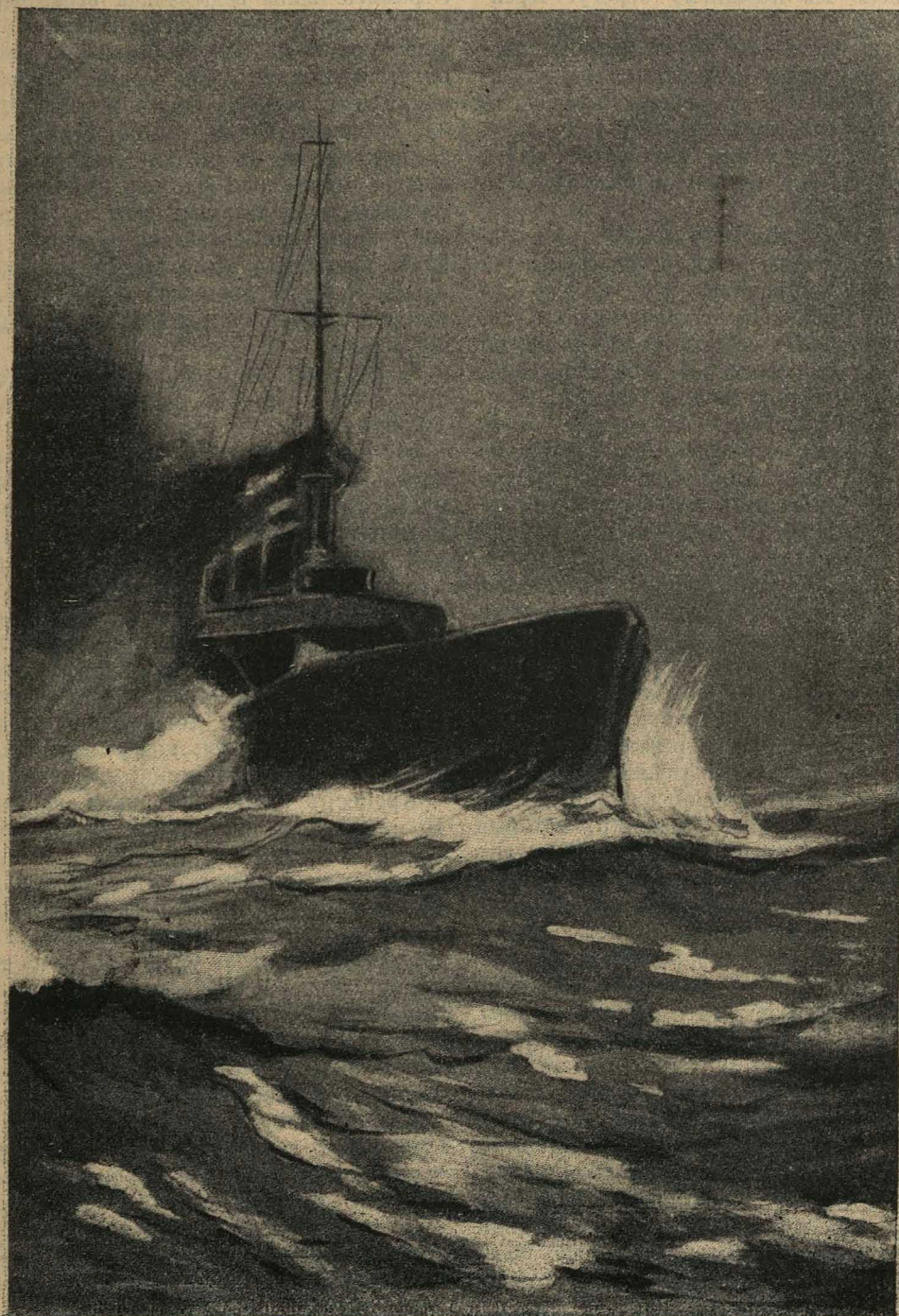
В ъ б о й.

На всемъ крейсерѣ стоялъ возбужденный гулъ голосовъ. Наконецъ-то кончилась мука четырехъ безконечныхъ томительныхъ дней! Наконецъ-то они могутъ двигаться, дѣлать что-нибудь, а не стоять въ бездѣйствіи и ждать, что каждую минуту къ нимъ незамѣтно подкрадется подъ поверхностью воды врагъ, неся смерть и уничтоженіе!

Забыты были и утомительныя вахты предыдущихъ недѣль плаванія по открытому морю — вѣчное напряженное всматриваніе въ горизонтъ, не видно ли сѣрой точки на поверхности моря днемъ или чернаго силуэта въ сумракѣ ночи. Забыты были и долгія, какъ вѣчность, жуткія минуты, которыя всѣ переживали при приближеніи къ каждому невѣдомому судну, и парализующее чувство неуверенности, которое охватывало всѣхъ каждый разъ, когда беспроволочный телеграфъ извѣщалъ: «Неизвѣстное судно на горизонтѣ». Забыты были и ночныя тревоги, и вѣчная игра въ прятки съ вражескими крейсерами, погони и увертки и послѣднее упорное преслѣдованіе, заставившее ихъ укрыться съ почти истощеннымъ запасомъ угля въ устьѣ рѣки Эмсъ за островъ Боркумъ.

Забыты... Но сильное нервное напряженіе послѣднихъ недѣль не прошло даромъ. Слѣды его ясно были написаны на поблѣднѣвшихъ, осунувшихся лицахъ и въ глазахъ, окаймленныхъ черными кругами. Самая живость движеній была уже не живостью людей, которые хладнокровно и съ увѣренностью въ своихъ силахъ хотятъ попытать счастья. Нѣтъ, это была судорожная торопливость изнервничавшихся людей, которые рады перевести свою нервную энергію въ физическій трудъ, чтобы забыться, не думать, бѣжать отъ бесплодной работы мозга.

Изъ четырехъ трубъ крейсера за клубился черный дымъ, который вѣтеръ сра-

Крейсеръ открылъ огонь по подводной лодкѣ.

зу слилъ въ одно общее черное облако и понесъ къ песчаному берегу. Крейсеръ быстро снялся съ якоря и поплылъ по морю. Съ лѣваго борта вскорѣ показались туманныя очертанія острова Боркумъ. Крейсеръ все время бесѣдовалъ съ нимъ по беспроволочному телеграфу. Боркумъ неизмѣнно отвѣчалъ: «Путь свободенъ. Ни одного непріятельскаго судна не видно!»

Но вдругъ тонъ его сообщеній измѣнился. «Два британскихъ крейсера пересекаютъ заминированную полосу западнаго рукава Эмса». Секунду спустя, станція Эмденъ сообщила, что выше по теченію, въ мѣстѣ развѣтвленія рѣки, появились три подводныя лодки.

Капитанъ хмуро усмѣхнулся. Путь назадъ былъ отрѣзанъ, но теперь не бѣда! По всей видимости имъ теперь удастся ускользнуть отъ своихъ бдительныхъ стражей. И подойдя къ рубору машиннаго отдѣленія, онъ отдалъ инженеру краткое приказаніе. Въ отвѣтъ на его приказаніе клубы черного дыма еще пуще повалили изъ трубъ. Крейсеръ шелъ со всей скоростью, какую могли развить его машины.

На мостикѣ лейтенантъ Билефельдъ попрежнему зорко и тревожно всматривался въ туманный горизонтъ, шепча проклятія, являвшіеся искаженнымъ выраженіемъ горячихъ молитвъ, которые возсылала къ небу его душа. Капитанъ и старшій офицеръ стояли тутъ же съ биноклями у глазъ, изрѣдка обмѣниваясь краткими замѣчаніями. Каждую минуту изъ помѣщенія беспроволочнаго телеграфа являлся вѣстовой съ послѣдними извѣстіями. Боркумъ сообщалъ: «Мины, очевидно, сорвались или не дѣйствуютъ. Открываю огонь по крейсерамъ».

И въ самомъ дѣлѣ, минуту спустя, сквозь вой шторма стали доноситься чуть слышныя гулы отдаленной канонады.

Капитанъ и старшій офицеръ переглянулись и усмѣхнулись. Все, повидимому, складывалось какъ нельзя болѣе благопріятно. Пока Боркумъ будетъ перестрѣливаться съ крейсерами, они успѣютъ уйти далеко.

Черезъ нѣсколько безконечно долгихъ минутъ они вышли въ открытое

море. Здѣсь штормъ дулъ со всей силой. Огромные валы вздымались выше бортовъ крейсера и зелеными каскадами обрушивались на его палубу. Крейсеръ ухитрялся соединять непрерывную боковую качку съ сильной килевой. Офицеры на мостикѣ одной рукой держались за перила, въ то время, какъ другая нервно прижимала бинокль къ глазамъ. За каждой скользящей надъ водой грядой тумана могла таиться опасность въ видѣ вражескаго судна. Въ штурманской рубкѣ вдругъ тревожно задребезжалъ телефонъ. Матросъ прибѣжалъ и отпартовалъ:

— Впереди подводная лодка. Идетъ прямо на насъ. На разстояніи тысячи метровъ.

Эту новость сообщила обсервационная вышка на фокъ-мачтѣ. Офицеры на мостикѣ такъ и впились биноклями въ сѣрую поверхность моря. Да... нѣтъ... да!.. Лейтенантъ Билефельдъ ясно увидѣлъ среди волнъ движущуюся полосу пѣны и сразу узналъ перископъ подводной лодки, которая шла прямо на нихъ.

— Надо стрѣлять! Скорѣе! Нельзя терять ни минуты!—Онъ нервно повернулся къ капитану. Но тотъ уже давалъ инструкціи офицеру, который командовалъ лѣвобортными минными пушками.

Крейсеръ слегка повернулъ направо. Полоса пѣны все приближалась. Лейтенантъ Билефельдъ до боли стиснулъ лѣвой рукой перила. Вотъ краткая команда «пли!» и рѣзкій звукъ выстрѣловъ, и въ то же самое мгновеніе изъ воды показалась круглая бронева рубка подводной лодки и ея блестящая вынуклая поверхность, похожая на спину кита. Однако, тутъ же пелена дыма и огня окутала ее. Одинъ изъ снарядовъ пробилъ въ ея бронѣ огромную дыру, и врагъ пошелъ ко дну, носомъ впередъ, судорожно взметнувъ при этомъ кверху свою кормовую часть. Врагъ ли только? Все это произошло менѣе чѣмъ въ одну секунду, но лейтенантъ ясно увидѣлъ на рубкѣ огромную бѣлую букву U. U... Unterseeboot! Они потопили одну изъ собственныхъ подводныхъ лодокъ!

Полный ужаса, не смѣя вѣрить свидѣтельству собственныхъ глазъ, Билефельдъ повернулся къ капитану, но

лицо послѣдняго яснѣ словъ сказало ему, что онъ не ошибся. Всѣ трое были блѣднѣ полотна и дрожали. Они потеряли власть надъ собой и знали это.

Никто изъ нихъ не проронилъ ни слова. Страшнымъ усиліемъ воли лейтенантъ снова поднесъ къ глазамъ бинокль и сталъ оглядывать горизонтъ.

Что это?.. На фонѣ сѣраго неба онъ увидѣлъ темную точку, которая то поднималась, то опускалась, словно чайка. Сомнѣнія не было—это гидропланъ, отважно вылетѣвшій на развѣдку даже въ такую погоду. Стало быть ихъ открыли?.. Боркумъ подтвердилъ это опасеніе. «Крейсеры поворачиваютъ назадъ въ открытое море. Трудно взять вѣрный прицѣлъ въ такую погоду».

И орудіяная прислуга также замѣтила гидропланъ. Прогрѣмѣлъ выстрѣлъ—безъ всякой команды. Капитанъ, совершенно потерявшій власть надъ своими нервами послѣ послѣдняго потрясенія, подбѣжалъ къ лѣвымъ периламъ мостика и хриплымъ возбужденнымъ голосомъ приказалъ артиллеристамъ продолжать.

— Стрѣляйте! стрѣляйте!—кричалъ онъ.—Сто марокъ тому, кто собьетъ его!

Его лицо судорожно подергивалось, голосъ пресѣкался. Казалось, онъ готовъ былъ отдать все на свѣтѣ, лишь бы выместить на гидропланъ свою предыдущую ужасную ошибку.

— Трахъ! Та-ра-рахъ!—гремѣли пушки. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Гидропланъ все кружился. Въ рубкѣ опять рѣзко зазвонилъ телефонъ.

— Лейтенантъ съ обсерваціонной вышки желаетъ знать, во что стрѣляютъ!—доложилъ вѣстовой.

Потокъ ругательствавъ готовъ былъ сорваться съ устъ капитана, но возгласъ старшаго офицера остановилъ его. Онъ стремительно поднесъ бинокль къ глазамъ. Внезапно всѣ точно прозрѣли и ясно увидѣли, что мнимый гидропланъ, кружившійся, словно чайка, былъ на самомъ дѣлѣ—только чайкой.

— Прекратить стрѣльбу... идиоты!—прохрипѣлъ капитанъ, кусая въ безсильной ярости свою рыжую бородку.—Скажите лейтенанту Фельдману, чтобы лучше смотрѣлъ!—свирѣпо повернулся онъ затѣмъ къ вѣстовому.

III.

Тревога.

Пробило восемь склянокъ. Вахта лейтенанта Билефельда кончилась. Его смѣнили, и онъ, шатаясь, сошелъ съ мостика. Подъ защитой дымовой трубы, гдѣ было тепло, онъ постоялъ съ минуту, пытаясь закончить зѣвокъ, который только растягивалъ ему челюсти, не наполняя легкихъ. Глаза горѣли сухимъ жаромъ. Потирая ихъ, онъ спустился въ каютъ-компанію, сбросивъ передъ дверью свою мокрую клеенчатую куртку. Матросу, явившемуся на звонокъ, онъ приказалъ принести стаканъ водки. Потомъ бросился на диванъ и закрылъ глаза. Но сонъ бѣжалъ отъ него. Безсвязныя мысли—или скорѣе видѣнія—безостановочно проносились въ его мозгу. Особенно одно не покидало его: черный силуэтъ гидроплана, который вовсе не былъ гидропланомъ. А въ глубинѣ сознанія, за какой-то дверкой, притаился ужасъ передъ страшною совершенной ошибкой—потопленіемъ собственной подводной лодки. Онъ всѣми силами старался не думать, не вспоминать объ этомъ—но то и дѣло ловилъ себя на томъ, что его мысли снова стоятъ передъ этой дверкой. Тщетно призывалъ онъ забытье, которое не приходило. Даже крѣпкая водка не принесла забвенія. Въмѣсто того, чтобы одурманить сознаніе, она лишь подстрекала утомленный мозгъ къ еще болѣе лихорадочной дѣятельности.

Онъ вскочилъ, наконецъ, и съ проклятіемъ вышелъ на палубу. Какъ больной, который страдаетъ безсонницей и часъ за часомъ лежитъ, не смыкая глазъ, одинъ со своими мыслями, онъ жаждалъ видѣть дружеское лицо, слышать дружескій голосъ. Къ кому пойти? Пробѣжавъ мысленно списокъ своихъ товарищей, онъ остановилъ свой выборъ на Волленмедѣ и спустился въ машинное отдѣленіе.

Жаркая, тяжелая атмосфера, насыщенная парами и запахомъ нефти, окружила его, какъ только онъ спустился по крутой желѣзной лѣсенкѣ. Испарина выступила на его лбу, пока онъ шелъ по узкому полутемному коридору, гдѣ запасныя

копильныя трубы были нагромождены до самаго потолка, словно бочки въ въ винномъ погребѣ. Наконецъ онъ вошелъ въ обширное помѣщеніе, ярко освѣщенное электрическими лампочками. Въ дальнемъ концѣ его, на возвышеніи, среди цѣлой батареи телеграфовъ, телефоновъ, разговорныхъ трубокъ и всевозможныхъ приспособленій, о назначеніи которыхъ лейтенантъ имѣлъ лишь самое смутное понятіе, стоялъ инженеръ съ однимъ изъ своихъ помощниковъ.

Черезъ люкъ въ другомъ концѣ помѣщенія двое людей тащили третьяго, лишившагося чувствъ. Инженеръ, который попрежнему безостановочно крутилъ свои усы, нахмурился, когда мимо него пронесли безжизненное тѣло кочегара.

— Какъ дѣла, Волленмецъ? — спросилъ лейтенантъ.

Тотъ рѣзко повернулся и злобно отвѣтилъ:

— Двѣсти пятьдесятъ оборотовъ и ни одного больше не въ состояннн мы выжать изъ этого проклятаго угля. Вотъ, полюбуйтесь—десятаго кочегара выносятъ за послѣдніа четверть часа. Мы дѣлаемъ все, что можемъ! Мы не въ силахъ ничего сдѣлать больше. Такъ и скажите капитану, а насъ оставьте въ покоѣ.

Глухое раздраженіе, накопившееся въ душѣ лейтенанта, прорвалось наружу при этой гнѣвной вспышкѣ.

— Не мы поставили этотъ уголь, — запальчиво началъ онъ, но инженеръ не далъ ему продолжать. Съ градомъ проклятій онъ приказалъ ему немедленно оставить машинное отдѣленіе. Безумная ненависть горѣла въ его выпуклыхъ ястребиныхъ глазахъ.

Съ рѣзкимъ отвѣтомъ лейтенантъ повернулся и вышелъ. Когда холодный вѣтеръ охватилъ его, онъ сдѣлалъ, было, движеніе, словно желая снова спуститься внизъ, но передумалъ и направился къ носовой башнѣ, гдѣ находился, какъ онъ зналъ, его другъ, артиллерійскій лейтенантъ Ареншмидтъ.

Башня представляла собой внутри небольшую прямоугольную коробку, въ которую были всунуты части двухъ

8-сантиметровыхъ орудій. На полу, прислонившись къ стѣнкамъ, размѣстилась орудійная прислуга. Нѣсколько электрическихъ лампочекъ съ предохранительными сѣтками ярко освѣщали помѣщеніе.

При входѣ пріятеля, Ареншмидтъ поднялся и съ улыбкой протянулъ ему руку. Это былъ веселый молодой человекъ, мужественная красота котораго—хотя и испорченная немного шрамомъ, полученнымъ на дуэли въ студенческіе годы — плѣнила не мало женскихъ сердецъ.

— Алло, Билефельдъ! Добро пожаловать, дружище. А мы-таки улизнули изъ-подъ носа нашихъ аргусовъ, а?

Онъ говорилъ съ своей обычной шумной веселостью, но Билефельдъ замѣтилъ, что губы Ареншмидта дрожатъ и что въ его глазахъ затаилась мучительная тревога.

Раньше, чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь отвѣтить, рѣзко задребезжалъ звонокъ. Носовая обсервационная вышка указала направление выстрѣла и высоту и дальность прицѣла. Чтобы не мѣшать, Билефельдъ прислонился къ стѣнѣ. Крейсера тяжело кренились то на одинъ бокъ, то на другой, и лейтенанту казалось, что полъ ходуномъ ходитъ подъ его ногами. Онъ закрылъ глаза. Глухо прогремѣлъ выстрѣлъ и вся башенка задрожала. Это разрядили правую пушку. Камору очистили отъ дыма и снова зарядили. По трубкѣ для подачи снарядовъ снизу подали новый снарядъ. Опять задребезжалъ звонокъ. Теперь канониры завозились у лѣвой пушки. Снова раскатъ выстрѣла.

Что случилось? Въ кого стрѣляютъ? Съ внезапно проснувшейся энергіей Билефельдъ выскочилъ изъ башни, тщательно притворивъ за собой стальную дверку, и бѣгомъ направился къ капитанскому мостику.

Онъ уже взбѣгалъ по ступенькамъ, когда въ воздухѣ вдругъ что-то просвистѣло и почти въ тотъ же мигъ на носу, передъ трубой взвился снова пламени и раздался оглушительный грохотъ взрыва.

Силой взрыва Билефельда сбросило на палубу. Оглушенный, но невредимый, онъ поднялся на ноги. Гдѣ же врагъ? Въ кого стрѣляютъ? Оба орудія носовой

башни снова выстрѣлили, почти одновременно. Прослѣдивъ направленіе ихъ выстрѣла, Билефельдъ сталъ напряженно всматриваться въ ту сторону и ему показалось, что онъ видитъ справа на горизонтѣ полосу бурого дыма и черное пятно, на которомъ вдругъ вспыхнулъ огонекъ. Минуту спустя до его слуха опять донесся свистъ приближающихся снарядовъ. Инстинктивно онъ бросился плашмя на палубу, за одной изъ башенъ правобортовой батареи. Съ крейсера опять выстрѣлили, но грохотъ выстрѣловъ тутъ же потонулъ въ адекомъ грохотѣ взрыва. Билефельду казалось, что его барабанная перепонка лопнетъ.

Затѣмъ наступила тишина — тишина такая глубокая, что Билефельдъ невольно спросилъ себя, не оглохъ ли онъ. Онъ поднялся на ноги. Башню, за которой онъ лежалъ, разворотило взрывомъ и пушка торчала оттуда подъ какимъ-то страннымъ угломъ. Долго смотрѣлъ онъ на нее, не шевелясь, словно не понимая, что произошло. Но вотъ изъ башни раздалась воля и стоны. Онъ слушалъ ихъ съ какимъ-то чувствомъ облегченія. Слишкомъ ужъ жуткой была предыдущая мертвая тишина!

Наконецъ, придя въ себя, онъ оглядѣлся. Вторая башня правобортной батареи тоже была разрушена. Капитанскій мостикъ представлялъ собою безформенную грудку исковерканнаго желѣза. Обѣ переднія трубы исчезли и дымъ изъ дымового отверстія валилъ прямо на палубу, застывая все своей черной пеленой, въ которой кое-гдѣ сверкали язычки пламени. Но шли ли они изъ топки, или начался пожаръ — этого Билефельдъ не зналъ.

Машинально, почти не сознавая, что онъ дѣлаетъ, онъ побѣжалъ къ командирской броневой башнѣ, гонимый смутнымъ чувствомъ, что надо сообщить капитану о томъ, что онъ видѣлъ. Пока онъ бѣжалъ, онъ опять услышалъ свистъ снарядовъ, и снова бросился плашмя на палубу. Но на этотъ разъ непріятель попалъ не такъ удачно. Одинъ снарядъ разорвался гдѣ-то на бакѣ, а остальные только подняли вокругъ крейсера фонтаны воды. Мгновеніе спустя Биле-

фельдъ стучался въ дверь командирской башни.

Дверь отперли и его выпустили. Круглая рубка была полна дыма. Сквозь этотъ дымъ Билефельдъ замѣтилъ на полу нѣсколько распростертыхъ тѣлъ. Онъ споткнулся объ одно изъ нихъ. Платокъ, прикрывавшій лицо мертвеца, упалъ при этомъ, и Билефельдъ узналъ старшаго офицера. У одного телефона артиллерійскій офицеръ говорилъ съ обсервационной вышкой, а затѣмъ быстро отдалъ нѣсколько приказаній электромеханикамъ, которые вращали ручки прицѣльных индикаторовъ. У другого телефона кто-то тщетно добивался отвѣта изъ помѣщенія беспроволочнаго телеграфа. Вахтенный лейтенантъ у штурвала привѣтствовалъ Билефельда напряженной улыбкой, похожей скорѣе на гримасу. Капитанъ уставился на него тяжелымъ взглядомъ, въ которомъ, казалось, горѣлъ огонь безумія.

— Ну, въ чемъ дѣло? — крикнулъ онъ, приблизивъ свою рыжую бороду къ самому его лицу.

Билефельдъ началъ докладывать. Капитанъ внимательно слушалъ, наморщивъ брови и болѣзненно перекосивъ лицо. Когда лейтенантъ сообщил о полосѣ дыма и черномъ силуэтѣ корабля, которые онъ видѣлъ съ праваго борта на горизонтѣ, капитанъ сталъ смотрѣть на море въ узкую щель между стѣной и крышей рубки. Потомъ онъ рѣзко повернулся.

— Право руля!.. Вестъ-нордъ-вестъ! — хрипло скомандовалъ онъ. И опять сталъ смотрѣть въ щель.

IV.

Въ запертой башнѣ.

Поворотъ штурвала измѣнилъ курсъ крейсера. Теперь онъ шелъ на сѣверо-западъ, чтобы уйти отъ врага, котораго Билефельдъ видѣлъ справа.

Вдругъ что-то ударило въ башню. Опять оглушительный грохотъ и щель на мгновеніе ярко освѣтилась. Капитанъ упалъ, какъ подкошенный. Ему раздробило голову. Артиллерійскій лейтенантъ опустился на колѣни, а затѣмъ повалился на бокъ и остался на полу.

Лейтенантъ у штурвала навалился на колесо съ широко раскрытыми глазами, въ которыхъ застылъ ужасъ смерти. Осколокъ снаряда попалъ ему въ мозгъ. Билефельдъ почти машинально бросился впередъ, отстранилъ его и занялъ мѣсто у штурвала. Кромѣ него, въ башнѣ осталось въ живыхъ только трое людей—электромеханики. Они стояли въ какомъ-то оцѣпенѣнн, оглушенные взрывомъ.

— Телефонуйте лейтенанту фонъ-Вальдкирхъ, что онъ теперь командуетъ крейсеромъ!

Одинъ изъ электромеханиковъ усиленнымъ воли стряхнулъ съ себя оцѣпенѣнне и подошелъ къ телефону.

— Сообщение прервано, господинъ лейтенантъ,—доложилъ онъ минуту спустя.

— Тогда сходите кто-нибудь за нимъ. Онъ въ кормовой обсервационной вышкѣ.

Одинъ изъ механиковъ подошелъ къ дверкѣ.

— Дверь не открывается, господинъ лейтенантъ. Ее чѣмъ-то придавило снаружи.

Лейтенантъ взглянулъ на наблюдательную щель. Она утратила свою правильную форму. Въ одномъ мѣстѣ она совсѣмъ сомкнулось, въ другомъ—зіяла широкимъ отверстіемъ.

— Ну, такъ постараемся справиться сами,—сказалъ лейтенантъ. Лицо его было мертвенно-блѣдно, губы плотно сжаты.—Телефонуйте всѣмъ пушкамъ, съ какими еще есть сообщеніе, чтобы стрѣляли самостоятельно.

Онъ нагнулся къ рупору, который служилъ для разговоровъ съ машиннымъ отдѣленіемъ.

— Волленмецъ! Волленмецъ!

Отвѣтъ пришелъ въ видѣ потока проклятій, очевидно выкрикиваемыхъ во всю мочь легкихъ у другого конца трубки, и закончившихся свирѣпымъ:— Въ чемъ дѣло?

— У васъ все благополучно?—крикнулъ лейтенантъ.

— Благополучно?... Снарядъ попалъ къ намъ въ машинное отдѣленіе, всѣ кочегары у передней толки задохнулись... мы спустились до ста оборотовъ въ минуту... А что творится у васъ наверху? Скажите же, ради Бога... Здѣсь чистый адъ!

— Мы сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее—за Бога и кайзера!—крикнулъ лейтенантъ въ отвѣтъ.

Стоя у штурвала, онъ держалъ крейсеръ въ томъ новомъ курсѣ, который указалъ передъ смертью капитанъ. Каждую минуту онъ ждалъ, что вотъ-вотъ прилетятъ новые снаряды, однако пока-что ни одинъ не прилеталъ. Стало быть крейсеръ ушелъ изъ линіи обстрѣла? Очевидно такъ, какъ ни страннымъ это казалось, разъ быстрота его настолько уменьшилась. Ободрившись, Билефельдъ крикнулъ въ рупоръ машиннаго отдѣленія, чтобы развели по возможности всѣ пары.

— Мы уходимъ отъ опасности!—весело прибавилъ онъ.—Узнайте, если можете, что творится на суднѣ. У насъ всякое сообщеніе прервано.

Долго ждалъ онъ отвѣта, но отвѣта не было. Сколько онъ ни кричалъ въ рупоръ—гробовое молчаніе. Совершенно отрѣзанный такимъ образомъ отъ жизни судна, которымъ онъ фактически командовалъ, онъ продолжалъ стоять у штурвала, время отъ времени поворачивая курсъ еще чуть-чуть больше на западъ изъ страха передъ судами на сѣверо-востокъ.

Сколько времени прошло, онъ не зналъ. Изрѣдка онъ поглядывалъ на часы, висѣвшіе передъ нимъ. Стрѣлки показывали все тотъ же часъ. Часы были сломаны.

Крейсеръ продолжалъ идти впередъ. Только качка усилилась. Все было тихо. Люди въ рубкѣ немного оправились и ободрились. Они начали вѣрить въ возможность спасенія. Лейтенантъ тоже. Смущало его только то обстоятельство, что онъ не имѣлъ понятія о мѣстонахожденіи непріятельскаго судна, которое обстрѣливало ихъ.

Вдругъ снова страшное сотрясеніе, адскій грохотъ, и снова щель между стѣной и крышей освѣтилась краснымъ огнемъ. Двое электромеханиковъ, которые стояли, прислонившись къ стѣнѣ, упали мертвые безъ единой царапины. Сотрясеніе убило ихъ. Третій бросился къ двери и началъ колотить въ нее кулаками, вопя, какъ помѣшанный. Потомъ опустился на полъ и, обхвативъ руками

Огромный валъ обрушился на рубку, и вода ручьями хлынула въ щель.

голову, началъ раскачиваться, взадъ и впередъ, всхлипывая какъ испуганный ребенокъ. Лейтенантъ не обращалъ на него вниманія, весь — во власти ужаса. Что случилось? Врагъ нагналъ ихъ?..

А снаружи взрывы слѣдовали одинъ за другимъ. Полъ башни принялъ круто наклонное положеніе, и при каждомъ качаніи судна мертвыя тѣла у ногъ лейтенанта стукались объ стѣну. Вдругъ онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что изъ разговорной трубки, которая соединяла башню съ машиннымъ отдѣленіемъ, вырывается дымъ. Что случилось? Машина не работаетъ больше? Они стоять на мѣстѣ?... Онъ весь превратился въ слухъ. Нѣтъ, слава Богу, винты, кажется работаютъ еще! А грохотъ взрывовъ не прекращался. Онъ могъ только догадываться, съ какой стороны летятъ снаряды. Повидимому, врагъ все еще съ праваго борта! И онъ сильно повернулъ штурвалъ съ послѣдней отчаянной надеждой уйти отъ убійственного огня. Но картушка компаса повернулась въ обратную сторону! Штурвалъ не дѣйствовалъ больше. Румпель былъ поврежденъ.

Крейсеръ не поднимался больше на волнахъ. Онъ только грузно перекачивался съ боку на бокъ. Лейтенантъ безпомощнымъ взглядомъ окинулъ мертвыя тѣла на полу, поврежденные индикаторы, бесполезное рулевое колесо и человѣка, который раскачивался взадъ и впередъ, обхвативъ руками голову. Его жалобныя стenanія раздражали лейтенанта до бѣшенства. Онъ выхватилъ револьверъ и гнѣвно приказалъ ему замолчать. Тотъ уставился дикимъ взглядомъ на дуло револьвера, открылъ ротъ, словно для крика, и безъ чувствъ покатылся на полъ.

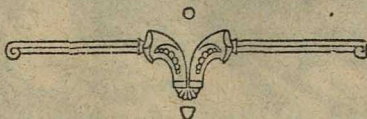
Лейтенантъ отвернулся отъ него и подошелъ къ щели. И въ тотъ моментъ, когда огромный валъ поднялъ крейсеръ бокомъ на свой хребетъ, лейтенантъ увидѣлъ невдалекѣ силуэтъ другого крейсера, который шелъ на всѣхъ парахъ — съ лѣвой стороны отъ нихъ! Флагъ развѣвался на его мачтѣ, вода ручьями текла съ его палубъ, когда онъ рѣзvo поднимался на гребни волнъ.

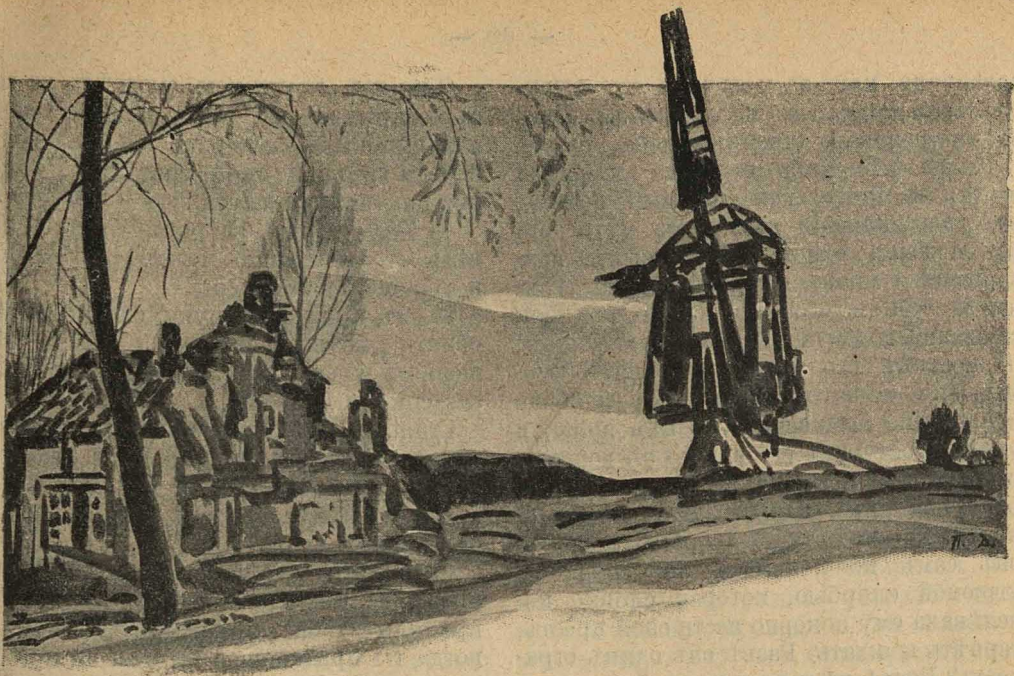
Вдругъ на его темныхъ бортахъ блеснуло нѣсколько огоньковъ, и почти въ тотъ же мигъ лейтенантъ почувствовалъ, какъ судно все задрожало подъ его ногами среди оглушительнаго грохота. Онъ уже не стоялъ, а лежалъ почти горизонтально на стѣнѣ рубки, и черезъ щель видѣлъ только волны, волны, однѣ волны, вмѣсто неба и волнъ, какъ раньше. Огромный валъ обрушился на рубку и вода ручьями хлынула черезъ щель. Въ наступившей мглѣ лейтенантъ судорожно цѣплялся за стѣны въ послѣдней инстинктивной борьбѣ за жизнь.

Твердый полъ ушелъ изъ-подъ его ногъ. Чьи-то руки охватили его колѣни. Онъ яростно сталъ бить по нимъ въ безпросвѣтной черной тьмѣ

Одинъ изъ крейсеровъ нѣмецкой эскадры сообщилъ о какомъ-то странномъ суднѣ, которое внезапно появилось изъ тумана, открыло огонь, а затѣмъ, получивъ нѣсколько снарядовъ, повернуло назадъ, прямо къ британскимъ крейсерамъ, которые моментально и потопили его. Запрошенный Эмденъ прислалъ далеко не успокоительные отвѣты.

А радиотелеграфная станція въ Науэнѣ въ то же время получила извѣстіе о столь же непонятной катастрофѣ съ подводной лодкой.

На французской границѣ.

Разсказъ.

ОНИ устало пробирались сквозь жидкую терновую изгородь и остановились, озираясь по сторонамъ. Вдали мрачнымъ призракомъ возвышался полуобгорѣлый остовъ вѣтряной мельницы, одно сохранившееся крыло которой торчало прямо вверхъ—хорошее пугало для пограничныхъ французскихъ крестьянъ.

Ихъ было трое: мужчина, дѣвушка и маленькій мальчикъ. Мужчина былъ высокій и бодрый на видъ, несмотря на просѣды въ волосахъ. Сѣрые глаза упрямо сверкали изъ-подъ косматыхъ бровей, а ротъ представлялъ собой одну прямую линію; это былъ ротъ, который не умѣлъ ни улыбаться ни выражать какихъ-либо чувствъ, ротъ, который никогда не измѣнялъ своей суровой складки.

Окинувъ зоркимъ взглядомъ плоскій, подернутый туманной дымкой, горизонтъ за развалинами мельницы, мужчина повернулъ голову и такъ же внимательно оглядѣлъ поле направо, тянувшееся вплоть до деревьевъ дальняго лѣса.

— Что, Сильвэна, пойдемъ туда, къ этому лѣсу? — обратился онъ къ своей спутницѣ, и странно было слышать изъ устъ этого суроваго крестьянина такой ласковый голосъ.

Дѣвушка бросила взглядъ на малютку, котораго она держала за руку, и отвѣтила:

— Не отдохнемъ ли мы сперва немного, отецъ? Вонъ стоитъ скамейка. А то бѣдный Луи очень усталъ. Правда, Луи?

Мальчикъ взглянулъ на сестру, потомъ на отца и молча кивнулъ головой.

— Ладно. Посидимъ немного,—согласился старикъ.

Они устало опустились на скамейку.

Сильвэна тихо заговорила о чемъ-то съ братомъ, который занялся тѣмъ, что сталъ срывать длинныя былинки, росшія на краю дороги, но старикъ не слушалъ. Уставившись въ землю, онъ думалъ о своемъ. Ярко, какъ на-яву, видѣлъ онъ передъ собой свой хуторъ, еще недавно такой веселый и цвѣтущій съ зелеными квадратами хорошо обработанныхъ полей, а теперь онъ—такая же обгорѣлая

развалина, какъ та мельница, что вырисовывалась чернымъ силуэтомъ на фонѣ блѣдно-розоваго утренняго неба.

Когда нѣмецкія полчища хлынули черезъ границу, какъ бурный потокъ, все разрушающій на своемъ пути, его ферма была одной изъ первыхъ, подвергшихся вражескому нашествію. Нѣмцы не убили его, но только выгнали съ женой и дѣтьми на большую дорогу, превративъ его изъ зажиточнаго фермера въ нищаго. Жена не выдержала испытаній, выпавшихъ на ихъ долю, и умерла, оставивъ его одного съ дочерью и малюткой сыномъ. Жажда мщенія, владѣвшая имъ сначала, постепенно смѣнилась какой-то тупой скорбью, которую онъ самъ не понималъ хорошенько — угрюмой скорбью, которая словно повелѣвала ему покорно нести свой крестъ, терпѣть и ждать. Развѣ онъ одинъ страдает? Развѣ на него одного обрушилось несчастье? Всюду кругомъ льется кровь, всюду кругомъ среди вытоптанныхъ полей дымятся развалины... Нужно терпѣть и ждать. И нужно быть мужественнымъ ради дѣтей. Вѣдь кромѣ него, у нихъ никого больше нѣтъ...

Голосъ Сильвэны давно умолкъ. Прижавшись другъ къ другу русыми головками, она и мальчикъ спали крѣпкимъ сномъ. Вскорѣ и старикъ вытянулъ ноги, которыя ныли отъ долгой ходьбы по безконечнымъ дорогамъ, и тоже задремалъ.

Сколько времени онъ спалъ, онъ не зналъ. Ему казалось, что прошло не больше минуты, когда конскій топотъ, громкій говоръ и лязгъ оружія заставили его вздрогнуть и открыть глаза. Сильвэна и мальчикъ тоже вскочили и спросонокъ испуганно озирались по сторонамъ.

Неподалеку отъ нихъ остановился на привалъ отрядъ нѣмецкихъ уланъ. Одинъ изъ нихъ, видимо, унтеръ-офицеръ, подѣхалъ къ старику и, перегнувшись съ сѣдла, ударилъ его перчаткой по лицу, грубо крича:

— Эй ты, старый хрычъ, довольно дрыхнуть!

Сильвэна ближе придвинулась къ отцу, дрожа всѣмъ тѣломъ подъ наглыми взглядами солдатъ.

Офицеръ, крутя усы, смотрѣлъ на нее съ нескрываемымъ восхищеніемъ. Одинъ изъ рядовыхъ спѣшился и остановился передъ группой, съ презрительной улыбкой поглядывая на старика и его дѣтей.

— Ба! — вдругъ вскричалъ онъ. — Да вѣдь это же Эмиль Буассо съ сыномъ и хорошенькой дочерью.

И онъ протянулъ руку, словно желая обнять дѣвушку, но она быстрымъ движеніемъ увернулась отъ него. Ея глаза засверкали гнѣвомъ.

Старикъ удивленно поднималъ глаза на улана, который, видимо, такъ хорошо зналъ его и его семью, и дикая ненависть вспыхнула въ его взглядѣ, когда онъ узналъ его.

— А, это ты, шпионъ проклятый! — крикнулъ онъ прямо ему въ лицо. — Мы приняли тебя, пріютили, обласкали, когда ты притащился къ намъ на хуторъ съ своимъ жалобнымъ рассказомъ. Обманщикъ! Когда объявили войну, и ты вдругъ исчезъ, точно сквозь землю провалился, — я понялъ, кто ты такой и сколько правды было въ твоихъ фальшивыхъ рѣчахъ. Змѣя подколотная!

Товарищи улана громко захохотали, видимо, забавляясь горячностью старика, но самъ онъ поблѣднѣлъ, съ ругательствомъ выхватилъ саблю изъ ноженъ и ударилъ бы старика, если бы офицеръ не остановилъ его.

— Оставь старика, — повелительно сказалъ онъ, и уланъ нехотя повиновался и вложилъ оружіе обратно въ ножны.

— Куда ведетъ эта дорога? — обратился офицеръ затѣмъ къ Эмилю. — И какъ называется эта мѣстность.

— Въ Реймсъ, — хмуро отвѣтилъ тотъ. — А вонъ тамъ, за лѣсомъ, деревня Дейльмъ.

— Врешь, поди! — рѣзко вмѣшался унтеръ-офицеръ.

— Чего мнѣ врать, — быстро отвѣтилъ Эмиль и странный огонекъ вспыхнулъ на мгновеніе въ его глазахъ. — Сами скоро узнаете, какъ я вру! — многозначительно добавилъ онъ.

Онъ думалъ, что по этой дорогѣ сверкавшей бѣлой лентой въ лучахъ августовскаго солнца, идетъ французская армія, которая отброситъ вторжен-

цевъ назадъ, и у него промелькнула мысль, что этотъ небольшой отрядъ ужъ во всякомъ случаѣ попадетъ въ ловушку и будетъ разбитъ на-голову.

Офицеръ нетерпѣливо тронулъ лошадь.

— Впередъ, маршъ! — скомандовалъ онъ. — Если мы еще дальше будемъ здѣсь прохлаждаться, главная колонна догнать насъ. Впередъ! Оставьте этихъ оборванцевъ въ ихъ грязи.

Дробно застучали копыта, и отрядъ галопомъ пустился въ дальнѣйшій путь и вскорѣ исчезъ изъ виду за поворотомъ дороги. Все тише и тише раздавался стукъ копытъ, пока окончательно не замеръ вдаль. Старый Эмиль Буассо стоялъ хмурый и угрюмый, думая о словахъ офицера насчетъ «главной колонны».

— Пойдемъ, Сильвэна! — сказалъ онъ наконецъ. — Ты слышала, что онъ сказалъ. Зачѣмъ они здѣсь? Зачѣмъ поскакали къ Реймсу? Что-то ужасное случилось, должно-быть. Неужто наши разбиты?.. Пойдемъ.

Перейдя дорогу, они напрямикомъ черезъ поле направились къ лѣсу, за которымъ находилась деревня Дейльмъ. Эмиль надѣялся найти тамъ кровь и немного ѣды для дѣтей. О себѣ онъ не думалъ. Если бы только удалось оставить Сильвэну и маленькаго Луи въ надежныхъ рукахъ, онъ завтра же взялся бы за ружье и пошелъ сражаться за родину.

Они вошли въ лѣсъ. Маленькій Луи началъ жаловаться на усталость. Эмиль посадилъ его къ себѣ на плечо и ласково заговорилъ съ нимъ, рассказывая ему про деревья, про птицъ и про все хорошее, что ихъ ждетъ въ деревнѣ. Сильвэна молча шла рядомъ, погруженная въ свои нерадостныя думы.

Лѣсъ началъ мало-по-малу рѣдѣть, и немного погодя они вышли на опушку. Деревня Дейльмъ лежала внизу у ихъ ногъ, на берегу рѣчки—нѣсколько десятковъ бѣлыхъ домовъ съ красными крышами, тѣсною кучкой окружавшіе перковь. Изъ трубъ кое-гдѣ лѣниво поднимались къ небу струйки дыма, но во всемъ остальномъ деревня казалась безлюдной. Голуби, бродившіе по мощеной площади передъ церковью, были единственными живыми существами.

— Отецъ, смотри, солдаты! — внезапно крикнулъ маленькій Луи, указывая на дорогу за деревней, которая шла волнообразно, то поднимаясь на холмы, то спускаясь въ ложбины.

— Благодарю тебя, Боже! — отъ всей души проговорилъ старикъ, узнавъ въ приближающейся къ деревнѣ колоннѣ отрядъ французской пѣхоты. Но Сильвэна, внезапно поблѣднѣвъ, взволнованно дернула отца за рукавъ:

— Отецъ, погляди туда, вонъ туда!

Эмиль Буассо перевелъ взглядъ въ ту сторону, куда она указывала, и радостный свѣтъ въ его глазахъ погасъ. Позади колонны французовъ, но ниже ихъ, такъ что они не могли ихъ видѣть, на гребнѣ небольшого возвышенія появились рядъ за рядомъ нѣмецкіе драгуны и рысью спустились въ ложину, отдѣлявшую ихъ отъ французской пѣхоты, которая, видимо, совершенно не подозрѣвала о близости врага. Мысль о томъ, что надо предупредить своихъ, вихремъ пронеслась въ мозгу крестьянина, и онъ ужъ сдѣлалъ было движеніе впередъ, когда Сильвэна со слезами на глазахъ схватила его за рукавъ.

— Ты все равно не спасешь ихъ, отецъ. Уже поздно! Смотри!

И дѣйствительно, уже было поздно. Какимъ образомъ могло случиться, что ни аэропланы ни развѣдчики не предупредили французовъ о приближеніи непріятеля, этого Эмиль не понималъ, но во всякомъ случаѣ французы явно не ожидали нападенія. Когда первый рядъ драгунъ вынырнулъ изъ ложины, задніе ряды французовъ со смѣхомъ повернули головы, а потомъ остановились растерянные и изумленные. Эта секунда колебанія рѣшила дѣло. Прежде чѣмъ они успѣли опомниться и выстроиться въ боевой порядокъ, чтобы грудью встрѣтить врага, драгуны уже бросились въ атаку и ихъ сабли сверкнули серебромъ, когда они по командѣ подняли ихъ для удара.

Французы не выдержали свирѣпаго натиска. Ихъ ряды дрогнули и побѣжали, спасаясь отъ жестокихъ сабель, которыя рубили направо и налево.

Стоявшіе на лѣсной опушкѣ могли видѣть все перепитіи этой трагедіи,

разыгравшейся внизу. Тихіе стоны вырывались изъ устъ Сильвэны. Старый Эмиль шепталъ то молитвы, то проклятiя, сжимая кулаки въ безсильной ярости. До нихъ доносились хриплые крики нѣмецкихъ драгунъ, съ которыми тѣ гнали французовъ къ деревнѣ.

Радостное восклицаніе вырвалось у старика, когда онъ увидѣлъ, какъ молодой лейтенантъ попытался приостановить паническое бѣгство и началъ собирать своихъ людей на площадь передъ церковью, куда спѣшили укрыться жители деревни, старики, женщины и дѣти. Ему, дѣйствительно, удалось выстроить своихъ солдатъ въ болѣе или менѣе боевой порядокъ, и когда драгуны появились на концѣ улицы, ихъ встрѣтили залпомъ, за которымъ немедленно послѣдовалъ и второй. Но хотя Эмиль видѣлъ, что подъ французскимъ огнемъ въ нѣмецкихъ рядахъ люди падали одинъ за другимъ, драгуны отнюдь не желали отдавать побѣду, которую они уже считали своей. Трескъ выстрѣловъ смѣшался съ ударами сабель, и идъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ мирно ворковали голуби, тамъ теперь буживалъ адъ битвы.

Нѣкоторое время французы стойко выдерживали яростную атаку, но численный перевѣсъ былъ на сторонѣ нѣмцевъ. До слуха Эмиля Буассо, который, какъ замороженный, не сводилъ глазъ съ сражающихся, донесся слабый отголосокъ команды французскаго офицера и, весь дрожа отъ волненія, онъ увидѣлъ, что въ то время, какъ лейтенантъ съ десяткомъ пѣхотинцевъ остались защищать входъ въ церковь, всѣ остальные вбѣжали въ нее и забаррикадировали изнутри дверь храма. Стоящіе на холмѣ могли слышать, какъ въ церкви передвигали по полу тяжелыя скамейки и какъ ихъ съ грохотомъ бросали одну на другую.

Драгуны тѣмъ временемъ спѣшились. Отправивъ лошадь за околицу, часть ихъ вошла въ дома и оттуда начала стрѣлять въ окна церкви. Засѣвшіе въ церкви отвѣчали имъ тѣмъ же. А горсточка французовъ все еще сражалась передъ папертью храма, чтобы дать товарищамъ время основательно забаррикадировать-

ся. Лейтенантъ и двое солдатъ вскорѣ пали, но остальные лишь тѣснѣе сомкнулись и продолжали неравную борьбу. Священникъ, вооружившись саблей уби-таго офицера, доблестно сражался вмѣстѣ съ ними.

Немного погодя, онъ уже остался одинъ защищать церковныя двери. Онъ зналъ, что скоро умереть, какъ умерли остальные, но не опускалъ оружія. Вотъ сабля гиганта-драгуна пронзила его, и онъ упалъ, широко раскинувъ руки. Драгуны, какіе еще находились передъ церковью, бросились въ окружающіе дома, чтобы укрыться отъ французскихъ пуль.

Время уже близилось къ вечеру, такъ какъ бой продолжался нѣсколько часовъ. Но свидѣтели этого сраженія и не думали уходить. Скорбь разрывала ихъ сердце при мысли объ участи тѣхъ, которые укрылись въ церкви.

— Они въ ловушкѣ! — простоналъ Эмиль. — Нѣмцы подожгутъ церковь, а потомъ перестрѣляютъ ихъ всѣхъ, когда они будутъ выбѣгать.

Въ это время на востокѣ показался небольшой отрядъ всадниковъ, галономъ приближавшійся къ деревнѣ. Эмиль узналъ въ нихъ утреннихъ уланъ. Съ ихъ прибытіемъ драгуны прекратили стрѣльбу. Очевидно, у нихъ происходило совѣщаніе. Эмиль съ тревогой ждалъ, что будетъ дальше, увѣренный въ душѣ, что засѣвшіе въ церкви обречены погибнуть.

Полчаса спустя, изъ деревни выѣхалъ одинокій всадникъ-уланъ—и рысью началъ подниматься по откосу къ лѣсной опушкѣ, гдѣ стояли старикъ и Сильвэна съ мальчикомъ.

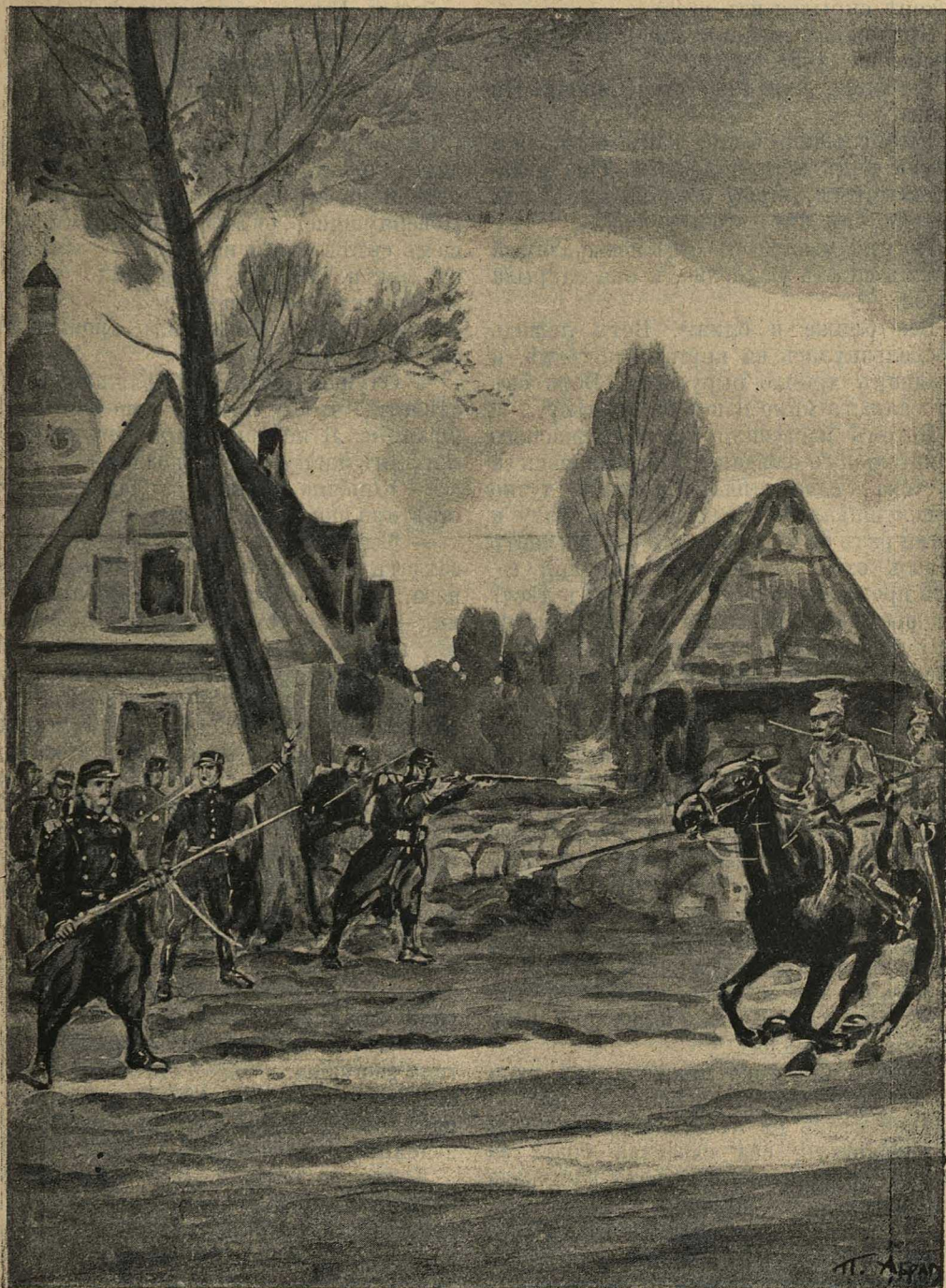
— Въ кусты, Сильвэна, въ кусты! — испуганно крикнулъ старикъ.—И ради Бога, сидите тише. Ни звука!

— Но ты куда, отецъ?

— Я хочу расквитаться съ этимъ молодчикомъ, — угрюмо отвѣтилъ Эмиль.—Развѣ ты не видишь, это онъ, тотъ шпіонъ. И онъ вѣрно ѣдетъ за артиллеріей, чтобы разстрѣлять нашихъ.

Сильвэна, вся блѣдная, смотрѣла на него широко раскрытыми непонимающими глазами. Но вдругъ она поняла и тихо прошептала:—О Боже!

Больше она ничего не сказала.

Когда драгуны появились на концѣ улицы, французы встрѣлили ихъ залпомъ.

Еще разъ напомнивъ, чтобы они сидѣли тихо, старикъ поползъ къ лѣсу и вскорѣ скрылся изъ глазъ.

Приложивъ палецъ къ губамъ, дѣвушка шепнула брату:

— Тише, Луи! Ради отца! Молчи! Ни слова!

Уже слышно было, какъ осыпались камни подъ ногами лошади. Она начала молиться, чтобы солдатъ проѣхалъ, не увидѣвъ ихъ, чтобы...

Но при мыслѣ объ отцѣ невыразимый страхъ сжалъ ея сердце, и она закрыла глаза.

Все ближе и ближе. Вотъ лошадь поскользнулась на крутомъ подъемѣ, и всадникъ хрипло выругался. Вотъ онъ проскакалъ мимо и исчезъ въ лѣсу.

Потомъ наступили минуты ужаснаго томительнаго ожиданія. Притаившись за кустомъ, едва дыша, Сильвэна чутко прислушивалась къ каждому шороху и сотни разъ ей чудилось, что она слышитъ голосъ отца, съ мольбой зовущій ее. Что происходитъ тамъ, въ темномъ лѣсу? Ея отецъ безоруженъ и къ тому же не молодъ, а солдатъ во цвѣтѣ лѣтъ... Самая тишина лѣса казалась ей давящей и полной ужасовъ. Не выдержавъ муки неизвестности, Сильвэна невольно сдѣлала шагъ къ страшному лѣсу. Увидѣвъ, что сестра хочетъ покинуть его, маленькій Луи пронзительно вскрикнулъ. Въ слѣдующую секунду она уже была снова рядомъ съ нимъ, успокаивая его и стараясь не думать о томъ, что происходитъ въ лѣсной тиши.

Ни звука кругомъ. И въ деревнѣ тоже было тихо. Драгуны зажгли костры въ своемъ лагерѣ, и маленькіе язычки огня причудливо вспыхивали и мерцали, пока пламя разгоралось.

Вдругъ Сильвэна прижала обѣ руки къ сердцу. Она явственно услышала глухой стонъ въ лѣсу. Забывъ всякую осторожность, она схватила брата за руку и въ паническомъ страхѣ побѣжала въ чащу, громко крича:

— Отецъ! Отецъ! Гдѣ ты, отецъ?

Она бѣжала по тропинкѣ, выходящей среди деревьевъ, и около густаго кустарника, за которымъ онъ, вѣроятно, прятался, она нашла отца, а немного дальше лежалъ ничкомъ на травѣ уланъ.

— Отецъ!—простонала Сильвэна. — Что случилось? Ты раненъ?

Эмиль Буассо приподнялся.

— Ничего, дочка, — слабо отвѣтилъ онъ. — Онъ задѣлъ-таки меня по ногѣ— вотъ тутъ, ниже колѣна. Но я убилъ его, собаку.

Сильвэна съ удивленіемъ смотрѣла на дикій огонь, сверкавшій въ глазахъ отца, и на его торжествующую улыбку. Повернувшись, она взглянула при гаснущемъ свѣтѣ дня и на улана, лежавшаго на землѣ. Въ его позѣ было что-то, заставившее ее содрогнуться.

Эмиль опять заговорилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Слушай, дочка, ты должна кое-что сдѣлать, чтобы помочь нашей бѣдной Франціи. Я не могу самъ. Онъ перерѣзалъ мнѣ жилу на ногѣ, подлецъ.

— Конечно, отецъ, я сдѣлаю, — быстро отвѣтила она. — Скажи, что надо сдѣлать.

— Ты можешь спасти ихъ—нашихъ солдатъ въ церкви. Я все выпыталъ у него, — онъ показалъ на мертваго улана, — прежде чѣмъ убилъ его. Его послали, какъ я и думалъ, за артиллеріей. Они не поставили караула—только около лошадей поставили и въ лагерѣ... Это будетъ не трудно сдѣлать, Сильвэна, потому что они не ждуть. Они думаютъ, что ближе чѣмъ на девяносто миль нѣтъ одного французскаго отряда. Когда стемнѣетъ, ты должна спуститься къ деревнѣ и подойти къ церкви съ задней стороны. Я знаю, тамъ есть маленькая дверка, за кустами наполовину скрытая плющемъ. Ты найдешь ее и скажешь нашимъ внутри, что часовыхъ нѣтъ и что они могутъ выйти. Пойди, дочка, ради Франціи, сдѣлай это!

— Да, отецъ, хорошо, — просто отвѣтила дѣвушка, и они стали ждать темноты. Когда совсѣмъ стемнѣло, Сильвэна поцѣловала отца и брата и отправилась исполнять порученіе.

Дойдя до опушки лѣса, она остановилась. Одинокая звѣзда ярко горѣла на небѣ—какъ разъ надъ деревней, которая лежала во мракѣ. Только на околицѣ, гдѣ драгуны устроили свой лагерь, горѣли огни костровъ.

Зорко озираясь по сторонамъ и прислушиваясь къ каждому шороху, дѣ-

вужка начала спускаться, прячась все время за кустарниками. Она уже прошла благополучно половину пути, когда вдруг услышала слѣва звяканье шпоръ и тяжелые шаги. Съ бьющимся сердцемъ, она припала къ землѣ за скрывшимъ ее кустомъ, и черезъ минуту мимо нея, такъ близко, что она могла бы коснуться ихъ сабелъ, если бы протянула руку, прошли два офицера, вполголоса серьезно разговаривая между собой. Вотъ они остановились и съ минуту смотрѣли на церковь, потомъ обмѣнялись какимъ-то замѣчаніемъ и со смѣхомъ пошли дальше.

Сильвэна подождала, пока ихъ голоса не смолкли окончательно, и лишь тогда поднялась на ноги и продолжала путь. Вотъ, наконецъ, и церковь. Окна ея были такъ высоко отъ земли, что Сильвэна не могла достать до нихъ, но она ясно слышала звукъ голосовъ и лязгъ оружія. Осторожно пробираясь по стѣнкамъ, гдѣ черная тѣнь скрывала ее, она начала искать дверку, про которую говорилъ отецъ. И дѣйствительно, съ задней стороны, между двумя обвитыми плющемъ подпорками, она нашла наполовину скрытую кустарникомъ низкую дверку. Съ бьющимся сердцемъ она робко постучала.

Она услышала тяжелые шаги, приближающіеся къ двери, и голоса, переговаривающіеся шопотомъ. Дверь внезапно приоткрылась на вершокъ и блеснуло нѣсколько ружейныхъ стволовъ, просушившихся въ щель.

— Кто тутъ?—спросилъ голосъ изъ темноты.

— Другъ!—отвѣтила она.

Дула ружей опустились. Нѣсколько рукъ быстро втащили дѣвужку въ церковь, безшумно закрывъ за нею дверь.

Съ удивленіемъ обступили солдаты дѣвужку, которая въ нѣсколькихъ торопливыхъ словахъ сообщила имъ, зачѣмъ пришла. Когда они слышали, что драгуны не поставили часовыхъ, шопотъ прошелъ по ихъ рядамъ и суровыя лица просвѣтлѣли.

— Впередъ, сыны Франці!—крикнулъ одинъ старый капраль. — Смоемъ утренній позоръ!

— Да, да! — хоромъ отвѣтили всѣ, затягивая ремни поясовъ и привинчивая штыки къ ружьямъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они уже осторожно выходили черезъ дверку, въ которую они впустили Сильвэну. Они раздѣлились на три отряда. Одинъ долженъ былъ напасть на нѣмецкій лагерь со стороны дороги, что вела къ Метцу, другой — съ противоположной стороны, а третій залегъ около церкви, чтобы отрѣзать драгунамъ отступление. Жажда мщенія заставляла ихъ всѣхъ улыбаться суровой улыбкой и крѣпко стискивать въ рукахъ оружіе.

Все было попрежнему тихо. Вдруг прозвучалъ сигнальный рожокъ, и въ тотъ же мигъ затрещали выстрѣлы. Второю разъ въ этотъ день пришлось деревнѣ Дейльмъ услышать шумъ битвы. Страшные вопли прорѣзали воздухъ, замирая въ жалобныхъ стонахъ; дикіе крики и проклятія оглашали воздухъ. Французы съ двухъ сторонъ ринулись на лагерь, яростно пуская въ дѣло свои загнутые штыки-сабли, а тѣ изъ нѣмцевъ, которые спасались бѣгствомъ, попадали въ руки отряда, залегшаго у церкви. Это былъ адъ. Это была уже не битва, а бойня.

Лежа на колѣняхъ на ступенькахъ алтаря, Сильвэна горько плакала. Нѣсколько солдатъ отправились въ лѣсъ за ея изувѣченнымъ отцомъ.

Послѣ получаса, показавшагося ей безконечнымъ, они вернулись, неся Эмиля Буассо и маленькаго Луи.

— Сильвэна! Дочка! Моя храбрая дочка!

И въ тотъ мигъ, когда Сильвэна бросилась къ отцу, вся толпа солдатъ, въ глазахъ которыхъ еще не погасъ жестокой боевой огонь, а лица сияли торжествомъ побѣды, замахали шапками, надѣвъ ихъ на штыки, и изъ всѣхъ грудей вырвался единодушный крикъ:

— Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ храбрая Сильвэна!

А на околицахъ, гдѣ за часъ передъ тѣмъ находился лагерь нѣмцевъ, огни гаснущихъ костровъ освѣщали блѣдныя лица павшихъ. Битва кончилась.

ВОСЕМЬ БУТЫЛОКЪ

Изъ хроники захваченнаго врагомъ города.

Разсказъ Воронова.

ГОРОДЪ былъ хотя и губернской, но маленькій и незамѣтный. Жизнь текла тамъ такъ тихо и монотонно, что газеты по цѣлымъ годамъ молчали о немъ, и даже интеллигентная публика крайне смутно помнила о существованіи—ской губернии. А теперь она оказалась въ центрѣ великихъ событий. Кто не выбрался въ болѣе мирныя и безопасныя мѣста, цѣлые дни проводилъ на улицахъ. Онѣ превратились въ огромный интернаціональный и всесословный клубъ, гдѣ русскіе, поляки, литвины и евреи, безъ различія ранговъ и сословій, обмѣнивались новостями.

Тутъ раньше другихъ и изъ первыхъ рукъ слышали о славныхъ командирахъ, быстро дѣлавшихся національными героями, тутъ великолѣпно были освѣдомлены о подвигахъ храбрости, выносили восторги и самопожертвованія сѣрыхъ шинелей, тутъ вѣрно учитывали духъ войска и признавали аксіомой, что нѣмцамъ насъ не одолѣть. «Насъ»—было хорошее и новое слово.

Въ обычномъ мирномъ обиходѣ вѣчно противопологались два понятія: мы, т. е. поляки, литвины или евреи и они—русскіе. Теперь же на четырехъ языкахъ говорили о *нашихъ* побѣдахъ, *нашихъ*

солдатахъ, *нашихъ* пулеметахъ. И даже соборный протопопъ сталъ для всѣхъ *нашимъ* батюшкой. Что Россія—мать, хотя и не всегда ласковая, нерусскіе признавали постоянно, но только теперь почувствовали это сердцемъ, всѣмъ существомъ своимъ.

Въ окончательномъ торжествѣ Россіи не усомнились и тогда, когда подъ натискомъ огромныхъ непріятельскихъ силъ наши войска стали возвращаться изъ Восточной Пруссіи. И спокойно была принята вѣсть, что городъ защищать не выгодно и не нужно. Онъ не представлялъ никакого стратегическаго значенія и безъ боя доставался нѣмцамъ. «Не надолго», благодушно рѣшили жители.

Въ четвергъ прилетѣлъ аэропланъ, бросая воззванія, рекомендовавшія обывателямъ привѣтливо встрѣтить незваныхъ гостей.

Въ пятницу утромъ тотъ же летчикъ сбросилъ снарядъ, поранившій двухъ дѣтей, а вечеромъ того же дня посредствомъ летучекъ онъ общалъ евреямъ равноправіе. Особенно тяжело было въ субботу. Городъ, жившій послѣднее время такой лихорадочной военной жизнью, сталъ трупомъ: ушли войска, увезли

раненыхъ, выѣхали казенныя учрежденія, закрылись лавки, и безлюдны сдѣлались улицы.

Шесть часовъ продолжалась агонія ожиданія. Надежда, что нѣмцы минуютъ городъ, слабо тлѣла въ сердцахъ.

Вдругъ гдѣ-то близко затрещали выстрѣлы, и небольшой казачій разъѣздъ, спѣша увѣдомить штабъ о вступленіи непріятеля, пронесся черезъ городъ.

На улицахъ и по квартирамъ воцарилась абсолютная тишина. Прервалъ ее паровозъ: жалобно и протяжно завылъ онъ на вокзалѣ, не то спѣшно отходя отъ города, не то разрушаемый, чтобы не попалъ въ чужія руки.

— Идутъ! — закричали обыватели, съ чердаковъ наблюдавшіе окрестность. — Идутъ со стороны кладбища!

Нѣмцы дѣйствительно входили.

Случилось это подъ вечеръ. Всѣ ждали, что солдаты немедленно нахлынутъ по квартирамъ, внося съ собой насиліе и грабежъ, но на первыхъ порахъ печальныя ожиданія не оправдались. Бѣда пришла позднѣе.

Первые дни нѣмцы явились жителямъ въ роли крѣпко дисциплинированныхъ солдатъ, зря не озорующихъ и чинящихъ только необходимое зло. Затѣмъ, обжившись въ городѣ, при ослабѣвшей солдатской муштрѣ, воинство кайзера въ значительной степени утеряло военный лоскъ и стало собраніемъ довольно добродушныхъ бюргеровъ. Лишь въ дальнѣйшемъ, подъ гнетомъ лишеній и разочарованій, съ офицеровъ и солдатъ слиняла всякая культурная отдѣлка и на аренѣ войны появились подлинные варвары.

Первая ночевка въ русскомъ городѣ прошла для вражескаго воинства безъ всякаго комфорта: спать залегли прямо по улицамъ. Дровъ не было, а осенній холодокъ давалъ себя чувствовать. Въ послѣдующіе дни согрѣвались школьными партами, не вывезенными дѣлами казенныхъ учреждений, книгами городской библіотеки, но сначала использовали для отопленія городской бульваръ. Его старые каштаны, ограда, скамейки и кіоски послѣ десяти минутъ работы нѣсколькихъ сотъ солдатскихъ топоровъ превратились въ дрова. Костры запы-

лили по улицамъ. Непривычнымъ свѣтомъ врываясь въ комнаты и давая впечатлѣніе пожара, они нагоняли на жителей безсонницу. Не спалось и думалось, что завтра начнется тяжелое и непріятное знакомство съ нѣмцами.

Первымъ пришлось познакомиться съ ними евреямъ. Комендантъ города началъ серію обязательныхъ постановленій приказомъ, чтобы евреи, въ количествѣ не менѣе четырехсотъ человѣкъ, собрались въ воскресенье, къ девяти часамъ, около синагоги. Это требованіе не столько напугало, сколько заинтересовало населеніе. И понятно, что съ ранняго утра въ указанномъ мѣстѣ галдѣла огромная толпа, значительно превышавшая назначенный нѣмцами минимумъ.

Ждали долго, развлекаясь противорѣчивыми слухами, преимущественно оптимистическаго характера. Русскій мужикъ вѣрить всякому вздору о прирѣзкѣ земли; евреи столь же легковѣрны насчетъ денегъ. Въ чѣмъ-то мозгу зажглась легенда о миллионѣ, ассигнованномъ нѣмцами на закупку всѣхъ мѣстныхъ товаровъ.

Никто не интересовался, кому и за чѣмъ нужна эта нелѣпая покупка. Легенда вспыхнула и, не встрѣчая критики, разлилась по толпѣ, чаруя миражемъ легкой и быстрой наживы. Каждый изъ евреевъ такъ или иначе связанъ съ торговлей. Не мудрено, что экспансивному еврейскому воображенію было открытъ широкій просторъ для сладкихъ грезъ.

На почвѣ массовыхъ нѣмецкихъ закупокъ родились очаровательныя иллюзіи. Появятся свободныя деньги! Однимъ грезилась свадьба или возможность продолжать ученіе, откладываемая изъ года въ годъ по бѣдности, другимъ болѣе прозаическія матеріи, въ родѣ расширенія торговли или покупки недвижности. Милліонъ совершенно зачаровалъ и сапожника Бейзеля, торчавшаго въ толпѣ вмѣстѣ съ сыномъ, гимназистомъ второклассникомъ.

Бейзель мысленно прикидывалъ, что за три пары сапогъ, по разнымъ причинамъ не взятыхъ заказчиками и обременявшихъ его убогую мастерскую, можно получить съ нѣмцевъ двадцать рублей... Нѣтъ, мало... Разъ будутъ поку-

пять на цѣлый миллионъ, не грѣхъ запросить и тридцать... Хотя, пожалуй, если товаръ будетъ оцѣнивать знающій человѣкъ... И покатались мысли сапожника, съ разныхъ сторонъ взвѣшивающаго грядущую продажу. О ней мечталъ и сынишко Бейзеля. Ему до зарѣза нужно было восемь бутылокъ.

Когда онъ триумфаторомъ — награда первой степени! — перешелъ во второй классъ, то учитель природовѣдѣнія, замѣтивъ бойкія способности мальчика, далъ ему на лѣто работу. Гимназистикъ былъ снабженъ термометрами и долженъ былъ вести записъ постепеннаго охлаждения кипятка при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Кто-то рекомендовалъ этотъ опытъ, требующій большой усидчивости, какъ прекрасную тренировку для юношества.

«Ну, а восемь бутылокъ у васъ, конечно, найдутся?» спросилъ учитель.

Молчаніе мальчика было принято за утвердительный отвѣтъ и, еще разъ повторивъ всѣ инструкціи, преподаватель распрощался съ юнымъ Бейзелемъ.

Предстоящая работа казалась мальчику важнымъ и самостоятельнымъ научнымъ трудомъ. Онъ заинтересовался ею и восторженно мечталъ о занятіяхъ, но вопросъ о бутылкахъ пріобрѣлъ трагическій характеръ. Свободныхъ бутылокъ въ домашнемъ обиходѣ не было, выклянчить было не у кого, купить не на что. Вопросъ обострялся тѣмъ, что опытъ требовалъ бутылокъ прозрачнаго стекла и огнеупорныхъ.

Послѣ усиленнаго торговаго, веденнаго со дня на день въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, буфетчикъ булварнаго уступалъ бутылки за двадцать копеекъ. Не только для гимназиста второго класса, но и для всей среды полунищихъ еврейскихъ ремесленниковъ это была значительная сумма. Бейзель — отецъ общалъ вручить ее сыну немедленно по продажѣ залежалыхъ сапогъ мастерской.

Теперь эта продажа могла осуществиться. Когда нѣмцы уйдутъ, и начнется ученіе, можно будетъ представить работу исполненной, это было дѣломъ чести, дѣломъ самолюбія. Мечталъ отецъ, мечталъ сынъ, мечтали на разные лады

вся собравшаяся толпа, но воздушные замки быстро разлетѣлись.

Нѣмецкій лейтенантъ, словно сорвавшійся съ карикатуры, сильно затянутый, съ моноклемъ и глубоко презрительной миной, оглядѣвъ евреевъ, велѣлъ разбиться на двѣ равныя части. Молчаливо повиновались, ожидая, что будетъ дальше. А дальше произошло слѣдующее. Подъ командой нѣмецкаго унтера, понукаемые сзади солдатами, евреи двинулись по городу. Подошли къ зданію Окружнаго Суда.

И тутъ пришлось услышать странное приказаніе. Толпѣ евреевъ вмѣнялось въ обязанность, стуча сапогами, обойти все зданіе Суда. Сперва никто не понималъ, что собственно нужно нѣмцамъ. Но скоро изъ грозныхъ окликовъ храбрыхъ воиновъ выяснились причины странной процедуры. Боясь, что казенныя зданія минированы, завоеватели посылали евреевъ ocupar опасность.

Если зданія должны были взорваться, то это немедленно послѣдовало бы во время демонстративнаго громкаго шествія многочисленной толпы. И въ теченіе цѣлаго дня по опустѣвшимъ нашимъ казармамъ и казеннымъ домамъ, начиная съ подваловъ и кончая чердаками, бродили толпы евреевъ, громко и отчетливо отбивая каждый шагъ.

Лишь послѣ этого испытанія непріятель расположился въ покинутыхъ зданіяхъ.

Такъ миновалъ самый красочный день нѣмецкаго владычества. Потомъ потянулись суровые будни, потребовавшіе напряженія всѣхъ обывательскихъ силъ. Какъ и въ мирное время, жизнь слагалась изъ пустяковъ, но пустяки эти стали теперь ѣдкими и острыми.

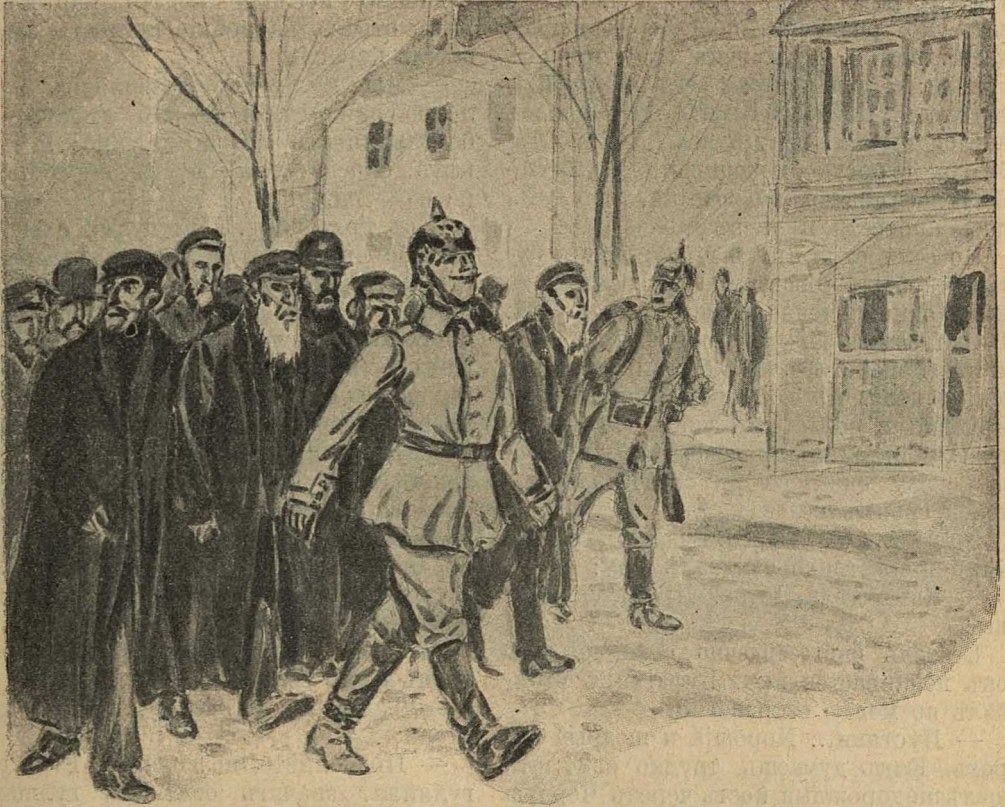
Появился приказъ: при наступленіи сумерекъ обязательно освѣщать каждое окно занятой квартиры. Такимъ путемъ на улицахъ становилось довольно свѣтло, и нѣмецкіе ночные дозоры могли безбоязненно проходить по улицамъ. Населеніе ужасало лишь то, что освѣтительные матеріалы были въ городѣ на ущербѣ и стоили дорого. Экономные хозяева подсчитывали, что иллюминація одного окна въ теченіе ночи обходится около сорока копеекъ. Это былъ очень тяжелый на-

логъ, наложенный на жителей для успокоенія нервовъ нѣмецкихъ бюргеровъ. Нарядившись въ солдатскую форму, готовясь завоевать всю Европу, они до смѣшного боялись темноты опустѣваемаго города. Бѣднѣйшіе обыватели, составлявшіе подавляющую часть оставшагося населенія, старались парализовать гнѣтъ освѣтительнаго приказа.

восемь съ души, а суточное продовольствіе—три-четыре копейки.

Такъ можетъ и умѣть жить лишь еврейская бѣднота.

Питались испорченными селедками. Еще до войны мѣстный лавочникъ-богатѣй съ ужасомъ замѣтилъ, что съ его селедочными запасами не все обстоитъ благополучно. Нѣмецкая реквизиція, не

Подъ командой нѣмецкаго унтера, понукаемые сзади солдатами, евреи двинулись по городу.

Бросая насиженные гнѣзда и забирая все добро, многія семьи собирались въ одной квартирѣ. У Бейзеля ютилось такимъ образомъ шесть знакомыхъ семействъ. Свезенное добро сложили въ пустомъ коровникѣ, а двадцать двѣ души ухитрились размѣститься въ маленькой кухнѣ и двухъ крошечныхъ комнатушкахъ. Существованіе было кошмарное, но экономное. Пресловутое нѣмецкое освѣщеніе обходилось копейекъ

брезгующая никакой снѣдью, презрительно отвергла ихъ. А бѣднота употребляла. Испорченная сельдь подвергалась въ рукахъ хозяекъ какимъ-то сложнымъ манипуляціямъ, послѣ чего ѣсть ее можно было безъ рвоты и съ иллюзіей, что голодъ утоленъ.

Такъ прозябали три недѣли, борясь на два фронта. Надо было защищать отъ пришельцевъ кровное добро и что-нибудь заработать на пропитаніе. Му-

чили заботы и юнаго Бейзеля. Двѣ задачи стояли и передъ нимъ. Сберечь довѣренныя учителемъ казенныя термометры и во что бы то ни стало добыть нужныя бутылки.

Надежда на продажу сапогъ рухнула окончательно. Солдатъ-мародеръ спокойно забралъ ихъ, расплатившись квитанціей собственнаго изготавленія. Всѣ постояльцы Бейзеля приняли горячее участіе, разбирая, сколько должно выдать по распискѣ полевое нѣмецкое казначейство. Наконецъ съ трудомъ прочли: «Предъявителя сего грошу разстрѣлять. Каспаръ Шмитъ». Не понявъ наглой шутки, испугались. Документъ, блюдя строгую конспирацію, уничтожили, самодовольно считая, что удалось провести нѣмцевъ.

Но если одинъ путь пріобрѣтенія бутылкоѣ былъ рѣшительно устраненъ, то почти одновременно обозначился другой. Не оставалось никакого сомнѣнія, что неговорчивый буфетчикъ былъ нѣмецкимъ шпиономъ. Онъ все время возился съ нѣмецкими солдатами, указывалъ квартиры, доставлялъ продовольствіе и вообще сразу оказался въ средѣ завоевателей своимъ человѣкомъ.

Встрѣтивъ молодого Бейзеля, буфетчикъ привѣтливо закивалъ ему:

— Какъ дѣла, Иоска? Нравятся нѣмцы?

Бейзель чистосердечно сознался, что онъ побаивается ихъ. Буфетчикъ отвѣчалъ не менѣе откровенно:

— Пустяки... Хорошій и щедрый народъ. Какъ думаешь, трудно измѣрить желѣзнодорожный мостъ черезъ Черную Ганжу?

— Десять минутъ работы...

— Вѣрно! А я за это получилъ въ прошломъ году двѣсти цѣлковыхъ. Кромѣ того... Эхъ, глухъ твой отецъ, что во время не пристроился къ нѣмцамъ... А бутылки... бутылки теперь бери даромъ...

Гимназистъ не успѣлъ вставить своей реплики о легкомъ заработкѣ, не успѣлъ поблагодарить за бутылки, не справился, гдѣ взять ихъ.

Простоявшій въ автомобилѣ офицеръ, приостановивъ машину, подозвалъ буфетчика и послѣ краткаго разговора

увезъ съ собой. Три дня Бейзель тщетно разыскивалъ владѣльца драгоцѣнныхъ бутылокъ. Наконецъ рѣшили самовольно взять въ кладовкѣ при лѣтнемъ буфетѣ подаренныя вещи.

Съ приходомъ нѣмцевъ бульваръ пустовалъ. Мужское населеніе городка боялось гулять. Былъ случай, что стараго и интеллигентнаго поляка, громко сказавшаго, что онъ гуляетъ, нѣмцы немедленно послали копать картофель. А въ отвѣтъ на робкіе протесты завоеватели изрекли:

— Мы милостиво дозволяемъ населенію заниматься своими дѣлами, но бездѣльничать оно не должно. У кого нѣтъ своего дѣла—пусть поработаетъ на кайзера.

И съ тѣхъ поръ, какъ гулянье влекло за собой принудительныя работы, стали отдыхать по квартирамъ, хотя осень стояла чудная. Еще больше опасалось прогулокъ женское населеніе. Часовщикъ Блюмъ побѣждалъ жаловаться, что нѣмецкіе солдаты цинично пристають къ его дочери. Объясненіе происходило на языкѣ, считаемомъ нѣмцами русскимъ. Повидимому, кое-кто изъ нѣмецкихъ офицеровъ занимался русскимъ языкомъ. Они часто щеголяли невѣроятно выговариваемыми русскими фразами, обижаясь, если ихъ фантастику плохо понимали.

— Такъ... Фи говорайте, ваша фрейлейнъ мимо солдатъ ходяй...

— Такъ точно. Дочка гуляла по двору, а они...

— Позволяйте, позволяйте! Если она гуляйла, значитъ она есть гулящая. Чего же фи обижаетесь?—Этотъ разговоръ немедленно сталъ извѣстенъ всему городу. И боязнь изъ гуляющей превратиться въ гулящую загнала женскій полъ по домамъ.

Итакъ, бульваръ былъ пустъ, но пустота еще больше пугала юнаго Бейзеля. Онъ робко приближался къ мѣсту, гдѣ нѣкогда возвышался павильонъ буфета. Теперь лишь груда мусора напоминала о постройкѣ, пошедшей нѣмцамъ на дрова. Заваленнымъ оказался и ходъ въ подвалъ, гдѣ Бейзель столько разъ торговался съ буфетчикомъ. Вѣроятно, бутылки тамъ, внизу. Надо расчислить

маленькую лѣсенку, всего три ступени... Авось, нѣмцы не сочтутъ это преступленіемъ. Разъ хозяинъ далъ позволеніе... Но гимназистикъ не успѣлъ закончить цѣль своихъ умозаключеній. Два нѣмецкихъ солдата съ криками бѣжали къ нему. Не ожидая ничего хорошаго, смертельно перепуганный Бейзелъ пустился наутекъ.

— Чудомъ спасся!—разсказывалъ онъ потомъ товарищамъ. Съ этихъ поръ, боясь быть узаннымъ преслѣдователями, мальчикъ не смѣлъ показаться на улицѣ,

— Дрейцъ, Дрейцъ,—зоветъ онъ своего денщика. Въмѣсто Дрейца въ комнатѣ появляется, тѣшечно стараясь сохранить серьезность, нашъ солдатикъ. Лейтенантъ безмысленно смотритъ на него.

— Дрейцъ, скотина, кто позволилъ тебѣ рядиться въ русскую форму!..

Мнимому Дрейцу, студенту-добровольцу, невозможно сдержать смѣхъ. Онъ весело и молодо хохочетъ въ лицо лейтенанту. А потомъ потребовались невѣроятныя усилія втолковать нѣмцу, что это не шутка товарища, лейтенанта.

«Собака» сочно зѣваетъ, крихтитъ, потягивается и вдругъ ругается на чистѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ.

саже избѣгалъ подходить къ окну. Къ счастью, добровольное заключеніе было непродолжительнымъ. Не жданно, не гадаю подоспѣло освобожденіе.

Наканунѣ нѣмцы торжественно сняли двуглавый орелъ съ гимназіи и замѣнили его своимъ одноглавымъ, а на другой день пришли наши.

Непріятель ушелъ ночью такъ торопливо, что не успѣлъ предупредить всѣхъ своихъ. Офицеры и солдаты, съ вечера напившіеся до потери сознанія, попадали въ плѣнъ.

Вотъ послѣ попойки продираетъ глаза молоденькій нѣмецкій лейтенантъ.

Шульца, а подлинная дѣйствительность, настоящий плѣнъ.

Но если офицеры, прогулявшіе отступленіе своихъ, рвутъ и мечутъ, сдаваясь въ плѣнъ, то заспанные солдаты не могутъ скрыть удовольствія.

— Я безъ-устали воевалъ два мѣсяца и заработалъ право на отдыхъ,—чисто-сердечно объясняетъ одинъ воинъ при молчаливомъ согласіи товарищей.

Городокъ начинаетъ входить въ обычную норму, поговариваютъ объ открытіи гимназіи, а у Бейзеля еще нѣтъ бутылокъ. Буфетчикъ исчезъ вмѣстѣ съ нѣмцами. Развѣ вторично попытаться по-

никнуть въ погребъ... Другого выхода нѣтъ, и гимназистикъ рѣшается дѣйствовать. Теперь это не такъ страшно, какъ въ первый разъ. Онъ даже лопатку захватилъ, чтобы работать успѣшнѣе. Но, кажется, кто-то до него уже лазалъ въ погребъ. Входъ внизъ хотя и заваленъ досками, но лѣсенька тщательно очищена. Бейзель спускается и зажигаетъ припасенный огарокъ. Пустыхъ бутылокъ множество. Не легко отыскать среди нихъ подходящія. Гимназистикъ становится на колѣни, перебираетъ одну, другую и вдругъ замираетъ, глубоко пораженный. Цѣлая симфонія чудныхъ запаховъ щекочетъ ему обоняніе: гдѣ-то близко спрятано съѣстное. Бейзель карабкается дальше и вдругъ слышитъ какое-то ворчанье. Собака? Мальчикъ насторожился и прислушивается. Собака точно зѣваетъ, кричитъ, видимо, потягиваясь, и вдругъ ругается на чистѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ. Потушить огарокъ и выскочить изъ подвала было для гимназистика минутнымъ дѣломъ.

— Нѣмецъ, нѣмецъ! — кричалъ онъ, стремглавъ летя по бульвару къ группѣ мирно отдыхающихъ солдатъ. Тѣ приняли вопли довольно хладнокровно.

— Гдѣ ты раскопалъ, землячокъ, нѣмца?

— Да, да, раскопалъ, — обрадовался гимназистикъ, что солдатъ сразу попалъ въ самую точку. Онъ въ погребѣ. Идите!..

Нѣмецъ былъ взятъ безъ труда, голыми руками. Жилъ онъ въ погребѣ комфортабельно. У него были отличныя перины, множество съѣстныхъ припасовъ, книги. Мало того: даже электрическое освѣщеніе было проведено въ погребъ. Но самое существенное состояло

въ телефонѣ. Посредствомъ него нѣмецъ могъ сноситься съ уѣзднымъ городкомъ, гдѣ отступающій непріятель оставилъ второго развѣдчика, а этотъ послѣдній передавалъ свѣдѣнія дальше. Вся нѣмецкая организація выяснилась, когда прослѣдили направленіе телефонной проволоки. Безъ труда узнали и предателей, снабжавшихъ по ночамъ развѣдчика разными свѣдѣніями.

За открытіе вражеской развѣдки юнаго Бейзеля благодарилъ корпусный командиръ.

— Вы выслѣдили намъ любопытную дичину. Хотѣлось бы чѣмъ-нибудь отблагодарить васъ... Въ чемъ нуждаетесь, говорите откровенно.

Будь этотъ вопросъ предложенъ нѣсколькими днями раньше, Бейзель, разумѣется, попросилъ бы бутылки. Но теперь онъ уже обладалъ сокровищемъ, взятымъ при ликвидаціи погребного шпіонажа, и успѣлъ приступить къ опытамъ. Поэтому вопросъ генерала поставилъ мальчика втупикъ. Если бы гимназистикъ зналъ стихи Огарева, онъ мысленно продекламировалъ бы «Чего хочу? О такъ желаній много»... Въ головѣ, быстро смѣняяся одно другимъ, проносились вереницы желаній. Генералъ такъ и не дождался отвѣта.

— Можетъ-быть, самымъ подходящимъ будетъ внести въ гимназію плату за ваше ученіе?

Это мудрое рѣшеніе было достойно Соломона. Шестьдесятъ рублей, вносимые въ годъ за право ученія юнаго Бейзеля, тяжелымъ гнетомъ ложились на сапожную мастерскую отца.

Такимъ образомъ маленькій еврейскій гимназистъ сталъ стипендіатомъ одного нашего армейскаго корпуса.

Ночная экспедиція.

Разсказъ.

I.

Доброволецъ.

БУДЬТЕ, пожалуйста, готовы выѣхать въ любое время дня и ночи. Какъ только ваши услуги потребуются, извѣстимъ васъ по телеграфу или телефону!

Таковъ былъ краткій приказъ (слово «пожалуйста» являлось только вѣжливостью по отношенію къ добровольцу), полученный мною отъ военного начальства города Беннингтона.

Какъ только вспыхнула война, я, подобно большинству моихъ соотечественниковъ, почувствовалъ страстное желаніе дѣятельно послужить такъ или иначе родинѣ. Хотя я человѣкъ женатый и уже не первой молодости, слѣдовательно, не принадлежу къ числу тѣхъ, изъ кого, по преимуществу, вербуются наши англійскіе полки, тѣмъ не менѣе, мною овладѣла самая подлинная военная горячка. Всѣ мы переживали ее въ тѣ первые дни войны, и большинство мужчинъ въ моемъ возрастѣ и моемъ положеніи, навѣрное, поймутъ, что я хочу сказать.

Тутъ жена подала мнѣ мысль предоставить мой автомобиль и себя самого въ качествѣ шоффера въ распоряженіе военного вѣдомства. Думаю, къ слову сказать, что ей самой эту мысль подала Зоя. Мнѣ эта мысль страшно понравилась. Я какъ разъ приобрѣлъ новый автомобиль — длинный, четырехмѣстный, очень быстроходный и почти безшумный, — и всей душой былъ радъ хоть такъ послужить родинѣ. Не прошло и часу, какъ я уже сидѣлъ въ пріемной дивизионнаго командира.

Подковникъ Гэтхаузъ былъ по-военному дѣловитъ и лакониченъ. Не взгля-

нувъ даже на меня, онъ взялъ карандашъ и бумагу и закидалъ меня вопросами въ родѣ слѣдующихъ:

— Какой конструкціи вашъ автомобиль?

— Новый или подержанный?

— Много ли ѣздили на немъ?

— Приходилось ли вамъ самому ѣздить въ качествѣ шоффера?

— Умѣете ли вы обращаться съ машиной и исправлять поврежденія?

— Въ исправности ли ваши шины?

— Есть ли у васъ телефонъ въ квартирѣ?

— Какова наибольшая скорость, которую можетъ развить вашъ автомобиль на хорошей дорогѣ?

— Женаты вы? Есть дѣти или родные, которыхъ вы содержите?

— Здоровое ли у васъ сердце?

— Каково общее состояніе вашего здоровья?

— Умѣете ли обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ?

— Есть ли у васъ револьверъ и умѣете ли стрѣлять изъ него?

И наконецъ:

— Согласны ли вы предоставить себя самого и свой автомобиль въ полное и абсолютное распоряженіе военныхъ властей съ правомъ потревожить васъ въ любой часъ дня и ночи?

На эти вопросы я постарался отвѣчать такъ же кратко и дѣловито, какъ мнѣ ихъ задавали. Купилъ я свой автомобиль съ такого-то завода, совсѣмъ новымъ. Проѣхалъ на немъ не больше тысячи миль. Править автомобилемъ умѣю хорошо, обладаю въ этомъ отношеніи пятилѣтнимъ опытомъ. Ѣздилъ во всякую погоду и по всякимъ дорогамъ. Съ устройствомъ машины знакомъ достаточно, чтобы сумѣть исправить обычныя поврежденія. Шины совершенно новыя. Телефонъ

у меня есть—даже два: одинъ въ передней и одинъ въ спальнѣ. По хорошей дорогѣ мой автомобиль можетъ развить скорость въ пятьдесятъ миль въ часъ, и даже больше, вѣроятно. Лѣтъ мнѣ тридцать семь. Женатъ; имѣю двухъ дѣтей и молоденькую сестру, но въ случаѣ моей смерти они не останутся безъ средствъ. Сердце у меня здоровое и вообще я вполне здоровъ. (Тутъ я подавилъ улыбку, вспомнивъ о тѣхъ пустыхъ болѣзняхъ, которыя въ мирное время казались невѣсть какими серьезными). Въ молодости учился стрѣлять изъ винтовки. Револьверъ есть; упражнялся у себя въ саду въ стрѣльбѣ въ цѣль, но не могу сказать, что бы я былъ хорошимъ стрѣлкомъ. Что же касается послѣдняго вопроса—то я къ услугамъ полковника въ любое время дня и ночи.

— Еще одно,—добавилъ полковникъ,—хорошо ли вы знакомы съ окрестными дорогами—не съ шоссе? Шоссейныя дороги мы и сами знаемъ хорошо. Но съ проселками, даже съ самыми глухими, ихъ вы знаете?

— Думаю, что по совѣсти могу отвѣтить утвердительно, господинъ полковникъ. Я всю свою жизнь прожилъ въ этой мѣстности и съ малыхъ лѣтъ хорошо знаю всѣ окрестныя дороги и проселки.

— Великолѣпно! Вы, повидимому, какъ разъ тотъ человѣкъ, какой намъ нуженъ. Разумѣется, м-ръ Веллингхамъ, не вы первый являетесь къ намъ съ такимъ предложеніемъ. Намъ положительно засыпали подобными предложеніями услугъ. Но въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста намъ приходится отказываться отъ нихъ—по различнымъ причинамъ, которыя мнѣ незачѣмъ излагать. Многіе изъ вашихъ коллегъ-автомобилистовъ, повидимому, воображаютъ, что армія работаетъ только днемъ и только въ хорошую погоду. Предупреждаю васъ, что вамъ придется, напротивъ, работать по преимуществу ночью, и что, чѣмъ хуже погода, тѣмъ лучше для нашихъ цѣлей.

— Это не мѣняетъ дѣла, господинъ полковникъ. Я готовъ на все.

Я поднялся и направился къ двери. Полковникъ жестомъ остановилъ меня.

— Одну минуту, м-ръ Веллингхамъ. Такъ какъ вы штатскій и добровольецъ, то справедливость требуетъ, чтобы я далъ вамъ нѣкоторое понятіе о той работѣ, которую вамъ придется выполнять. Но это, помните, между нами! Я говорю съ вами строго конфиденціально. Намъ приходится усиленно бороться съ нѣмецкими шпионами, которые причиняютъ намъ въ этой мѣстности массу вреда—гораздо больше, чѣмъ предполагается общество. Военное вѣдомство категорически заявило мнѣ, что надо положить конецъ этому шпионству, а разъ лордъ Китченеръ сказалъ что-нибудь, это должно быть исполнено. Эти шпионы, какъ вы, вѣроятно, знаете, работаютъ преимущественно ночью. Мы должны застичь ихъ по возможности съ поличнымъ. Говорю вамъ это для того, чтобы вы знали, на что идете. Ваша работа будетъ сопряжена съ извѣстнымъ рискомъ. Вы всегда должны имѣть при себѣ заряженный револьверъ. Желаете ли вы все еще работать съ нами, м-ръ Веллингхамъ?

— Всей душой, господинъ полковникъ.

— Великолѣпно!

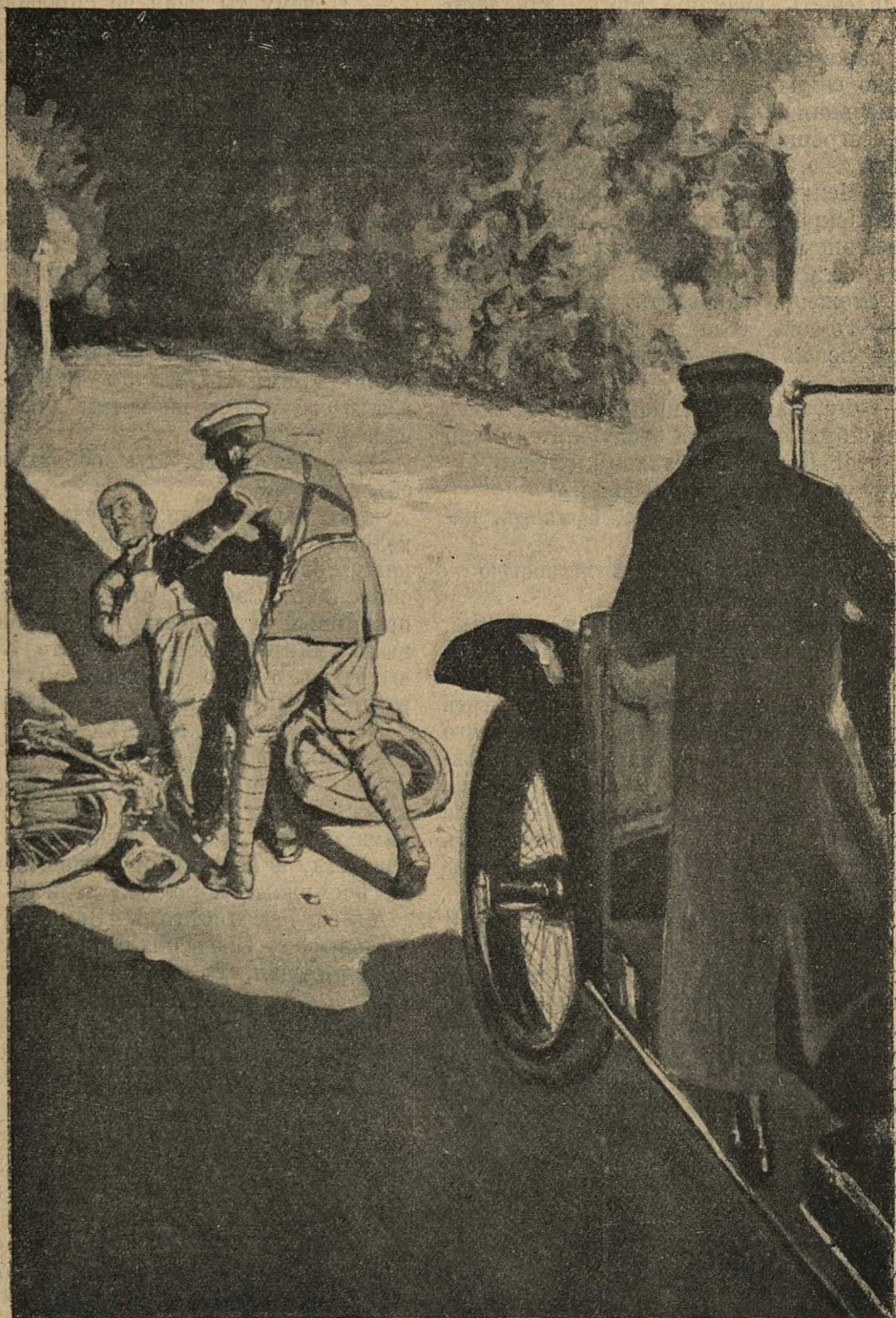
Полковникъ улыбнулся—въ первый разъ за все время—и протянулъ мнѣ руку.

— Мнѣ кажется, на васъ можно положиться. Каждый вечеръ передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, удостовѣряйтесь, что вашъ автомобиль готовъ на случай, если мы васъ вызовемъ ночью. Бензина не жалѣйте. Мы вамъ оплатимъ его. Всего хорошаго.

II.

Помощникъ.

Можете представить себѣ, въ какомъ возбужденіи были моя жена и сестра, когда я имъ сообщилъ о результатахъ моего разговора съ полковникомъ. Обѣ такъ и сіяли гордостью. Жена, навѣрное, тутъ же нацѣпила бы на меня крестъ. Викторинъ, будь у насъ дома нѣчто подобное. А Зоя пристала ко мнѣ, что надо немедленно же осмотрѣть автомобиль, все ли тамъ въ исправности, и съ такимъ рвеніемъ принялась чистить его металлические части, что у меня не хватило

Крикнувъ, чтобы зажгли фонари, лейтенантъ бросился на шпиона и схватилъ его за горло.

духу сказать ей что чѣмъ больше мы будемъ блестять, тѣмъ скорѣе мы привлечемъ вниманіе тѣхъ, для кого мы должны остаться незамѣченными. Я, кажется, не говорилъ еще, что Зоя ровно семнадцать лѣтъ, что она прехорошенькая и что другого такого сорванца-сестренку, какъ она, не скоро найдешь.

— Между прочимъ, — спросила она, вся раскраснѣвшись и запыхавшись отъ своей энергичной дѣятельности, — что будетъ, если по той или иной причинѣ ты не сможешь управлять автомобилемъ?

— То-есть, если я вышью лишнее и буду не въ себѣ — ты это хочешь сказать?

— Фу, какой ты противный! Можетъ что-нибудь случиться, тебя ранять — мало ли что! Кто же въ такомъ случаѣ будетъ управлять автомобилемъ?

— Не знаю. Вѣроятно, офицеръ, который будетъ со мной.

— Какой офицеръ? — съ живостью спросила Зоя.

— Понятія не имѣю. Но я полагаю, что какой-нибудь офицеръ поѣдетъ со мной.

— Но онъ, можетъ-быть, не умѣетъ управлять автомобилемъ. Знаешь, что я думаю, Поль? Я думаю, что тебѣ слѣдовало бы имѣть съ собой помощника.

— Чтобы онъ занималъ драгоцѣнное мѣсто? Спасибо. Да я и не имѣю средствъ держать шоффера. Ты прекрасно знаешь это.

Зоя умолкла и странно притихла. Я не особенно проницателенъ, но я давно замѣтилъ, что, когда моя сестренка задумывается, обыкновенно надо ждать съ ея стороны самаго неожиданнаго поступка. Такъ случилось и на этотъ разъ. Послѣ завтрака Зоя исчезла, а когда я поспѣшилъ въ гаражъ, я увидѣлъ, что она уѣхала въ автомобиль. Это очень разозлило меня, потому что меня могли вызвать до ея возвращенія, а я не хотѣлъ съ перваго же раза оказаться неисправнымъ. Я отъ всей души пожалѣлъ, что научилъ этого сорванца управлять автомобилемъ.

Она вернулась къ чаю съ огромнымъ сверткомъ.

— Гдѣ ты была? — спросилъ я.

— Ъздила въ магазины за покупками.

— Почему ты меня не спросила, мо- жешь ли ты взять автомобиль?

— Потому что ты бы мнѣ не позволилъ взять его.

— Стало-быть ты экспроприировала его? Похвально, нечего сказать! Я на тебя очень сердить.

— Въ военное время, — холодно отвѣтила Зоя, — дѣлаешь вещи, которыхъ не сдѣлала бы въ мирное время. Мнѣ нуженъ былъ автомобиль, а терять время мнѣ некогда было. Если бы я спросила у тебя позволенія, мы бы только проспорили цѣлый часъ, а кончилось бы все равно тѣмъ, что ты бы уступилъ. Я взяла его у тебя на время для пользы нашей родины.

— Можетъ-быть, ты соблаговолишь объяснитьсь?

— Я бы объяснила, будь это необходимо для пользы родины. Но такъ какъ этого нѣтъ, то я не считаю нужнымъ объяснять. Забудь, что я брала твой противный автомобиль, и не строй грозныхъ минъ, потому что это у тебя выходитъ только комично. Лучше передай-ка мнѣ, пожалуйста, анчоусы.

Всю эту ночь я лежалъ безъ сна, ожидая, не зазвонитъ ли телефонъ. Жена, правда, говоритъ, будто я спалъ прекрасно, но женщины ничего не понимаютъ въ такихъ вещахъ. Прошло три дня, а на четвертый меня призвали послужить королю и родинѣ.

Мы сидѣли за обѣдомъ, и Зоя подбѣжала къ телефону. Она вернулась въ столовую, приплясывая, съ разгорѣвшимися щеками и сіяющими глазами.

— Это лейтенантъ Малькольмъ, изъ Беннингтонскихъ казармъ! Такой строгій, воинственный голосъ. Онъ требуетъ тебя, Поль! Скорѣй!

Я поспѣшилъ къ телефону. Впрочемъ, если Зоя ожидала, что я побѣгу, она очень ошиблась. Я не побѣжалъ, а въ три прыжка очутился у телефона.

— М-ръ Веллингхамъ? — спросилъ мягкій и даже нѣсколько томный голосъ.

— Какой онъ душка, не правда ли? — шепнула Зоя у моего локтя.

— Я! Слушаю, — отвѣтилъ я въ телефонъ.

— Я—лейтенантъ Малькольмъ. Можете вы заѣхать сегодня за мной въ казармы въ десять часовъ вечера?

— Разумѣется.

— Прекрасно! Одѣньтесь теплѣе, потому что мы вернемся, можетъ-быть, поздно. Все остальное, что нужно, я захвачу. Кстати, какое-нибудь оружіе у васъ есть?

— Да, револьверъ.

— Возьмите его съ собой на всякій случай. Пока всего хорошаго. До свиданія.

Конецъ обѣда былъ пародіей на обѣдъ. Я-то былъ не прочь продолжать трапезу спокойно и степенно, какъ всегда, но жена и Зоя—особенно послѣдняя—не могли усидѣть на мѣстѣ и такъ затормошили меня, что я, въ концѣ-концовъ, махнулъ рукою на обѣдъ и пошелъ въ гаражъ, чтобы приготовить автомобиль для вечерней поѣздки.

Зная, какое значеніе военные придаютъ пунктуальности, я рѣшилъ выѣхать изъ дому въ половинѣ десятаго. Я уже зашнуровывалъ штиблеты, когда вдругъ услышалъ шумъ мотора и сразу узналъ по звуку собственный автомобиль. Вспомнивъ, что я оставилъ дверь гаража отпертой—мы живемъ въ довольно глухой мѣстности—я стремглавъ бросился внизъ. Автомобиль какъ разъ выѣзжалъ изъ гаража съ зажженными фонарями. У руля я увидѣлъ мужскую фигуру въ костюмѣ шоффера.

— Стой!—не своимъ голосомъ кричалъ я.—Стой, или я стрѣляю!

Автомобиль сдѣлалъ поворотъ и подкатилъ къ подъѣзду. Таинственный шофферъ—красивый юноша, лѣтъ шестнадцати—соскочилъ на землю, всталъ во фронтъ и отдалъ честь.

— Вы кто?—спросилъ я, рѣшивъ, что его, можетъ-быть, прислали изъ казармъ.—Что вы дѣлаете съ моимъ автомобилемъ?

— Садитесь, сэръ,—отвѣтилъ странный шофферъ высокимъ дискантомъ.

Тутъ я узналъ его. Это была Зоя, разумѣется. Я бы сразу догадался, не будь мои мысли заняты болѣе важными мыслями. Я опѣшилъ въ первый мигъ, однако очень скоро овладѣлъ собой.

— Эти дурачества,—строго сказалъ я,—совсѣмъ неумѣстны въ данное время.

И если ты думаешь, что ты хоть на мгновеніе ввела меня въ заблужденіе, ты очень ошибаешься.

Вмѣсто отвѣта, она только снова сдѣлала подъ козырекъ. Я долженъ былъ признать, что мужской костюмъ ей очень къ лицу.

— А теперь,—продолжалъ я,—ступай домой, сними этотъ парикъ и этотъ маскарадный костюмъ и ложись спать.

— Виновать, сэръ,—отвѣтила она.— Англія въ настоящее время ждетъ отъ cadaго своего сына, чтобы онъ исполнилъ свой долгъ.

— Это не относится къ глупымъ дѣвчонкамъ. Если ты воображаешь, что я возьму тебя съ собой въ эту дѣловую и, можетъ-быть, опасную поѣздку, ты очень ошибаешься.

Зоя, вмѣсто отвѣта, вскочила назадъ на сидѣніе. Моторъ все еще работалъ.

— Если ты меня не возьмешь,—крикнула она,—я ѣду сейчасъ въ казармы и скажу, что ты не можешь ѣхать и прислать меня вмѣсто себя! Я знаю мѣстность не хуже тебя и умѣю править автомобилемъ! Ну-съ, выбирай. Что хочешь?

— Сію минуту слѣзъ!

— Не слѣзю, пока ты не общаешься взять меня съ собой.

— Слѣзъ, говорятъ тебѣ! Слышишь?

— Слышу.

Но слѣзать между тѣмъ и не думала.

Что мнѣ было дѣлать? Время шло, а Зою невозможно было заставить слѣзть съ автомобиля. Видя, что я колеблюсь, она и моя жена, которая тоже явилась къ ней на подмогу, соединенными силами повели на меня атаку. Никакой опасности, молъ, не можетъ быть съ двумя мужчинами, чтобы охранять ее—особенно, когда одинъ изъ нихъ военный! Итакъ далѣе, итакъ далѣе. У женщинъ всегда наготовѣ сотни аргументовъ, когда онѣ хотятъ чего-нибудь добиться, и онѣ лучше по десять разъ повторять каждый изъ нихъ, чѣмъ согласятся отказать отъ своего желанія или каприза.

— Ладно!—сказалъ я, въ концѣ-концовъ.—Пусть ѣдетъ. Но если что случится, на меня не пеняйте.

Тутъ, онѣ, конечно, въ порывѣ благодарности бросились цѣловать и обни-

мать меня, такъ что время ужъ было безъ четверти десять, когда мы, наконецъ, тронулись въ путь.

III.

О б л а в а.

Лейтенантъ Малькольмъ распорядился, чтобы меня провели къ нему, какъ только я приѣду. Оставивъ автомобиль на попеченіи Зои, я послѣдовалъ за денщикомъ лейтенанта, и минуту спустя сидѣлъ въ удобномъ креслѣ передъ яркимъ огнемъ.

— Я хочу васъ ознакомить съ тѣмъ, что намъ предстоитъ сдѣлать сегодня, — началъ лейтенантъ. — Какъ вы, вѣроятно, слышали, извѣстные господа германской національности занимаются порчей телеграфныхъ проводовъ. Одинъ изъ этихъ молодчиковъ явился, по полученнымъ нами свѣдѣніямъ, въ нашу мѣстность. Онъ разъѣзжаетъ на мотоциклѣ, и я имѣю основаніе полагать, что сегодня намъ удастся застигнуть его на мѣстѣ преступленія, что намъ какъ разъ и требуется. Знакома вамъ проселочная дорога между Эльвеллемъ и Оксли?

— Да, и даже очень хорошо. Я часто ѣздилъ тамъ.

— Миляхъ въ двухъ къ югу отъ Оксли она пересѣкаетъ, кажется, полотно желѣзной дороги?

— Да. Дорога въ этомъ мѣстѣ идетъ по ложбинѣ и тамъ находится довольно высокій желѣзнодорожный мостъ.

— Вотъ-вотъ! И нашъ молодчикъ, по всей вѣроятности, выберетъ именно это мѣсто для своихъ операций. Линія, видите ли, охраняется часовыми, но онъ можетъ добраться туда по проселку. Я распорядился, чтобы между одиннадцатью и двѣнадцатью часами ночи часовыхъ убрали съ моста. Это ободритъ его и онъ примется за свою работу. Намъ надо бы добраться туда раньше и встать такъ, чтобы нашъ автомобиль не былъ виденъ, но чтобы мы въ любой моментъ могли выскочить и пуститься въ погоню. У васъ какіе фонари?

— Электрическіе.

— Это хорошо! Мы потушимъ ихъ, пока будемъ поджидать, и снова заж-

жемъ, если придется пуститься въ погоню. Вашъ автомобиль, надѣюсь, можетъ догнать мотоциклѣтъ?

— Я всегда обгонялъ ихъ, — отвѣтилъ я съ нѣкоторой гордостью.

— Прекрасно! Револьверъ взяли!?

— Да.

— Держите его подъ руками. Никогда нельзя знать, что случится. Ну-съ, теперь пора и въ путь. Я вижу, у васъ теплая куртка. Это хорошо. Ночь будетъ холодная.

Мы вмѣстѣ вышли и пересѣкли дворъ. Зоя сидѣла, вытянувшись въ струнку, на сидѣніи рядомъ съ мѣстомъ шоффера. Увидѣвъ насъ, она прыгнула на землю и открыла дверцу.

— Этотъ малецъ поѣдетъ съ нами? — вполголоса спросилъ меня лейтенантъ.

— Если вы ничего не имѣете противъ.

— Гмъ. Онъ немного молодъ для такого рода работы. А можно на него положить?

Мнѣ ничего не оставалось, какъ отвѣтить утвердительно. Лейтенантъ, видимо, не вполне удовлетворился, но онъ ничего не сказалъ и сѣлъ въ автомобиль, а за нимъ туда вскопчилъ сержантъ, подошедшій вслѣдъ за нами. Я занялъ мѣсто у руля, Зоя сѣла возлѣ меня, и мы покатили.

Я человѣкъ спокойный, но долженъ сознаться, что дрожь волненія то и дѣло пробѣгала по моему довольно тяжеловѣсному тѣлу, пока мы безшумно катили по темной дорогѣ. Лейтенантъ и сержантъ переговаривались вполголоса за моей спиной. Зоя молчала, но я зналъ, что вся ея стройная фигурка натянута, какъ струна. Что касается меня, то я былъ радъ послужить королю и родинѣ. Если бы шпионовъ оказалось десять или даже пятьдесятъ человѣкъ, вмѣсто одного, я готовъ былъ честно исполнить свой долгъ!

Мелкій моросящій дождикъ затуманилъ стекло передо мной, такъ что почти не видно было дороги.

— Спустить стекло? — спросила Зоя.

— Да, — отвѣтилъ я, невольно гордясь моей храброй сестренкой.

Не дождавъ мили до Эльвелля, мы были остановлены часовымъ, который внезапно вынырнулъ изъ темноты и под-

милъ руку. Я сразу остановилъ автомобиль, а лейтенантъ подозвалъ часового.

— Ничего новаго?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Автомобиль какой-нибудь проѣзжалъ тутъ недавно?

— Никакъ нѣтъ—только мотоциклетъ.

— Какой номеръ?

— 15703.

— Остановили его?

— Никакъ нѣтъ.

— Почему нѣтъ?

— Приказано было пропускать всѣ мотоциклеты, только смотрѣть номеръ.

— Совершенно вѣрно. Сколько людей на немъ ѣхало? Одинъ, два?

— Два, ваше благородіе.

— Куда поѣхали? Прямо къ Эльвеллю.

— Такъ точно. Со скоростью двадцати пяти миль въ часъ.

— Давно проѣхали?

— Минутъ пять, не больше.

— Прекрасно. Поѣзжайте, м-ръ Веллингхамъ.

Какъ только мы отъѣхали отъ часового, лейтенантъ наклонился впередъ и сказалъ мнѣ на ухо:

— Это какъ разъ наши молодчики. Номеръ—это только для отвода глазъ. Мы не говоримъ часовымъ слишкомъ много. А то легко спугнуть дичь. Можете вы ѣхать съ одними боковыми фонарями?

— Разумѣется, могу.

— Въ такомъ случаѣ потушите передніе фонари, какъ только мы проѣдемъ Эльвелль. Поѣзжайте со скоростью тридцати миль въ часъ, но только смотрите, чтобы не наскочить на нихъ и чтобы они не слышали, что мы ѣдемъ. Особенно на поворотахъ осторожнѣе. Остановиться надо будетъ, не доѣзжая моста.

Къ счастью, дорога между Эльвеллемъ и Оксли ровная и довольно гладкая для проселка. Тѣмъ не менѣе, ѣхать со скоростью тридцати миль въ часъ съ потушенными фонарями было довольно рискованно. Но я зналъ тутъ каждую пядь земли и можно было не опасаться, что мы наскочимъ на кого-нибудь въ этотъ поздній часъ. Тихо неслись мы

впередъ. Какъ я благословлялъ людей, изготовившихъ мой безшумный автомобиль!

— Далеко еще до моста?—спросилъ лейтенантъ.

— Мили двѣ.

— Смотрите въ оба!

Слѣдующій уголъ дороги я обогнулъ съ величайшей осторожностью, и въ самомъ дѣлѣ, впереди насъ, на разстояніи не больше трети мили, мы увидѣли небольшой красный огонекъ, который быстро удалялся.

— Стойте!—сказалъ лейтенантъ.— Можете вы ѣхать совсѣмъ безъ фонарей?

— Могу, но только не скоро.

— Это ничего. Они теперь не могутъ далеко уйти отъ насъ. Остановитесь, не доѣзжая четверти мили до моста.

Зоя потушила послѣдніе фонари, и мы медленно покатили дальше въ почти полномъ мракѣ. Я не сводилъ взгляда съ края дороги, какъ дѣлаютъ шофферы, когда ѣдутъ въ туманѣ, а остальные слѣдили за краснымъ фонаремъ впереди, смотря за тѣмъ, чтобы мы не подѣхали къ нему слишкомъ близко. Они не могли насъ слышать, потому что шумъ ихъ собственного мотора долженъ былъ заглушать тихій шумъ нашей машины.

— Стой!—опять сказалъ лейтенантъ.

Я затормозилъ. Красный фонарь впереди исчезъ и мы больше не слышали мотоциклета.

— Они, видно, достигли моста. Оставимъ автомобиль здѣсь. Вы можете остаться караулить его, молодой человѣкъ?

— Могу, сэръ,—отвѣчала Зоя.

— Хорошо. Вамъ лучше итти съ нами, Веллингхамъ. Приготовьте револьверъ.

По двумъ причинамъ я не могъ отказаться итти съ ними. Во-первыхъ, я такимъ образомъ выдавъ бы Зоинъ секретъ. А во-вторыхъ, меня могли бы заподозрѣть въ томъ, что я боюсь шпионовъ и ихъ револьверовъ. Поэтому я пошелъ съ ними, полный опасеній за мою взыскательную сестру и давая себѣ слово въ душѣ, что никогда-никогда больше ей не удастся заставить меня взять ее снова съ собой.

— Вотъ что, мальчикъ.—вернулся къ Зоѣ лейтенантъ, когда мы отошли на шагъ.—Смотрите въ оба, ни на шагъ

не отходите отъ автомобиля, и, какъ только услышите мой свистокъ, подъѣзжайте къ мосту. Фонарей лучше не зажигайте, а то они вздумаютъ еще стрѣлять по васъ.

Мы осторожно стали пробираться къ мосту, шагая по травѣ вдоль узкой дороги. Лейтенантъ Малькольмъ торопливымъ шепотомъ изложилъ мнѣ свой планъ.

— Одинъ изъ шпионовъ, навѣрное, поднимется на полотно дороги, чтобы перерѣзать провода, оставивъ другого внизу сторожить мотоциклетъ. Поэтому и сержантъ долженъ будетъ остаться внизу, между тѣмъ, какъ мы съ вами проберемся на полотно дороги, сдѣлавъ небольшой крюкъ. Когда мы настигнемъ нашего шпиона, сержантъ бросится на его соучастника и будетъ его держать, пока мы не подойдемъ. Тогда мы посадимъ обоихъ плѣнниковъ въ автомобиль и съ триумфомъ вернемся въ Беннингтонъ. Если же окажется, что оба поднялись на насыпь, чтобы причинить побольше вреда, тогда сержантъ осторожно послѣдуетъ за нами и будетъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ.

Таковъ былъ планъ лейтенанта.

Насъ было, разумѣется, трое противъ двоихъ, но мы знали, что шпионы пустятъ въ ходъ револьверы безъ малѣйшаго колебанія, между тѣмъ, какъ лейтенанту было предписано захватить ихъ по возможности живыми. Отъ нихъ надѣялись получить цѣнныя свѣдѣнія.

Мы съ лейтенантомъ перелѣзли черезъ какую-то ограду и очутились на лугу, быстро пересѣкли его, вышли къ желѣзнодорожной насыпи и осторожно взобрались на нее. Возлѣ моста стоялъ телеграфный столбъ. Подойдя къ нему ближе, мы увидѣли темную фигуру, которая карабкалась вверхъ по столбу съ помощью перекладинъ, которыя служатъ для удобства телеграфныхъ рабочихъ.

Все зависѣло отъ слѣдующихъ двухъ-трехъ минутъ. Темная фигура взбиралась все выше, а мы все ближе подходили къ столбу. Вдругъ лейтенантъ бросился впередъ, направивъ дуло револьвера на шпиона, и крикнулъ:

— Попался. Не уйдешь теперь. Посмѣй только достать револьверъ, и я выстрѣлю!

Результатъ этого внезапнаго окрика получился неожиданный. Шпионъ вздрогнулъ, выпустилъ съ перепугу изъ рукъ перекладину, за которую держался, и кубаремъ скатился внизъ—прямо на лейтенанта. Ударъ былъ такъ силенъ, что лейтенантъ упалъ и такъ и остался лежать. Шпионъ тоже растянулся, но тутъ же вскочилъ на ноги и выхватилъ изъ кармана револьверъ. Раньше, однако, чѣмъ онъ успѣлъ выстрѣлить, я бросился на него и схватилъ его за руки у кистей. Онъ былъ здоровый паренъ и притомъ моложе меня, но на моей сторонѣ было преимущество вѣса. Съ минуту мы боролись такъ. Потомъ ему удалось быстрымъ движеніемъ высвободить правую руку, все еще державшую револьверъ, и онъ выстрѣлилъ въ меня. Пуля пролетѣла мимо, не задѣвъ меня, но раньше, чѣмъ онъ успѣлъ выстрѣлить вторично, я опять бросился на него и повалилъ его на землю.

Мои пять пудовъ такъ придавили его, что онъ вступилъ въ переговоры. Онъ честнымъ словомъ клялся не дѣлать попытки къ бѣгству, если я выпущу его. Я отказался. Потомъ онъ обѣщалъ бросить револьверъ. Я опять отказался.

Приближался поѣздъ, а мы находились почти у самаго полотна дороги. Я раздумывалъ какъ разъ, какъ мнѣ поступить, чтобы не упустить плѣнника, удивлялся про себя, куда дѣвался сержантъ, когда шпионъ внезапнымъ судорожнымъ движеніемъ попытался бросить меня на рельсы. Я сразу понялъ его намѣреніе и это наполнило меня яростью. Предоставивъ ему дѣлать лѣвой рукой все, что угодно, я обѣими руками схватилъ его револьверъ, вырвалъ у него оружіе и отшвырнулъ его насколько могъ дальше. Потомъ поднялся на ноги, не выпуская шпиона. Поѣздъ уже былъ совсемъ близко и я безъ труда могъ бросить моего противника подъ паровозъ. Но онъ вопилъ о пощадѣ, и я вспомнилъ инструкціи, данныя лейтенанту. Поэтому я ограничился тѣмъ, что сбросилъ его съ насыпи, полагая, что сила паденія оглушитъ его, такъ что онъ не

успѣть убѣжать. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ.

Потомъ я повернулся къ лейтенанту. Онъ все еще лежалъ безъ движенія, и я не зналъ, убить онъ, или просто оглушенъ. Въ карманѣ у меня была бутылочка съ водкой, которую я предусмотрительно захватилъ съ собой изъ дому, и я влил нѣсколько капель ея въ ротъ лейтенанта. Къ моему несказанному облегченію онъ открылъ глаза и приподнялся.

Когда онъ окончательно пришелъ въ себя, его первый вопросъ былъ о шпионахъ. Я сказалъ ему, что нашъ плѣнникъ лежитъ подъ насыпью и что лучше поскорѣ связать его, пока онъ не пришелъ въ себя.

Сдѣлавъ еще глотокъ изъ бутылки, лейтенантъ заявилъ, что теперь ему совсѣмъ хорошо. Опираясь на меня, онъ спустился съ насыпи, и мы связали нашего плѣнника по рукамъ и ногамъ, воспользовавшись для этого носовыми платками. Едва мы кончили свое дѣло, какъ услышали въ нѣкоторомъ отдаленіи крикъ сержанта и увидѣли бѣгущую темную фигуру. Не зная, гдѣ находится сержантъ, мы боялись стрѣлять, но попытались пересѣчь путь бѣглецу. Завидѣвъ насъ, онъ началъ стрѣлять, перемахнулъ черезъ перила моста и прыгнулъ на дорогу, которая проходила подъ мостомъ. Секунды двѣ спустя мы услышали шумъ его мотоциклета.

Лейтенантъ свистнулъ, и Зоя подкатила къ мосту раньше даже, чѣмъ мы успѣли спуститься на дорогу. Я взобрался на свое мѣсто у руля, а лейтенантъ вскочилъ на подножку.

— Гоните во всю,—приказалъ онъ.

— Нѣтъ, не надо.—вскричала Зоя.— Онъ все равно не уѣдетъ далеко.

— То-есть какъ это?—удивился лейтенантъ.

Не успѣла Зоя отвѣтить, какъ мы услышали трескъ и громкое проклятіе на нѣмецкомъ языкѣ. Крикнувъ мнѣ, чтобы я зажегъ фонари, лейтенантъ соскочилъ съ автомобиля и схватилъ шпиона за горло раньше, чѣмъ тотъ успѣлъ высвободить ногу изъ-подъ велосипеда. Такимъ образомъ мы благополучно поймали обоихъ.

IV.

Роль помощника.

Своихъ плѣнниковъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ, мы помѣстили сзади подъ охраной сержанта, лейтенантъ Малькольмъ сѣлъ рядомъ со мной, а Зоя ѣхала на подножкѣ.

Разсказъ сержанта былъ не сложенъ. Не удовольствовавшись своей ролью караульнаго, второй шпионъ тоже поднялся на насыпь и направился къ другому телеграфному столбу, немного дальше по полотну дороги. Сержантъ послѣдовалъ за нимъ и бросился на него, когда онъ какъ разъ началъ карабкаться на столбъ. Но шпионъ былъ увертливѣе сержанта и вырвался у него изъ рукъ. Тогда-то сержантъ и позвалъ насъ.

Когда мы доѣхали до города, шпионовъ посадили на ночь подъ замокъ, а лейтенантъ настоялъ на томъ, чтобы я зашелъ къ нему и подкрѣпился немного.

— Приведите и вашего шоффера, — попросилъ онъ. — Я хочу спросить его кое о чемъ.

Отказать было неудобно, да и сама Зоя, повидимому, ничего не имѣла противъ.

— Ну-съ, молодой человѣкъ, я очень доволенъ тѣмъ, какъ вы сегодня выполнили вашу часть работы,—сказалъ лейтенантъ. — Но отвѣьте мнѣ, пожалуйста, на два вопроса. Во-первыхъ, почему вы знали, что этотъ молодчикъ не уѣдетъ далеко на своемъ мотоциклетѣ?

— Изъ-за шинъ, сэръ, — отвѣтила Зоя.

— То-есть какъ это?

— Онѣ были проколоты.

— Да, очевидно, что такъ. Но откуда вы знали это?

— Видите ли, сэръ, я полагалъ, что чѣмъ сидѣть безъ дѣла, я тоже могу чѣмъ-нибудь помочь, я и подобрался къ мотоциклету и прокололъ шину перочиннымъ ножомъ.

— А, чортъ! — вскричалъ лейтенантъ, бросивъ взглядъ на меня. — Стало-быть вы послушались данныхъ вамъ приказаній?.. Ну ладно, на этотъ разъ, такъ какъ все вышло къ лучшему, мы взглянемъ на ваше ослушаніе сквозь пальцы.

Теперь второй вопросъ. Почему вы не запишетесь въ армію?

— Потому что мнѣ года еще не вышли,—быстро отвѣтила Зоя.

— Сколько же вамъ лѣтъ?

— Шестнадцать, сэръ.

Лейтенантъ Малькольмъ пытливо посмотрѣлъ на нее. Я ждалъ каждую минуту, что нашъ обманъ откроется. Однако, каковы бы ни были его подозрѣнія, онъ больше ничего не спросилъ.

На обратномъ пути Зоя была такъ молчалива, что я предложилъ ей пенни,

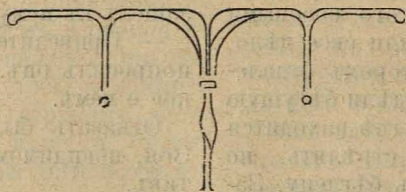
если она мнѣ скажетъ, о чемъ она думаетъ.

— Половину того, о чемъ я думаю, я, пожалуй, скажу тебѣ,—отвѣтила она.

—Я сейчасъ думала о томъ, что всю мою жизнь я жалѣла, почему я не родилась мальчикомъ. А теперь, когда я какъ разъ могла бы въ самомъ дѣлѣ приносить пользу, будь я женщиной,—я рада, что я женщина.

— Почему? — спросилъ я.

— О, этого я тебѣ не скажу,—отвѣтила Зоя.

Французская пѣхота, переходящая подь сильнымъ огнемъ рѣку Эн у Суассона по единственной уцѣлѣвшей рельсѣ желѣзнодорожнаго моста, взорваннаго германскими войсками

Схватка казаковъ съ германскими «гусарами смерти» убѣгающими отъ налета казачьяго отряда.

Казацкая ухватка

Разсказъ Б. Шишкина.

СОТНЯ терскихъ казаковъ стояла въ небольшомъ покинутомъ жителями нѣмецкомъ фольваркѣ. И лошади и люди отдохнули и имѣли свѣжій, бодрый видъ.

Была осенняя, ясная съ морозцемъ ночь. Въ помѣщеніяхъ фольварка было тѣсно и душно. Казаки высыпали наружу, развели большой костеръ и грѣлись около него. Это были все рослый, статный народъ. Многие—положительно красавцы. Всѣ одѣты въ черкески съ блестящими хозырями на груди. Тонкія таліи перетянуты ременными съ наборами поясами. У многихъ кинжалы и шашки въ серебрѣ. Говорили о послѣднемъ сраженіи, передъ которымъ ихъ сотня была на развѣдкахъ, о стычкахъ съ непріятелемъ, о наградахъ. Только объ одномъ не говорили, о павшихъ товарищахъ. Объ этомъ никто не обмолвился ни словомъ.

— А чтой-то, братцы, теперь у насъ на Терекѣ дѣлается,—вспомнилъ одинъ.—Теперь въ садахъ съ виноградомъ, небось, ужъ убрались. Гляди и вина надали.

— Да, теперь по всѣмъ станицамъ—и въ Шелковой, и въ Червленой, и

у насъ въ Новомлинской, по всему Тереку гулянье идетъ. Чихирю бы теперь...

— Что чихирь, далеко до него, до чихиря-то. Сыграли бы лучше пѣсню какую,—сказалъ урядникъ Фомушкинъ.

— И то, братцы, давай сыграемъ,—заговорили молодые казаки и, вспоминая свою далекую родину, запѣли про Мингалия.

Долго лилась пѣсня о подвигахъ и гибели знаменитаго казака. Она то гремѣла могучими раскатами, то тихими переливами уходила въ даль стародавнихъ временъ и закончилась протяжнымъ тоскливымъ аккордомъ.

Всѣ помолчали.

— Да, казакъ былъ,—сказалъ Фомушкинъ.

— Нынче ужъ и казаковъ такихъ нѣтъ,—замѣтилъ Ергушевъ.

— Лѣтъ съ восемьдесятъ тому назадъ, аль больше; былъ у насъ въ Новомлинской одинъ такой...

— Знаемъ,—Ерофей Широкій.

— Да, онъ, да его племянникъ Лука, а постѣ нихъ чтой-то и не слышать никого.

— Много въ старину настоящихъ казаковъ-джигитовъ было, не какъ нынче.

— Какъ онъ, Ерофей-то, нашему Андрею Широкову, дѣдомъ, что ли, приходится?

— Нѣтъ, должно, ужъ прадѣдомъ.

— А Андрею-то, говорятъ, крестъ дадутъ.

— Это за полковника-то за нѣмецкаго?

— Да, за него.

— А ловко онъ его, братецъ ты мой, середь всего ихъ стану на арканъ взялъ.

— Что и говорить. Весь ихъ родъ, Широкихъ, такой. Всѣ джигиты—молдцы.

— Видалъ ты этого полковника, какого Широковъ на арканъ-то приволокъ?

— Видалъ. Здоровенный полковникъ. Рыжій, усы кверху задраны, какъ у ихняго Вильгельма, какъ на портретахъ показано.

— А что-то, братцы, я вчерась слышалъ, какъ нашъ сотникъ хорунжему говорилъ:—«Вотъ пойдете, говорить, въ развѣздъ,—поймайте-ка самого Вильгельма. Онъ, говоритъ, отъ насъ недалеко со всѣмъ своимъ штабомъ находится!»

— Вотъ бы награда была, если бы его въ самдѣлѣ поймать!

— Да, надо полагать.

— Только не доберешься до него, до Вильгельма-то. Онъ, гляди, на передовыхъ позиціяхъ никогда и не бываетъ. Все гдѣ-нибудь сзади находится, потому ужъ очень высокая персона, а впередъ только своихъ генераловъ высылаешь.

— А сказывали онъ во все самъ входитъ и передъ боемъ позиціи самолично оглядываетъ.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало? Вотъ какъ увидишь на развѣдкѣ Вильгельма, такъ и спайай.

— Да какъ его узнаешь?

— А ты патреты его на картинкахъ видалъ?

— Видалъ.

— Ну вотъ какъ,—который сходственный, такъ ты его и хватай. Ежели штукъ со сто наловишь, такъ можешь, случаемъ, и на Вильгельма попадешь.

— Не сотню, а трехъ нѣмцевъ поймай, такъ одинъ непременно Вильгельмомъ окажется, потому у нихъ все Вильгельмы, Фридрихи да Карлы.

* *

Такъ болтали казаки. Ночь становилась все морознѣе. Иней появился на деревьяхъ и разноцвѣтными огоньками

сверкалъ на вѣткахъ при колеблющемся свѣтѣ костра. Пламя длинными языками скидывалось кверху и освѣщало южныя смуглыя лица и статныя фигуры казаковъ. Послышался топотъ лошади. Всѣ замолчали, прислушиваясь.

— Кого это Богъ несетъ!—подумалъ урядникъ, прикрывъ рукою глаза отъ огня и всматриваясь въ темноту.

Въ свѣтѣ костра появилась конная фигура казака.

— А, Широковъ!—узналъ его урядникъ.—Откуда пріѣхалъ, изъ полка?

— Приказъ привезъ. Сотенный тутъ?

— У себя на квартирѣ. Какой приказъ?

— Не знаю. Говорятъ, сегодня же ночью на развѣдку пойдемъ.

И Широковъ, тронувъ коня, скрылся въ темнотѣ.

— Лошадямъ корму подложи. Готовьтесь молодчики,—сказалъ урядникъ. Нѣсколько казаковъ поднялись исполнять приказаніе и направились къ лошадямъ.

— Ѳедоръ Петровичъ, къ есаулу,—подошелъ къ уряднику молодой казакъ.

Тотъ вскочилъ съ бревна, на которомъ сидѣлъ, и отправился къ начальству.

Чрезъ полчаса сотня уже выступала изъ фольварка. Длинною вереницей всадникъ за всадникомъ появлялись въ свѣтѣ костра и одинъ за другимъ исчезали въ темнотѣ. Вотъ мелькнулъ и скрылся послѣдній изъ нихъ. Едва перебѣгаютъ огоньки по углямъ догорѣвшаго костра. Холодъ и иней еще увеличились. Безмолвіе и тьма охватили покинутый фольваркъ.

Взошла луна и залила блѣднымъ свѣтомъ широкую пологую долину. Засеребрился иней на чернобыльникѣ, полыни и другомъ высокомъ бурьянѣ и на полегшей уже отъ заморозковъ травѣ. Тонкій, серебристый туманъ застилалъ далекій горизонтъ. На той, нѣмецкой сторонѣ долины появились изъ тумана тѣни нѣсколькихъ всадниковъ и остановились на холмѣ въ сіяніи луны. Виднѣлись острия ихъ касокъ. Временами блестѣли металлическія ножны сабель. Да, это были нѣмцы. Они, видимо, о чѣмъ-то совѣщались, осматривая долину. Одинъ показывалъ куда-то въ даль рукою.

А изъ лошадины, стараясь держаться за кустами, подкрадывались къ холму другіе всадники въ папахъ и буркахъ... Пригнувшись къ сѣдламъ, съ хищнымъ огонькомъ въ глазахъ, казаки, какъ волки за добычей, гуськомъ на рыскахъ подбирались къ нѣмцамъ. Тѣ, заслышавъ, наконецъ, топотъ, оглянулись и, увидя казаковъ, сначала какъ бы опѣшили. Потомъ замѣшались, затоптались на мѣстѣ и вдругъ всей гурьбой пустились наутекъ. Казаки гикнули и, выпустивъ лошадей во весь махъ, кинулись за ними. Началась настоящая травля. Сначала могло показаться, что казаки просто толпою несутся за нѣмцами. На самомъ же дѣлѣ опытный глазъ тотчасъ замѣтилъ бы что половина казаковъ сдерживала своихъ лошадей, а другая гнала во-всю.

Черезъ нѣкоторое время скакавшіе тише пускали коней полнымъ ходомъ, а другая половина, гнавшая нѣмцевъ, начинала осаживать. И сохраняя такимъ образомъ силы своихъ лошадей, казаки устроили за нѣмцами настоящую волчью гонку, и не пруссакамъ на ихъ заводскихъ лошадяхъ, годныхъ только для гипподрома и парадовъ, было уйти отъ казаковъ на ихъ тягущихъ кабардинкахъ, отъ которыхъ не уходятъ и настоящіе волки въ степи.

Нѣмцы, не зная казацкой хватки и силы ихъ лошадей и надѣясь на быстроту своихъ, гнали ихъ во весь карьеръ и на второй же верстѣ ихъ лошади задохнулись. Тогда нѣмцы начали кидаться то вправо, то влѣво, желая какъ-нибудь увильнуть отъ преслѣдованія, но когда нѣмцы кидались въ сторону, то часть казаковъ неслась имъ на перехватъ и сбивала ихъ на старый путь, гдѣ ихъ снова перехватывали другіе.

Игра подходила къ концу. Нѣмцы, видя, что имъ не уйти, внезапно повернули коней и съ мужествомъ отчаянія ударили на казаковъ. Тѣ, подпустивъ ихъ на самое близкое разстояніе, моментально раздались вправо и влѣво, и нѣмцы по инерціи пронеслись впередъ между ними. Казаки давно уже замѣтили, что имѣютъ дѣло не съ солдатами, а съ офицерами, и начали арканить ихъ со всѣхъ сторонъ, желая забрать въ плѣнъ живыми.

Скоро отъ всей блестящей кавалькады осталось только нѣсколько скакавшихъ по полю отдѣльныхъ всадниковъ, за которыми тонялись казаки и ни одинъ изъ нихъ не ушелъ отъ казацкаго аркана. Скоро всѣ нѣмцы были переловлены. Казаки собрались въ кучу.

Послѣ скачки лошади усиленно дышали, раздувая бока. Отъ нихъ валилъ паръ, и тутъ же садился инеемъ на ихъ спины, хвосты и гривы. Передъ разсвѣтомъ морозило сильнѣе. Луна стояла еще высоко, но на востокѣ небо ужъ какъ будто посвѣтлѣло. Нужно было поторапливаться убраться во-свояси, и казаки, не мѣшая, двинулись обратно.

Нѣмцы, связанные по рукамъ и посаженные на своихъ же лошадей, хмурые, стиснувъ зубы, слѣдовали за ними, перекидываясь между собою отрывочными, похожими на лай, фразами—не то словами досады, не то ругательствами—и избѣгали смотрѣть на казаковъ и другъ на друга. По ихъ мундирамъ было видно, что захваченъ какой-то штабъ. Добыча была блестящая.

Бодро и весело возвращались казаки болтая между собою.

— Ну, братцы, и дѣла! Цѣлую стаю офицеровъ ихнихъ зацанали. Безпремѣнно теперь награды будутъ.

— Диву даюсь надо, какъ они отъ своихъ-то отбились. Гдѣ же у нихъ солдаты остались, зачѣмъ одни впередъ выѣхали?

— Не понимаю,—говорилъ хорунжій, почему они не захватили никакой охраны и такъ неосторожно отделились отъ своихъ позипій.

— Очень просто,—отвѣчалъ есаулъ,—оттого они и прикрытія съ собою не взяли, что у себя дома были и никакой опасности не видѣли. Это мы къ нимъ невѣсть откуда прилетѣли. Они насъ, небось, за тридцать земель считали, а мы вотъ они. Однако ихъ сила тутъ гдѣ-нибудь недалеко. Гляди теперь ужъ и тревогу подняли. Надай, молодчики! Рысью!

* * *

Привставъ на стременахъ и наклонившись впередъ, весело бѣжали казаки черезъ поле, черезъ лѣсъ, потомъ опять черезъ поле, переговариваясь другъ съ

другомъ. Угрюмо, молча тряслись на сѣдлахъ грузные нѣмцы. Казаки были оживлены. Даже всегда серьезный Андрей Широковъ и тотъ разговорился.

— А тоже удалые есть изъ нихъ, изъ нѣмцевъ. Вонъ тотъ дюжій, сѣдой, какъ увидѣлъ, что дѣться некуда — обернулъ коня, да на меня. Глаза какъ у волка горять. Саблей взмахнулъ, я отбилъ, а онъ ужъ за мой кинжалъ схватился. Спасибо я успѣлъ его за руки ухватить, — ну стихъ, только заплакалъ со злости.

— А ты бы его шашкой.

— Чего шашкой. Срубить недолго, — живьемъ надо взять.

— Ты, Чарочкинъ, что палецъ завязалъ? Аль нѣмецъ попортилъ.

— Попортилъ и есть, чуть не отѣлъ. Больно мнѣ нѣмецъ злющій попался. Какъ я его арканомъ съ коня сдернулъ, навалился, началъ его вязать, а онъ, проклятый, цапъ меня зубами за палецъ. Я ему — пусти, это, моль, не порядокъ, онъ знай грызетъ. Ну я вижу, что безъ всякаго понятія нѣмецъ, — далъ ему ступку по башкѣ — сейчасъ онъ въ разумъ вошелъ и кусаться пересталъ. Теперь очухался, ишь вонъ на сѣдлѣ трясется, ровно собака на заборѣ сидитъ.

Болтливый Ергушевъ противъ обыкновенія ѣхалъ молча и все всматривался во взятаго имъ нѣмца. Луна свѣтила тому въ лицо. Ергушевъ не могъ глазъ отвести отъ плѣнника.

— Онъ, ей-Богу, онъ, — колотилось у него въ груди.

— Ты что приумолкъ? — обратился къ нему ѣхавшій рядомъ урядникъ.

Тотъ не отвѣчалъ.

— Да что ты на нѣмца-то упустился?

— Никакъ Вильгельмъ, — прошепталъ Ергушевъ, не смѣя вѣрить своей догадкѣ.

Урядникъ тоже посмотрѣлъ на плѣнника.

— И то Вильгельмъ! Больно схожъ, — сказалъ онъ.

— Братцы! Я Вильгельма поймалъ! — заоралъ вдругъ Ергушевъ.

— Цыцъ! Тише! — цыкнулъ на него есаулъ. — Чего орешь какъ оглашенный. Можетъ, нѣмцы гдѣ близко.

— Вильгельмъ. Ей-Богу, Вильгельмъ, быстро зашепталъ, захлебываясь и глотая слова, Ергушевъ. Онъ, онъ, какъ есть

онъ и усы и все такое. Онъ, ей-Богу, онъ.

Ергушевъ отъ волненія вертѣлся и ерзалъ на сѣдлѣ. Сердце его прыгало, глаза горѣли...

— Ну да, какъ не такъ. Такъ тебѣ и поймать Вильгельма. Нѣтъ, братъ... А вѣдь, дѣйствительно, очень похожъ, — сказалъ есаулъ, всматриваясь въ плѣнника. — Можетъ, и Вильгельмъ, только не... Стой, — скомандовалъ онъ вдругъ, поднявши руку.

Всѣ остановились и затихли прислушиваясь. Издалека, съ той стороны, откуда ѣхали казаки, донеслось ржаніе лошади.

— Нѣмецкихъ лошадей всѣхъ забрали? Отсталой никакой нѣтъ? — спросилъ есаулъ.

— Нѣмецкой ни одной не упустили и свои всѣ тутъ, — отвѣчалъ урядникъ.

— Ну, такъ, значить, нѣмцы нашъ слѣдъ ищутъ. Во всѣ стороны разсыпались, оттого и лошадь заржала. Завязать плѣннымъ головы башлыками, чтобы кричать не вздумали, да и ноги имъ подъ сѣдлами связать, а то, пожалуй, какой нарочно съ коня свалится, какъ уходить будемъ, — распорядился есаулъ.

Приказаніе было живо исполнено.

— Ну, теперь вотъ что, — обратился есаулъ къ хорунжему. — Вонъ недалеко передъ нами лѣсъ, справа отъ него, видите, оврагъ, вонъ что выходитъ изъ лѣса и заросъ кустами. Я знаю, оврагъ этотъ тянется почти до нашего расположенія. Такъ вы, какъ въѣдемъ въ лѣсъ, захватите съ собою человѣкъ двадцать казаковъ, да съ плѣнными и сверните направо къ оврагу, а тамъ оврагомъ и катайте къ своимъ. Въ лѣсу подъ деревьями инея нѣтъ, слѣда не будетъ видно и вашего поворота нѣмцы не замѣтятъ. Я же съ остальными казаками задержу насколько возможно погоню, а потомъ буду уходить прямикомъ черезъ лѣсъ и поле. Вообще постараюсь утянуть нѣмцевъ за собою. Въ концѣ оврага я, вѣроятно, васъ нагоню... Если живъ буду, — добавилъ онъ неожиданно. — Да, вотъ еще что: какъ въѣдемъ въ лѣсъ — общите плѣнныхъ и всѣ бумаги, какія у нихъ найдете, спрячьте у себя, а если съ вами что неладное случится и боя избѣжать будетъ

Через полчаса сотня вышла из фольварка.

нельзя, такъ вы до схватки отошлите бумаги съ Андреемъ Широковымъ, онъ пойдетъ съ вами.

* *

Черезъ нѣсколько минутъ казаки остановились въ кустахъ на опушкѣ лѣса. Ночь подходила къ концу. Луна склонилась къ горизонту. На востокъ чуть заалѣлась полоска зари. Было тихо, иней мелкими снѣжинками осыпался съ вѣтокъ на папахи и бурки казаковъ. Все тише и тише слышался хрустъ сучковъ подъ ногами лошадей отряда хорунжаго, который уходилъ въ конецъ лѣса къ оврагу съ плѣнными нѣмцами и, наконецъ, все затихло. Съ есауломъ осталось казаковъ человекъ тридцать. Всѣ молчали и, затаивъ дыханіе, старались уловить малѣйшій звукъ. Отъ напряже-

нія слуха звенѣло въ ушахъ, но все было тихо. Иногда слышался шорохъ, когда, освободившись отъ опавшаго съ нея инея, выпрямлялась вѣтка и ударялась о другую.

— Гонять,—прошепталъ Чарочкинъ.

— Да, чортъ ихъ возьми,—подтвердилъ есаулъ.—Иней. Ничего не подѣлаешь. Слѣдъ видно. Даже нѣмецъ и тотъ не собьется.

Въ морозномъ воздухѣ, по зарѣ, далеко слышался топотъ лошадиныхъ ногъ о мерзлую землю.

— На рысяхъ идутъ,—сказалъ есаулъ, прислушиваясь къ топоту.—Слѣзай,—скомандовалъ онъ.—Лошадей въ лѣсъ отвести. Мы нѣмцевъ тутъ на опушкѣ пѣшимъ боемъ встрѣтимъ.

Топотъ все приближался. Теперь уже земля гудѣла отъ множества копытъ. Вотъ изъ-за ближняго холма показались лакированные каски нѣмцевъ, вотъ уже видны головы лошадей, заблестѣли ножны сабель.

— Вотъ дураки-то,—думали казаки.— Прямо на-смерть пруть,—бей на выборъ. Даже разѣзда впередъ не выслали.

Однако, не доѣзжая до лѣса, нѣмцы остановились, какъ бы опасаясь засады. Ихъ былъ цѣлый эскадронъ. Вотъ впередъ выѣхали десять человекъ и смѣло на рысяхъ двинулись къ лѣсу.

Вдругъ грянулъ залпъ казачьихъ винтовокъ. Нѣсколько всадниковъ свалилось, двое вмѣстѣ съ конями рухнули на землю. Четверо бросились назадъ къ своимъ, но одинъ, не доскакавъ, тоже упалъ.

Нѣмцы въ первый моментъ опѣшили, но, опомнившись, вдругъ всей массой кинулись къ лѣсу. Ихъ встрѣтили разъ за разомъ пять залповъ подъ рядъ. Сразу, какъ скошенные, повалились передніе всадники и образовали заваль, на которой, тѣся и давя другъ друга, напирали задніе ряды.

Перескочить этотъ заваль было невозможно. Лошади спотыкались, путались ногами между трупами лошадей и людей, падали и увеличивали собою страшный живой барьеръ.

Залпъ слѣдовалъ за залпомъ. Всадники летѣли черезъ головы. Смѣшались въ кучу кони, люди. Выстрѣлы, крики, ржаніе.

Лошади безъ всадниковъ съ развѣвающимися гривами и хвостами неслись во всѣ стороны по полю.

Уцѣлѣвшіе нѣмцы едва выбрались изъ этой каши и, отпрянувъ отъ мѣста свалки, собрались толпою въ почтительномъ разстояніи отъ лѣса, не зная, что дѣлать и даже не рѣшаясь подать помощь своимъ раненымъ, которые со стонами и воплями копошились въ огромной смѣшанной кучѣ живыхъ и мертвыхъ лошадей и людей. И все это было дѣломъ пяти минутъ.

Наконецъ нѣмцы выслали часть людей въ обходъ, а остальные стояли въ строю передъ лѣсомъ и нестрѣляли по казакамъ, опасаясь перебить своихъ, посланныхъ въ лѣсъ.

Въ лѣсу на опушкѣ неясно виднѣлись между кустами темныя фигуры казаковъ. Они тоже не стрѣляли и твердо ждали поваго натиска.

Наконецъ сади нихъ въ лѣсу раздался условный выстрѣлъ. Нѣмцы стремительно бросились впередъ. Казаки молчали и неподвижно подпускали враговъ на самое близкое разстояніе. Передніе нѣмцы, ожидая, ежемгновенно смертоносного залпа, наконецъ, не выдержали этой нравственной пытки, замаялись, повернули лошадей назадъ, смѣшали остальныхъ, и всей гурьбой отскакали опять на старое мѣсто, хотя казаки молчали и не сдѣлали ни одного выстрѣла.

Но вотъ въ лѣсу замелькали между деревьями каски посланныхъ въ обходъ нѣмцевъ. Они въ пѣшемъ строю яростно

ударили на казаковъ съ тыла. Казаки не дрогнули и молчали... еще мгновеніе и сабельные удары нѣмцевъ посыпались на казацкія бурки и башлыки, развѣшенные на кустахъ. Самихъ же казаковъ давно и слѣдъ простылъ. Шутя и посмѣиваясь, склоняясь на сѣдлахъ, они уже далеко летѣли черезъ поля и перелѣски на своихъ быстрыхъ, какъ вѣтеръ, кабардинскихъ коняхъ.

— Ну и ловокъ же нашъ есаулъ, — говорили казаки.

— Ужъ на это его взять, — соглашались другіе, — ловко увернулся.

— А здорово имъ выпали, — говорилъ на скаку есаулъ.

— Ужъ куда лучше, — согласился урядникъ Фомушкинъ. — То-то, небось стгоряча по буркамъ саблями мѣсить начали.

— Бурку жалко, — говорилъ Чарочкинъ, — больно хороша бурка была, въ Грозномъ пятнадцать монетъ отдашь.

— Ладно, бурка твоя дѣла будетъ, — сказала есаулъ. — Нѣмцамъ не до бурокъ теперь. Небось съ собой не захватили, а на мѣстѣ бросили. И бурка и башлыкъ опять твоихъ рукъ не минуютъ.

— Какъ такъ?

— А вотъ увидишь.

* * *

Казаки въ это время скакали по открытому полю. Впереди виднѣлся небольшой лѣсокъ. Вотъ и его проѣхали. Дальше версты на полторы опять шло поле, а за нимъ — лѣсъ.

— Ну-ка, молодчики, надай попроворнѣй вонъ до большого лѣса, а то намъ назадъ въ этотъ лѣсокъ, что сейчасъ проѣхали, пѣскорѣй вернуться надо, пока въ него нѣмцы еще не прискакали.

Казаки неслись теперь по чистому полю, оставляя по инею широкій слѣдъ за собою. Скоро они вѣхали въ болъшой, густой и мрачный лѣсъ. Инея подъ деревьями совершенно не было, и различить слѣдъ было невозможно. Проѣхавъ немного въ глубь лѣса, есаулъ вывелъ казаковъ опять къ тому мѣсту, гдѣ они вѣхали.

— Ну, теперь нѣмцы долго проищутъ насъ въ этомъ лѣсу и выхода нашего изъ него не найдутъ, — сказала есаулъ. — Ну-ка, братцы, пошелъ за мною, только ста-

рымъ слѣдомъ держись, да не кучей скачи, а гуськомъ, по-одному, чтобы слѣдъ шире не размять. Нѣмцы сторяча не разберутъ, что мы назадъ, имъ навстрѣчу по старому слѣду вернулись.

И вотъ казаки длинной вереницей, одинъ за другимъ, какъ волки, перескакиваютъ поле обратно въ лѣсокъ.

— Брось-ка, Фомушкинъ свой башлыкъ на самомъ видномъ мѣстѣ, чтобы нѣмцамъ еще вѣрнѣе было видно, что мы въ большой лѣсъ прошли,—сказалъ есаулъ.

Хотя никто изъ скакавшихъ сзади казаковъ не зналъ, что Фомушкинъ нарочно бросилъ башлыкъ и каждому изъ нихъ ничего не стоило поднять его на скаку, но ни одинъ не сдѣлалъ этого, сразу смекнувши въ чемъ дѣло.

Черезъ минуту казаки уже были въ лѣсочкѣ и затаились въ буеракѣ въ дальнемъ концѣ его. Немного спустя послышался шумъ, несдержанные голоса и ругань. Нѣмцы съ гамомъ прошли на рыскахъ черезъ лѣсокъ и сразу наѣхали по другую сторону его на ясный слѣдъ казаковъ. Нѣмцы загалдѣли еще пуще и всю толпою кинулись къ большому лѣсу.

— Такъ, отлично,—подумалъ есаулъ.— Теперь ищи вѣтра въ полѣ. Чортъ васъ возьми!

— Ну и народъ,—удивлялись казаки.— Даже не взглянули на слѣдъ. Вотъ такъ вояки. Одно слово колбасники.

Казаки, не теряя времени, выѣхали изъ лѣска и сначала, чтобы поменьше шумѣть, на рыскахъ, а потомъ и во весь духъ неслись къ лѣсу, въ которомъ былъ бой.

На опушкѣ его есаулъ остановилъ казаковъ.

— Навѣрное нѣмцы кого-нибудь оставили у своихъ раненыхъ. Ступай-ка, Фомушкинъ, посмотри, если есть кто,—захватить надо. Да поаккуратнѣй, гляди, шума не надѣлай.

— Ладно, знаю,—отвѣчалъ тотъ и, сойдя съ коня, исчезъ за кустами.

Тихо, какъ кошка, крался Фомушкинъ отъ куста къ кусту къ мѣсту недавней свалки. Онъ часто останавливался и прислушивался, но ничто не указывало на присутствіе нѣмцевъ. Наконецъ онъ

вышелъ изъ кустовъ. Ничего живого на мѣстѣ побоища не было. Лежало нѣсколько убитыхъ людей и лошадей, валялись изломанные сѣдла и растрепанные кавалерійскіе व्यюки и много всякой изорванной военной амуниціи. По полю съ безпокойнымъ ржаніемъ растерянно бѣгало нѣсколько осѣдланныхъ лошадей. Далеко на горизонтѣ въ лучахъ восходящаго солнца видѣлась группа удаляющихся всадниковъ. Фомушкинъ догадался, что это были нѣмцы, увозящіе своихъ раненыхъ.

— Должно-быть, скоро опять сюда вернуться,—подумалъ про нихъ Фомушкинъ,—ишь ни убитыхъ своихъ не похоронили, ни лошадей не переловили, даже бурки наши не забрали. Вотъ и моя тутъ. Ахъ проклятые,—въ двухъ мѣстахъ пробили. Однако непременно скоро вернуться,—и Фомушкинъ поспѣшилъ обо всемъ доложить есаулу.

Черезъ нѣсколько минутъ казаки, забравши свои бурки, уже двигались лѣсомъ къ оврагу, по которому ушелъ хорунжій съ плѣнными.

— Эхъ, коней бы нѣмецкихъ переловить. Хорошіе кони, жалко, не намъ достанутся,—вздыхали казаки.

— Чего хорошіе. Только что изъ себя видные, а настоящаго ничего въ нихъ нѣтъ.

— Извѣстно, супротивъ нашихъ не выдержать, а все-таки добрыя лошади. Да и сѣдла дорогія. Эхъ, переловить бы!

— Когда тамъ ловить. Солнышко взошло, свою голову береги,—отозвался есаулъ.

Вотъ и оврагъ. По дну его бѣжалъ ручей. И на той сторонѣ за ручьемъ, и внизъ и вверхъ по его теченію, вездѣ разстилалась ровная, бѣлая не тронутая пелена инея. Никакихъ слѣдовъ не было видно, а между тѣмъ здѣсь прошелъ хорунжій съ цѣлымъ отрядомъ.

— Куда же они дѣвались? Тутъ никого не было,—удивился одинъ молоденькій казачокъ.

— Ну, и дуракъ же ты, братецъ ты мой, а еще казакomъ прозываешься. Куда дѣвались!—Вонъ гляди.

Въ это время есаулъ спустился въ ручей и пустил коня по его руслу вверхъ по теченію. За нимъ гуськомъ

Болтливый Ергушевъ противъ обыкновенія фхаль молча и все всматривался во взятаго имъ нѣмца.

одинъ за другимъ потянулись по ручью и остальные казаки, стараясь нигдѣ не задѣвать ногами коней береговъ

— Ну, что понялъ?

— Понялъ, — отвѣчалъ сконфуженно казачонокъ.

— То-то, учись. А то, если гдѣ одному придется, куда годишься, — поучалъ молодого опытный Чарочкинъ. — Это вотъ съ нѣмцами такъ можно, а вотъ попробовалъ бы съ нашими азіатами. Тѣхъ, братъ, не... Э, что тамъ, — оборвалъ вдругъ свою рѣчь Чарочкинъ.

— Гдѣ? спросилъ есаулъ.

— Вонъ на бугрѣ, на самомъ краю сврага, въ кустахъ.

— Тамъ никаго не видать, — впутался опять казачонокъ.

— Ужъ молчи ты безпонятный. Извѣстно никого не видать, а только вонъ

всѣ кусты въ иней бѣлые стоятъ, а одинъ кустъ потемнѣй, иней съ него опалъ, значить подъ нимъ кто живой есть, али недавно былъ. и иней съ куста стряхнулъ.

— Да, пожалуй, кто-то есть, — согласился есаулъ. — Только далеко еще, вотъ подойдемъ ближе — узнаемъ.

Скоро дѣло разъяснилось. Изъ-подъ куста, изъ ямы подвинулась на ноги лошадь, на нее вскочилъ человекъ.

— Это нашъ въ секретѣ лежалъ, — сказалъ Чарочкинъ.

Всадникъ спустился къ ручью — оказался Ергушевъ.

— Хорунжий въ секретъ послалъ, на счетъ нѣмцевъ, значить — чтобы, какъ ежели что, чтобы сейчасъ знать дать, — пояснилъ онъ.

— Такъ,—согласился есауль, только что же ты больно затаился. Видишь мы идемъ, а сидишь. Кустъ-то надъ тобою отряхнутъ—намъ видно. Я думалъ, ужъ не нѣмецъ ли какой, потому нашъ давно бы вышелъ. Чуть въ забѣдъ ловить не послалъ. Ты чего же сидѣлъ?

— И то, какъ лошадь клалъ, маленько за кустъ задѣлъ. Хотѣлъ мѣсто переменить, да тутъ яминка больно удобная оказалась. Я еще отколѣ вась увидѣлъ, да только что хотѣлъ выходить, оглянулся, на всякъ случай, на дальній лѣсъ, а оттуда волкъ черезъ поле махаетъ. По бѣлому то хорошо видать. Чтой-то, думаю, онъ не шагомъ, а въ трускомъ какъ обыкновенно, а во весь махъ дуетъ. Скачетъ, скачетъ, остановится, оглянется назадъ на лѣсъ, да опять мѣрять черезъ поле примется. Вижу, вовсе тревожно идетъ. Ну, думаю, не спраста, безпремѣнно въ лѣсѣ нѣмцы должны быть и большой должно шумъ надѣлали, и волка напугали, потому у нихъ все съ шумомъ да съ гамомъ.

— Нѣмцы и есть, это мы ихъ туда отманули,—сказалъ есауль.—Ну, братцы, изъ ручья теперь вонъ. Довольно по немъ проѣхали. Трогай рысью.

— Далеко хорунжий?

— Да верстъ съ пять ужъ должно быть ушелъ,—отвѣчалъ Ергушевъ.

— Ладно, пошевеливай, молодчики, время не теряй.

И казаки, привставъ на стременахъ, зарысили вверхъ по оврагу, уже не скрывая своего слѣда, но все же стараясь держаться за кустами. Такъ ѣхали довольно долго. Солнышко поднималось все выше и выше, иней сталъ пропадать, но казаки все еще ясно видѣли слѣды отряда хорунжаго.

— Все время на рысяхъ идутъ,—замѣтилъ Чарочкинъ, разсматривая эти слѣды.

И точно. Далеко впереди, за однимъ изъ поворотовъ оврага мелькнула партія конныхъ—хорунжий шелъ на рысяхъ.

— Прибавь ходу, молодцы,—скомандовалъ есауль, желая поскорѣе присоединиться къ своимъ.

* * *

Ужъ давно бы пора и нагнать хорунжаго. Впереди оврагъ былъ виденъ на

далекое разстояніе, но никакихъ казаковъ не было.

— Изъ молодыхъ да ранній,—усмѣхнулся себѣ въ усы есауль,—ишь, таится, только ужъ маленько пересолилъ.

Вскорѣ недалеко впереди выѣхалъ изъ кустовъ хорунжий, а за нимъ и остальные казаки съ плѣнными.

— Что это, батенька, вы ужъ и отъ своихъ-то прячетесь, вотъ какого страха на вась нѣмцы нагнали,—пошутилъ есауль, подѣзжая къ хорунжему.

— Да, знаете, всяко бываетъ... можетъ быть, нѣмцы въ вашей одеждѣ подѣзжали...—отвѣчалъ тотъ.

— Да, да, да. Такъ я и дамся. Нѣтъ, батенька, я старый волкъ, съ меня шкуру содрать мудрено. Впрочемъ, вы правы, осторожность никогда не мѣшаетъ,—добавилъ есауль серьезно.

Ергушевъ тотчасъ же подѣхалъ къ своему плѣннику и смотрѣлъ теперь на него среди яснаго дня.

— Онъ! Вильгельмъ!

— А ты все на своего нѣмца наглядѣться не можешь,—обратился къ Ергушеву урядникъ. Вотъ чудакъ человекъ. Да что ты съ ума сошелъ, а въ дуракъ вовсе,—развѣ можно самого Вильгельма на развѣдкѣ поймать. Теперь нѣмцевъ съ такой рожей сколько хочешь. Гляди, вонъ и Равочкинъ тоже Вильгельма поймалъ—не хуже твоего будетъ.

Оглянулся Ергушевъ, а рядомъ съ Равочкинымъ тоже Вильгельмъ ѣдетъ, только мастью маленько посвѣтлѣй.

— Тьфу,—злбно плюнулъ Ергушевъ.—Вотъ наважденіе.—И больше уже не оглядывался ни на своего ни на другихъ плѣнныхъ.

Оврагъ между тѣмъ, кончился. Есауль остановилъ казаковъ и одинъ выѣхалъ наверхъ осмотрѣться. Передъ нимъ далеко разстилалось чистое поле. Налѣво и сзади синѣлъ большой лѣсъ, а впереди рисовались знакомые холмы нашего расположенія войскъ.

— Потрогивай, братцы, нечего время терять,—сказалъ есауль, поглядывая на лѣсъ.

Казаки, выбравшись изъ оврага, на рысяхъ тронулись черезъ поле къ своимъ позиціямъ. Не даромъ есауль на лѣсъ оглядывался. Вонъ изъ опушки высо-

чилъ одинъ, два, три, десять... цѣлый эскадронъ нѣмцевъ и во весь опоръ понесли наперерѣзъ казакамъ.

— Позвольте я на нихъ ударю съ казаками,—предложилъ есаулу хорунжій.

— Что вы съ ума сошли! Чтобъ васъ тамъ всѣхъ перебили... Держись, братцы, ближе къ плѣннымъ, тогда нѣмцамъ въ насъ стрѣлять нельзя будетъ—своихъ же нѣмцевъ перебьютъ. Гайда,—крикнулъ есауль и пустилъ коня во весь махъ.

— До рукопашной дѣло не дойдетъ,—пояснилъ онъ хорунжему, быстро прикинувъ своими зоркими глазами разстояніе отъ себя до нѣмцевъ,—и до нашихъ позицій успѣемъ увильнуть. Наддай, молодчики. Гайда!

И точно, вскорѣ нѣмцы были уже на разстояніи выстрѣла, но не стрѣляли, боясь перебить плѣнниковъ, и скакали наперерѣзъ казакамъ, видимо, желая схватиться съ ними на сабляхъ. Еще полверсты такой скачки, и столкновение должно произойти неминуемо. Вдругъ казаки круто свернули вправо и нѣмцы, вмѣсто того, чтобы быть впереди казаковъ и преградить имъ путь, очутились въ полверстѣ сзади нихъ. Дикій вопль ярости вырвался у нѣмцевъ, и они, всадивъ шпоры въ бока своихъ лошадей, бѣшено ринулись за казаками.

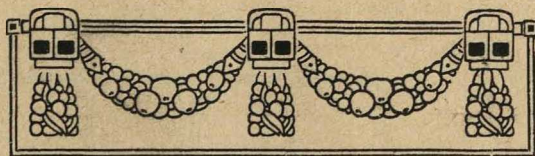
— Ну-ка, молодчики, плюнь имъ въ морду хорошенько,—крикнулъ есауль.

Казаки на-скаку выхватили винтовки изъ чехловъ и, обернувшись на сѣдлахъ, начали сыпать выстрѣлами въ нѣмцевъ. Нѣсколько всадниковъ перевернулось черезъ голову вмѣстѣ съ конями, но нѣмцы не прекратили погони и продолжали скакать не стрѣляя, желая во что бы то ни стало схватиться въ рукопашную и вырвать отъ казаковъ своихъ плѣнныхъ товарищей. Казалось, они забыли все на свѣтѣ и не видали, что русскія позиціи уже совсѣмъ близко... Наконецъ нѣмцы опомнились, но было поздно. Изъ-за лѣска на нихъ уже летѣла донская сотня съ пиками на перевѣсѣ. Стремительно съ гикомъ ударили казаки. Еще мигъ—и все было кончено. Нѣмцы опрокинуты, смяты, и новая толпа плѣнныхъ нѣмцевъ съ двумя офицерами во главѣ уже слѣдовала за удалыми донцами.

— Спасибо, Гавриличъ,—кричали терскіе казаки донскимъ.

— Ладно. За вами не пропадетъ Сочтемся,—отвѣчали тѣ.

Съ залихватской пѣсней, съ посвистомъ шли казаки. Озираясь по-волчьи угрюмо молчали плѣнные нѣмцы.

	Стр.
Сенегальскій стрѣлокъ. Повѣсть <i>В. Дубаса</i>	3
На пути къ побѣдѣ. Отрывки изъ дневника резервиста, участника Европейской войны	27
Нервы. Эпизодъ изъ морской войны	48
На французской границѣ. Разсказъ	59
Восемь бутылокъ Изъ хроники захваченнаго врагомъ го- рода. Разсказъ <i>Воронова</i>	66
Ночная эскспедиція. Разсказъ.	73
Казацкая ухватка. Разсказъ <i>Б. Шишкина</i>	84

